ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

Пров. 50 20113

1663

9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) „ПРАВДА"

1936

СОДЕРЖАНИЕ

К. Бауман — Положение и задачи советской науки 1

В. Молодший — Об ученом враге в советской маске 8

В. Сережников — Социально-политическая теория Аристотеля 19
М. Суслин — Бэкон и его трактат «О принципах и началах» 46

П. Анохин — Анализ и синтез в творчестве академика И. П. Павлова 64

С НАУЧНОГО ФРОНТА

И. Сурта — О работе Академии наук БССР 79
Г. Ф. — О состоянии и задачах психологической науки в СССР 87

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Максимов — О журнале «Социалистическая реконструкция и наука» . . . 100
А. Гагарин — Критические заметки по вопросу о борьбе вокруг философского наследства Франца Меринга 117
И. Разумовский — Новая английская книга о диалектическом материализме. Т. А. Джексон «Диалектика, логика марксизма, и ее критики. Опыт исследования». Лондон. 1936 126
Г. Александров — Натурфилософские взгляды Аристотеля. Аристотель «Физика», Соцэкгиз, 1936 г. 138
С. Балезин — Обзор учебников по общей химии. Н. Глинка «Неорганическая химия», А. Реформатский «Неорганическая химия», Б. Меньшуткин «Курс общей химии (неорганической)», А. Раковский, Э. Краузе, А. Богомолов «Курс общей неорганической химии», Б. Некрасов «Курс общей химии» 151

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
1663

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1936 г. СЕНТЯБРЬ № 9

СОДЕРЖАНИЕ

К. Бауман — Положение и задачи советской науки (1). **В. Молодший** — Об ученом враге в советской маске (8). **В. Сережников** — Социально-политическая теория Аристотеля (19). **М. Суслин** — Бэкон и его трактат «О принципах и каналах» (46). **П. Анохин** — Анализ и синтез в творчестве академика И. П. Павлова (64). **С НАУЧНОГО ФРОНТА: И. Сурта** — О работе Академии наук БССР (79). **Г. Ф.** — О состоянии и задачах психологической науки в СССР (Отчет о совещании психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма») (87). **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: А. Максимов** — О журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (100). **А. Гагарин** — Критические заметки по вопросу о борьбе вокруг философского наследства Франца Меринга (117) **И. Разумовский** — Новая английская книга о диалектическом материализме. Т. А. Джексон «Диалектика, логика марксизма и ее критики. Опыт исследования» (126). **Г. Александров** — Натурфилософские взгляды Аристотеля. Аристотель «Физика» (138). **С. Балезин** — Обзор учебников по общей химии Н. Глинка «Неорганическая химия», А. Реформатский «Неорганическая химия», Б. Меньшуткин «Курс общей химии (неорганической)», А. Раковский, Э. Краузэ, А. Богомолов «Курс общей неорганической химии», Б. Некрасов «Курс общей химии» (151).

Положение и задачи советской науки

К. Бауман

Нет и не было в мире страны, где бы относились с бóльшим уважением к науке, чем в стране победоносного социализма, в стране Советов.

Роль науки по мере успехов социализма в нашей стране все возрастает и будет возрастать. Ведение планового хозяйства, составление плана ГОЭЛРО, планов первой и второй пятилеток потребовали большого участия научных сил страны. Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства открыли небывалые просторы для применения науки во всем народном хозяйстве. Мощь поднявшегося стахановского движения пред'являет новые возросшие требования к научно-исследовательской мысли.

Решающим лозунгом нашей страны является лозунг Ленина — догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении страны. Эту задачу с огромной страстностью и силой ставит и осуществляет товарищ Сталин. «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны»,— вспоминает он слова Ленина во время Октября. «Мы от-

стали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», — говорил товарищ Сталин в феврале 1931 года на совещании хозяйственников.

Что же нам нужно для того, чтобы осуществить эту великую задачу? Мы должны овладеть наукой и техникой. «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой»,— продолжал товарищ Сталин в той же речи на совещании хозяйственников.

Прошло пять лет, как были сказаны эти слова. За эти годы наша страна под руководством товарища Сталина гигантски шагнула вперед. Тракторы, танки, автомобили, аэропланы, турбины, автоматические станки, синтетический каучук, оптические приборы, пластмассы, анилиновые краски — все это научился производить Советский Союз. Многое при этом мы позаимствовали непосредственно у передовых капиталистических стран— Америки и Западной Европы. Мы широко привлекали иностранную техническую помощь.

В этих успехах страны широко сказалась также роль научно-исследовательской работы. Без Оптико-механического института у нас не было бы своей оптической промышленности. Оптическим институтом разработаны новые методы варки и приготовления разных сортов стекла — около 50 рецептов, новые приемы технической шлифовки и полировки (метод тов. Гребенщикова), которые ускорили и удешевили производство, одновременно повысив и качество. Промышленность пластических масс возникла на основе работы соответствующего института. Главным институтом прикладной химии разработаны новые способы получения синтетического каучука (так называемый «совпрен»), обладающего рядом преимуществ. С работой советских ученых за последние два—три года связан успех анилино-красочной промышленности — освоение прочных красителей. Героический полет тт. Чкалова, Байдукова и Белякова на аэроплане с мотором нашей конструкции, сделанном из наших материалов, ярко свидетельствует о росте технической мощи страны.

Успехи несомненны, однако, они еще далеко не достаточны. Научно-исследовательская работа явно отстает от общего под'ема страны. Товарищ Сталин на первом стахановском совещании совершенно правильно указал на то, что «данные науки, данные технических справочников и инструкций противоречат требованиям стахановцев о новых, более высоких, технических нормах». И, далее, товарищ Сталин подчеркнул, что «данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом, — какая же это наука?.. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики».

Товарищ Сталин вскрыл основную причину отставания нашей научно-исследовательской работы. Не достигнута еще необходимая связь ее с про-

мышленностью, сельским хозяйством, транспортом и другими областями социалистического строительства. Классическое положение товарища Сталина, что «теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией», стало сейчас общепризнанным в массе научных работников. Они охотно ссылаются на это положение товарища Сталина при возникающих спорах о связи теории с практикой. К сожалению, между словом и делом у значительной части научных работников налицо определенный разрыв.

В Наркомтяжпроме недавно состоялось совещание работников научно-исследовательских институтов и хозяйственников. Здесь ярко выявилось, что работники промышленности не удовлетворены научно-исследовательской работой. Наука мало дает промышленности,— таково их общее мнение. Вот почему надо решительно перестроить работу научно-исследовательских институтов, больше приблизив их к жизни. Единственным критерием оценки научных достижений наших институтов должна быть та помощь, которую они окажут развитию хозяйства и культуры страны.

Сейчас, после речи товарища Сталина на стахановском совещании, идет значительная перестройка: изменили свою тематику такие теоретические институты, как Институт физической химии им. Карпова (Москва), химической физики (Ленинград). Академия наук СССР впервые на мартовской сессии этого года подвергла резкой критике Физико-технический институт, руководимый академиком Иоффе, за его оторванность от промышленности.

Однако, когда «Правда» резко раскритиковала раболепие наших ученых перед заграницей, отдельные ученые в свое оправдание заявляли: «Вы требуете от нас арифметики, не хотите давать нам заниматься алгеброй, высшей математикой, вот почему мы вынуждены труды более глубокого научного порядка направлять в заграничные журналы». Это голос консерваторов, стремящихся защитить позиции псевдонауки, не понимающих того, что именно требования современной техники являются могучим стимулом движения науки вперед.

Все еще встречаются темы крайне далекие от нашей эпохи и жизни. Например, «эволюция рисунка крыла некоторых палеарктических чешуйчатокрылых», или «о социальном поведении петухов». Тов. Молотов совершенно законно иронизировал на приеме ученых Академии сельскохозяйственных наук над такой темой, как «одомашнивание лисиц».

Жалуются не только работники промышленности, законно пред'являют свои претензии к науке также и наши совхозы и колхозы. Взять хотя бы такой гигантский научно-исследовательский институт, как Всесоюзный институт растениеводства. До последнего времени его руководитель акад. Вавилов занимался главным образом собиранием по всему миру различных видов пшениц и других растений и их систематикой, не ставя актуальнейшей задачи внедрить в производство высокоурожайные сорта.

Если задача наших ученых заключается в первую очередь в том, чтобы связаться теснее с практикой всего нашего социалистического строитель-

ства, то, с другой стороны, наши хозяйственные органы обязаны своевременно внедрять достижения науки в жизнь. На том же совещании научно-исследовательских институтов в Наркомтяжпроме приводились примеры волокиты в этой области. И совершенно своевременно тов. Серго Орджоникидзе в своем приказе об'явил выговор с предупреждением начальнику Главэнерго тов. Ловину за проявленный им консерватизм в деле внедрения прямоточных котлов.

Связь теории с практикой, связь науки с жизнью — первое непременное условие плодотворной научной работы.

Вторым непременным условием продвижения советской науки вперед должно стать широкое развертывание самокритики. Много еще косности, консерватизма и кастовости среди отдельных групп ученых. Разве не характерно, что разоблачение Лузина как двурушника, как врага в советской маске произошло лишь после сигналов «Правды»? Страстная борьба за истину, критика фетишей, всего отживающего, старого, всего гнилого должна быть неот'емлемым качеством каждого советского ученого. Это прекрасно понимают лучшие представители советской науки.

«Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека»,— писал в своем предсмертном письме Иван Петрович Павлов. Да, Павлов был страстным искателем истины, и именно эти черты настоящего ученого не позволили ему погрязнуть в болоте обывательщины. Он ставил своей конечной задачей найти в физиологии руководство для лучшей и более долголетней человеческой жизни. Он, великий реформатор своей науки, в конечном счете уяснил величие дела Ленина—Сталина как дела, обеспечивающего лучшую жизнь всего человечества.

Характерно и то, что такой крупный ученый, как А. П. Карпинский, горячо воспринял идею советской власти, понял размах ее творческих сил. В унисон со всем ходом последнего с'езда комсомола звучали его слова: «...Запаситесь беспощадной самокритикой, скромностью, так свойственной почти всем искателям истины, с благодарностью прислушиваясь к основательным возражениям на ваши выводы, ибо, по выражению гениального современника великой эпохи возрождения Леонардо да-Винчи, противник, ищущий ваших ошибок, полезнее для вас, чем друг, желающий их скрыть. Вам предстоит быть носителями не только в нашей стране, но и за ее пределами идеи равенства людей и их прав, прав всех народностей,— идеи, так блестяще и быстро оправдавшейся в нашей стране».

Для развития науки нет более благоприятной обстановки, чем в нашей стране, освободившейся от классовых и расовых предрассудков, создавшей великую сталинскую Конституцию. Однако пережитки старого мира дают знать себя и здесь. Был период, когда в связи с господством школы ВИР (Всесоюзный институт растениеводства) сельскохозяйственная наука замалчивала великого русского ученого Мичурина. Тов. Лысенко, как известно, продолжает дело Мичурина. Страна благодарна ему за его яровизацию, его теорию стадийности развития растений, за другие прекрасные работы, например, по борьбе с вырождением картофеля на юге. Вместе с тем

тов. Лысенко не согласен с господствующей точкой зрения среди генетиков по отдельным вопросам. И вот находятся ученые, которые, вместо серьезного и всестороннего научного разбора спорных точек зрения, стремятся замалчивать эти разногласия.

Можно еще взять пример из области медицины — теорию А. Д. Сперанского о решающей роли нервной трофики в заболеваниях человека. В заключении своей книги «Элементы построения теории медицины» А. Д. Сперанский прямо заявляет, что «медицина Вирхова, Пастера и Эрлиха приблизилась к исчерпанию и уже не в силах справиться с противоречиями». И опять ряд ученых предпочитает пошептываться, покачивать головами, а не выступать с серьезным научным разбором, с согласием или с критикой положений Сперанского.

Разве не ясно, что такое поведение приносит вред стране, задерживает процесс коллективного научного творчества? Самокритика в науке все еще слаба. Надо всемерно использовать нанесенный лузиновщине удар для беспощадного искоренения двурушничества, для воспитания всей массы научных работников в духе страстной борьбы за истину в науке, в духе той самокритики, которой нас учил Ленин и учит Сталин.

Третьим условием развития науки является хорошая организация научно-исследовательской работы. На науку мы тратим много денег — по всей стране около одного миллиарда рублей. Из них свыше 400 миллионов рублей только по Народному комиссариату тяжелой промышленности.

На состоявшемся совещании в Наркомтяжпроме немало споров вызвал вопрос о типе организации научно-исследовательской работы. Итог совещания таков: в первую очередь мы должны развернуть научно-исследовательскую работу в заводских лабораториях, и, во-вторых, в соответствующих отраслевых институтах, тесно связанных с заводами. Эти институты должны находиться в ведении главков. Тов. Серго Орджоникидзе со всей силой подчеркнул, что главк полностью отвечает за состояние своего научно-исследовательского института. Кроме того, часть институтов, например, Институт физической химии, Физико-технический институт, остаются в общем ведении наркомата. Разумеется, научно-исследовательская работа будет проводиться также институтами Академии наук СССР и кафедрами высшей школы.

Центральный Комитет партии, заслушав в мае с. г. доклад о Всесоюзном электротехническом научно-исследовательском институте, предложил передать заводским лабораториям ту часть тематики, которая не соответствует прямым задачам этого института. Развертывая научно-исследовательскую работу на самих заводах, соответственно этому ставя и в сельском хозяйстве опыты в самих совхозах и колхозах, внимательно изучая опыты медицинских клиник, мы в то же самое время должны упорядочить сеть научно-исследовательских институтов. Она разбухла. В связи с этим явно неправильно используются научные кадры. Иные научные работники работают в 4—5 институтах.

Наркомтяжпромом за последний год ликвидировано около десятка ненужных научно-исследовательских институтов. Почти половина из 47 су-

ществующих в Советском Союзе институтов эпидемиологии и бактериологии без всяких оснований числится научными институтами, являясь на деле обычными санитарными бактериологическими лабораториями. В одной Москве имеется три научных института по туберкулезу, три института по психиатрии. Между тем одного хорошо организованного института по каждой из этих отраслей достаточно для серьезной исследовательской работы.

Одновременно с этим разбухли штаты многих институтов за счет малоквалифицированного персонала. В Институте минерального сырья числилось в начале этого года свыше тысячи человек. Директор института с полным основанием заявил, что можно обойтись половиной этого состава и сейчас идет сокращение штата. В Институте животноводства—штат в 530 человек (все сидят в Москве), а научными сотрудниками числятся 231 чел. Однако, по заявлению самого директора, самостоятельную научную работу могут вести только 42 человека. В Горьковском институте стоматологии из 40 врачей никто, в том числе и директор, не имеет ученых степеней.

Многие институты построены по типу административных учреждений. В ряде институтов существует большая многочленность руководства: дирекция, отделы, сектора и, наконец, лаборатории. Канцелярии институтов разбухают за счет научно-экспериментальной работы. Уйма совещаний, заседаний, докладов, смет и отчетов, но мало живой связи и конкретного руководства научной работой. Директор редко бывает в лабораториях, заведующий лабораторией редко видит директора. И сами научные работники мало занимаются экспериментальной работой. При таком положении крайне слаба труддисциплина, и зачастую совершенно не учитывается плодотворность работы того или иного сотрудника.

В оплате труда научных работников существует до сих пор уравниловка. Работник, давший ряд ценных научно-технических предложений, оплачивается одинаково с работником малополезным. Наряду с основным окладом надо широко применять премирование научных работников за плодотворную работу. Весьма полезно было бы установить в пользу институтов процентные отчисления от экономии, полученной в результате внедрения в производство научно-технических предложений институтов. Этим поощрялся бы здоровый рост наиболее плодотворных институтов, и они всемерно укреплялись бы за счет притока лучших кадров, лучшего материального обеспечения всей научно-исследовательской работы.

Важнейшим вопросом развития науки является вопрос о кадрах. В науке целиком применимо положение товарища Сталина «Кадры решают все». Подготовка научных кадров требует наибольшего времени, хорошей организации высшей школы и аспирантуры как при кафедрах, так и в научно-исследовательских институтах.

Последнее постановление Центрального Комитета партии о высшей школе безусловно сыграет выдающуюся роль в деле повышения научной квалификации оканчивающих вузы.

Массовым источником пополнения научно-исследовательских кадров могут служить также кадры стахановцев, изобретателей. Из этих лучших людей промышленности и сельского хозяйства более молодые по своему воз-

расту должны быть посланы в учебные заведения или при некоторой их научной подготовке непосредственно привлечены на работу в научно-исследовательские институты. Наш народ богат талантливыми самородками. Надо лишь своевременно их выявить, отшлифовать, воспитать из них крупных деятелей науки и технического прогресса.

Вся наша страна, большевистская партия, комсомол, хозяйственные, культурные органы должны проявить здесь свою организаторскую роль, неустанно выращивать новые кадры научных специалистов. Сейчас наступило время, когда не только русские, украинцы и другие, в прошлом более культурные, нации, но и самые отсталые в прошлом народы должны давать и уже дают научные кадры. Все народы нашей страны должны стремиться к выполнению лозунга товарища Сталина «овладеть наукой и техникой».

(«Правда» от 6 сентября 1936 г.).

Об ученом враге в советской маске

В. Молодший

Товарищ Сталин неоднократно указывал, что чем больше, чем значительнее успехи социалистического строительства, тем злее и подлее становится сопротивление наших врагов.

В стране победившего социализма разбитые наголову враги не имеют и не могут иметь массовой социальной базы. Именно поэтому двурушничество, «клятвы верности» и т. п. и вместе с тем подготовка террористических актов против руководителей нашей партии и правительства становятся методом контрреволюционной борьбы озверевших врагов социализма. Раскрытая органами НКВД террористическая деятельность контрреволюционной, фашистской троцкистско-зиновьевской банды показала, что классовый враг в своем отчаянном стремлении к реставрации капитализма, в своей звериной борьбе против социализма идет на самые чудовищные преступления и злодеяния.

Основоположники марксизма-ленинизма учат нас, что классовая борьба ведется не только в области экономики и политики, но и на теоретическом (идеологическом) фронте. Жизнь неоднократно подтверждала и подтверждает это указание наших вождей. Вспомним хотя бы процесс Промпартии: тогда фактами было установлено вредительство Промпартии не только в промышленности, но и в научной области. В наше время особенно надо быть бдительным на теоретическом фронте, так как с каждым днем возрастает роль науки в социалистическом строительстве, а «кадры, овладевшие техникой, решают все».

Классовые враги своей преступной деятельностью на теоретическом фронте пытаются мешать росту советской науки, душить все талантливое, привить учащимся гнилые, антисоветские «теории», готовить неполноценных специалистов.

Большинство наших старых и молодых ученых с энтузиазмом работает на научном поприще, помогая дальнейшему росту и укреплению социализма. Следуя указаниям товарища Сталина, наши ученые стараются ликвидировать в кратчайший срок отставание науки от практики социалистического строительства. Для решения этой задачи наши ученые имеют все возможности: нигде в мире ученые не пользуются таким авторитетом и поддержкой, как в Советском союзе.

На благо социалистической родины работает подавляющее большинство наших ученых. Но в среду наших ученых кое-где затесались враги, которые, притаившись, пакостят и ведут вредительскую работу. К их числу принадлежит академик Н. Н. Лузин, вредительская деятельность которого была разоблачена «Правдой».

I

Статьи «Правды» о Лузине всколыхнули нашу научную общественность. Научная общественность восприняла разоблачение Лузина как еще один урок того, что враг не сложил оружия, что он маскируется все искусней, что он двурушничает и вредит подлее и подлее. Научная общественность поняла, что лузинщина может процветать только там, где еще сохранилось раболепие перед мнимыми авторитетами, где нет самокритики, где сохранились еще традиции старого, буржуазного академического мира.

Кто такой Лузин? Почему в течение ряда лет вредительство Лузина оставалось в тени?

Лузин вырос в рядах царской «московской математической школы». Как известно, философией «московской математической школы» были черносотенство, православие и самодержавие. Лакейство и заискивание перед старшими по рангу, групповщина, борьба за «местечки», присвоение чужих результатов — все это имело место в старой «московской математической школе». Именно в такой среде начал Лузин свою научно-педагогическую деятельность, ознаменовав ее смыканием с правым крылом профессуры. Лузин оставался в Московском университете и после университетских событий 1911 г. (при министерстве Кассо).

После победы Октябрьской пролетарской революции, в первые годы нэпа, адепты старой «московской математической школы», в первую очередь профессор Егоров (долгое время бывший директором Института) и К°, обосновались и захватили руководство в Московском научно-исследовательском институте математики и механики при 1-м МГУ. Институт математики и механики должен был готовить через аспирантуру научных работников — математиков — и вести исследовательскую работу в области математики. С первых лет первой пятилетки перед Институтом встали задачи планирования и увязки своей работы с задачами социалистического строительства. Как реагировали матерые деятели старой «московской математической школы», и в первую очередь профессор Егоров, на стоящие перед Институтом задачи? Они всемерно старались отгородиться от всего советского, вели вредительскую линию (Егоров). Именно в годы нэпа начинается «прорубание окна» заграницу: бегство профессора Костицына, усиление раболепия перед иностранными учеными, а равно и усиленное печатание научных работ исключительно только заграницей. Аспиранты подбирались из среды социально чуждых людей. Если же в Институт попадал кто-либо не «свой», его затирали, создавали ему такие «условия», при которых невозможна никакая плодотворная работа. Но особенно проявилось антисоветское лицо воротил старой «московской математической школы» в 1930 г., когда в Институте после указаний товарища Сталина в речи на конференции аграрников-марксистов стали обсуждаться вопросы увязки научно-исследовательской работы с социалистическим строительством. Адепты этой школы во главе с Егоровым утверждали, что математика не имеет никакого отношения к социальным вопросам; что увязка научно-исследовательской работы с социалистическим строительством—ерунда, выдуманная большевиками; что ученому «безразлично» все и вся кроме его «чистой» науки. Что Егорову было «все и вся» далеко не безразличны, об этом говорят факты из антисоветской деятельности Лузина, которые были разоблачены на страницах нашей печати. Нечего и говорить, что внесенное тогда предложение о планировании научно-исследовательской работы было встречено в штыки, как якобы «затирающее индивидуальность и инициативу ученого» и т. п.

Под руководством партийных организаций в 1930 г. была разгромлена старая «московская математическая школа». Однако приехавший в то

время из Франции Лузин занял враждебную позицию по отношению к новым начинаниям. Когда же Лузина попросили подписать адресованный иностранным ученым протест группы московских математиков и физиков против интервенционистских намерений некоторых иностранных держав по отношению к СССР, Лузин ответил отказом и ушел из 1-го МГУ. Именно с этого момента начинается усиление «деятельности» Лузина.

На новых путях Институт математики и механики 1-го МГУ достиг немалых результатов. Без преувеличения можно сказать, что за время существования Института наилучшие научные работы были сделаны с 1930 года. Но несмотря на приближение Института к советской действительности, в среде научных работников, в особенности в среде старшего поколения, и посейчас осталось немало пережитков от старой «московской математической школы». Самокритики — вот чего нам не хватает, говорили многие ученые при обсуждении статей «Правды» о Лузине. Самокритику заменяло преклонение перед «авторитетами» науки, замалчивание ошибок, проступков. Была групповщина, заменявшая коллективный труд, мешавшая работе. При этом имело место почти повальное печатание работ в иностранных журналах, что иногда создавало этим иностранным журналам большой авторитет и ухудшало качество наших математических журналов. Часто делали и так: лучшие работы печатали заграницей, похуже — в советских журналах. Это, кстати сказать, давало возможность Лузину печатать в советских журналах много второстепенных работ и тем самым создавать «дымовую завесу» для своей деятельности.

Некоторые работники не понимали всей вредности раболепия перед буржуазными, заграничными издательствами; они даже верили, что, печатая все лучшее заграницей, они якобы приносят пользу советской науке. Люди не понимали, что при таком положении наши молодые кадры из-за малой доступности иностранных журналов почти лишаются возможности учиться на лучших работах математиков. Наконец, находились даже и такие люди, которые, ища «благовидные» предлоги, говорили: «Печатать заграницей полезно, так как это заставит молодых научных работников лучше изучить языки».

Старые традиции были свойственны не только ряду научных работников Института математики и механики при 1-м МГУ. В 1934 г., на II всесоюзном математическом с'езде, молодой авторитетный ученый Марков сделал доклад об ошибках в некоторых работах академика Н. М. Крылова. Казалось бы, ничего страшного в докладе Маркова нет. Однако группа ученых написала академику Крылову письмо, где выражала ему свое соболезнование по поводу «нетактичности» Маркова. Авторы письма не входили в обсуждение сути вопроса: они протестовали против формы выступления Маркова, то есть против самокритики в научной среде.

Лузин, не зная существа дела, вначале отказался дать подпись. Но после обращения одного из делегированных к нему авторов со словами: «Николай Николаевич, так может случиться с любым академиком», — Лузин тут же подписал письмо. Этот факт известен многим московским математикам; о нем говорили на заседании научных работников Институтов математики и механики и математического факультета МГУ во время обсуждения статей «Правды» о Лузине. В Институте математики хранится стенограмма этого заседания.

А вот второй факт: когда «Правда» напечатала ответ директора 16-й школы Дзержинского района академику Лузину, в котором давалась резкая отповедь лживым заявлениям Лузина о наших школьниках, один из математиков пошел на квартиру к Лузину, чтобы... совместно пи-

сать в «Правду» «опровержение». (Этот факт был оглашен профессором П. С. Александровым на том же заседании научных работников 1-го МГУ).

Никакой открытой критики «действий» Лузина почти не было. О подлостях Лузина говорили в кулуарах, возмущались, но... молчали. Молчали еще и потому, что слово Лузина имело большой вес не только в редакциях русских журналов, но даже и некоторых иностранных. При отсутствии самокритики критикующие рисковали увидеть закрытыми двери многих журналов.

Самое же главное состоит в том, что в Лузине просмотрели врага, вредителя, считая его только нечистоплотным, «ученым-чудаком» и т. п. Бдительность была притуплена. Вот почему «деятельность» Лузина не была разоблачена в течение ряда лет. Ответственность за это несут в первую очередь сами математики.

Материалы «Правды», материалы комиссии Академии наук СССР по делу Лузина, постановление Президиума Академии наук СССР (от 5/VIII 1936 г.), выступления научных работников показывают, что:

1) вредительство Лузина распространялось на все участки математического фронта;

2) тактикой, прикрывавшей вредительство Лузина, было его двурушничество: «либерализм», «чудачества», ссылки на «оторванность ученого от жизни», «похвальные» отзывы и т. п.

Н. Лузин — крупный математик. Ему принадлежат глубокие исследования в области теории функций действительного переменного. В течение 1915—1922 гг. Лузин возглавлял одну из значительных математических школ СССР. Многие ученики Лузина стали видными учеными.

Казалось бы, все это должно было радовать Лузина, стимулировать его дальнейшую научную работу и работу с учениками. Ничуть не бывало! Лузин заботился только о себе, о поднятии своего авторитета в глазах иностранных ученых. Ради этого он шел на все. Задачи роста советской науки его не занимали, он их презирал. Не случайно Лузин сказал заместителю председателя Комитета по высшей школе тов. Волынскому, что, по его мнению, в Советском союзе нет ни одного математика, достойного (вероятно, конечно, кроме самого Лузина!) звания доктора! [1]). Сказать такую наглость мог только враг: ни для кого не секрет, что советская математика занимает теперь одно из первых мест в мире. Советская математика своим международным положением обязана работе многих наших математиков, из коих в первую очередь надо назвать академиков Бернштейна и Виноградова, профессоров Александрова, Гельфонда, Колмогорова, Люстерника, Понтрягина, Соболева, Шнирельмана, Чеботарева, Хинчина и др.

По мере научного роста учеников, в особенности при их попытках стать на путь больших самостоятельных исследований, отношение к ним Лузина становилось враждебным. Пока ученики жили идеями учителя, работали под его руководством, оттеняли его превосходство и создавали ему славу (в особенности заграницей), Лузин терпел учеников. Но карьеристские устремления Лузина не могли мириться с самостоятельностью и, что

[1]) Этот факт сообщил профессор Соболев (член Комиссии АН СССР по делу Лузина) на собрании научных работников Институтов математики и механики и математического факультета 1-го МГУ.

еще «хуже», с превосходством учеников. Карьеризмом в самой отвратительной его форме об'ясняется присвоение Лузиным некоторых результатов научной работы Суслина, Новикова и Лаврентьева.

Сопротивляющихся, «неугодных» Лузин всячески преследовал. Так, он отвел кандидатуры профессоров Колмогорова и Гельфонда от баллотировки на звание членов-корреспондентов Академии наук СССР.

Если устранить «неугодных и критиканов» не удавалось, если дело грозило последствиями для самого Лузина, им применялась иная тактика. В «Правде» сообщалось, что Лузин печатает на русском языке большее число малоценных, «разбавленных водою» работ, по его же словам, «ради устрашения количеством».

Иллюстрацией такой «работы» Лузина может служить следующий факт: Лузин опубликовал исследование о вековом уравнении, размером в 160 страниц. Аспирант же Гантмахер достиг тех же результатов на... 3 страничках и послал свое исследование в редакцию «Математического сборника». Редакция же переслала работу Гантмахера на отзыв Лузину. У Лузина возникает вопрос: как замазать возможный скандал? В письме на имя редакции он пишет, что второсортная работа Гантмахера не подходит для такого первоклассного журнала, каким является «Математический сборник». Одновременно с этим Лузин посылает письмо Гантмахеру, в котором не советует печатать его превосходную работу во «второразрядном» журнале, т. е. в «Математическом сборнике». Лузин рекомендует Гантмахеру направить работу на его имя для представления к напечатанию в изданиях Академии наук.

Однако, когда Гантмахер переслал свою работу Лузину, последний не счел необходимым представить ее для напечатания в изданиях Академии наук СССР. Работа Гантмахера впервые была оглашена на II всесоюзном математическом с'езде, в Ленинграде в 1934 г.

В своей «деятельности», в особенности после 1930 г., Лузин вел линию на засорение советской математики малоквалифицированными людьми. Лузин раздавал похвальные отзывы, в которых писал, что обладатели таковых имеют право носить звание доктора, быть аспирантами и т. п. При ближайшем же рассмотрении оказывалось, что претендующие на звание доктора в лучшем случае могут быть кандидатами наук, а претенденты на аспирантуру должны сперва закончить университетский курс. Лузин расхваливал оканчивающих среднюю школу, «считая», что все они знают элементарную математику на «отлично». Если же Лузину указывали на неправильность таких отзывов, он ссылался на «мягкость» своего характера. Тот же «мягкий» характер Лузина заставлял его писать похвальные отзывы на заведомо плохие рукописи, предназначенные авторами для печати. Такие случаи имели место в практике Учпедгиза и ГТТИ. Редактируя в Учпедгизе серию — руководство по математике для педвузов, Лузин крайне небрежно относился к порученному ему делу. На одну, явно недоброкачественную рукопись этой серии он дал положительный отзыв, и только давление редакции заставило его забраковать рукопись. Редакция ГТТИ неоднократно просила Лузина устранить многие недостатки учебника Гренвиль—Лузина, однако добиться изменений этого учебника редакция не смогла.

Характерен такой случай. Один студент из Свердловска прислал ГТТИ рукопись математических таблиц, посредством которых якобы можно решать алгебраические уравнения вплоть до 20-й степени. Редакция ГТТИ послала эту рукопись на отзыв Лузину. В отзыве Лузин всемерно расхвалил автора, сравнил значение его «открытия» с открытием логарифмов и сове-

товал всемерно содействовать научному росту автора. На основании отзыва Лузина советские организации Свердловска дали автору этих таблиц приличную денежную субсидию. Однако подробное рассмотрение таблиц показало их научную несостоятельность. Может быть, Лузин написал отзыв не прочитав рукопись? Ничуть не бывало; он рукопись читал, знал о ее никчемном научном содержании, смеялся над ней в Академии наук, однако написал похвальный отзыв.

Вся эта, с позволения сказать, «политика» преследовала единственную цель — пропустить в вузы и втузы плохо подготовленных людей, учить их с помощью плохих учебников и малоквалифицированного преподавательского состава. Результат же, на который, несомненно, рассчитывал Лузин, получился бы один: Советский союз, упорно ведущий борьбу за повышение политического уровня и специальных знаний специалистов, получил бы немало плохо подготовленных специалистов.

II

Проф. Н. В. Бугаев, основатель старой «московской математической школы», говорил, что Московское математическое общество «стремилось к тому, чтобы математик осуществлял собою не тип ученого бухгалтера и счетчика, а образованного философа» [1]).

Каких «образованных философов» готовило Московское математическое общество, двух мнений быть не может. Мы уже указывали, что «философией «московской математической школы» было черносотенство и движущей идеей — киты российской реакции: православие и самодержавие. Старая «московская математическая школа» деятельно сотрудничала с Московским психологическим обществом, во главе которого стоял философ-черносотенец Л. Лопатин. Многие математики сотрудничали в журнале «Вопросы философии и психологии», который издавался Московским психологическим обществом. Многие годы на страницах этого журнала отстаивали идеалистическое понимание математики Бугаев, Цингер, Богомолов, Мордухай-Болтовской, Некрасов, Бачинский, Лопатин, Челпанов и др. Общее направление в этих исследованиях в основном определяли Лопатин и Бугаев, умудрившиеся «усмотреть» в математике «точный аргумент» в пользу самодержавия и православия. Короче говоря, реакционный идеализм был знаменем большинства математиков старой «московской математической школы».

Лузин — воспитанник старой «московской математической школы». Он воспринял весь «идейный багаж» этой школы. Но, приспособляясь к новому времени, он заменил старое черносотенство фашистскими взглядами.

Остановимся на философских воззрениях Лузина. Лузин слепо следовал идеям французской математической школы (Борель, Лебег), причем даже в вопросах философии вел двурушническую политику.

В современной буржуазной философии математики господствующее положение занимают два идеалистических течения — ф о р м а л и з м и и н т у и ц и о н и з м [2]). Между формализмом и интуиционизмом существует промежуточное, весьма неоднородное течение — э ф ф е к т и в и з м, главным образом представленный крупнейшими французскими математиками (Борель, Лебег).

---

[1]) «Математический сборник». Т. XXI, стр. 538. 1900.
[2]) См. «Сборник статей по философии математики». Учпедгиз. 1936.

Зарождение эффективизма относится к спору (1905 г.) о знаменитой аксиоме выбора Цермело. Эта аксиома утверждает: каково бы ни было множество M множеств N без общих элементов, существует множество, имеющее с каждым из N, входящих в M, по одному и только по одному общему элементу.

Введение аксиомы Цермело позволило доказать возможность вполне упорядочить любое множество, придать общность и стройность дескриптивной части теории функций действительного переменного, доказать, что мощность континуума $\aleph$. Решение многих важных вопросов современной математики, например функционального анализа, алгебры топологии и классического анализа, опирается на аксиому Цермело.

Наряду с достижениями введение аксиомы Цермело привнесло в математику много трудностей. Так, одним из следствий аксиомы Цермело является доказательство существования крайне парадоксальных, резко отличающихся от обычных, неизмеримых множеств. Однако ни одного индивидуального примера неизмеримых множеств до сих пор построить не удалось. Насколько парадоксальна структура неизмеримых множеств, позволяет судить следующий пример. Банах и Тарский доказали возможность разбиения сферы на конечное число неперекрывающихся частей, перемещая которые и прикладывая друг к другу в целесообразно выбранном порядке, можно получить новую сферу, вдвое большего радиуса. Возможность такого разбиения сферы доказывается с помощью аксиомы Цермело, причем каждый кусок сферы является неизмеримым множеством.

Невозможность во многих конкретных случаях конструктивно реализовать то, существование чего доказывается помощью аксиомы Цермело, привела к своеобразной потере смысла, предметного содержания следствий, а стало быть, и этой аксиомы. Благодаря этому мнения математиков о целесообразности сохранения аксиомы Цермело разошлись.

Заняв в ряде основных вопросов материалистическую позицию, французский академик Адамар отстаивал целесообразность сохранения аксиомы Цермело. Адамара мало смущало отсутствие достаточного смысла в некоторых ее следствиях: он указывал, что мы не сразу добиваемся четкости и ясности в понимании доказываемых нами утверждений. Надо стремиться сделать мало познанное хорошо познанным — такова центральная мысль Адамара.

В своих основных установках Адамар, безусловно, прав, и это подтверждают факты истории математики.

Когда Ньютон и Лейбниц ввели без обоснования понятие бесконечно-малого, многие доказательства теорем классического анализа казались просто ошибочными. Это дало повод многим реакционно настроенным математикам и философам (Беркли например) выступить против нового учения. Защитники же анализа могли противопоставить своим противникам только одно: указание на правильность получаемых с помощью анализа результатов, т. е. хотя и веский, но недостаточный аргумент. Однако в дальнейшем, когда накопился достаточный фактический материал, удалось снять мистический покров с понятия бесконечно-малого с помощью теории пределов и поднять задачу обоснования классического анализа на более высокую ступень.

Когда Гаусс, Лобачевский и Болье развили все основное в содержании гиперболической геометрии, большинство математиков оставило без внимания их гениальное открытие. Геометрия Евклида отвечала обычным пред-

ставлениям пространства, давала базу механике Ньютона, являлась орудием повседневной и научной практики. Наоборот, геометрия Лобачевского — Больше, как казалось, не только не давала данных для научной и повседневной практики, но вела к недоразумениям, коль скоро пытались связать ее выводы с обычными, наглядными представлениями прямой и плоскости. Современникам Лобачевского — Больше гиперболическая геометрия казалась, быть может, и логически стройным, но парадоксальным, лишенным предметности и смысла учением; положение было точно таким же, в каком теперь находится аксиома Цермело. Положение резко изменилось, когда были найдены интерпретации (Бельтрами, Клейн и Пуанкаре) гиперболической геометрии. Однако важно подчеркнуть, что интерпретации могли быть найдены только потому, что сама гиперболическая геометрия, еще недостаточно «опредмеченная», была развита достаточно далеко. Почти с уверенностью можно утверждать, что Бельтрами не усмотрел бы в данных своих исследований по картографии интерпретации гиперболической геометрии, если бы Лобачевский и Больше не развили ее метрику. После работ Бельтрами, Клейна и Пуанкаре гиперболическая геометрия вошла в математику как равноправная математическая дисциплина.

Таких исторических примеров можно привести немало. Они говорят за диалектико-материалистический характер развития математики, за правильность ленинской теории отражения в приложении к математике.

Исторические параллели не обладают силой и убедительностью доказательств. Однако они могут способствовать научному познанию истины. И если с этой стороны подойти к оценке затруднений, связанных с аксиомой Цермело, то, думается, вывод может быть только такой: надо искать новые и новые следствия аксиомы Цермело, изучать ее значение в математике и стараться вскрыть реальный смысл аксиомы Цермело в свете математических фактов. Только таким путем вероятнее всего дойти до истины.

Однако в противоположность Адамару Борель, Лебег и другие эффективисты пошли по пути отрицания аксиомы Цермело. Они исходили из идеалистического, субъективистского понимания основных задач обоснования математики. Для Бореля и Лебега, как, впрочем, и для всех эффективистов, на первом плане стоит «я»: какие множества я м о г у упорядочить, что я м о г у определить, и т. п. Борель считает истинным только то, что без двусмысленности может быть понято всеми математиками. Развивая эти установки, Борель и Лебег считали необходимым признавать существующим в математике только то, что может быть с р а з у, без малейшей двусмысленности, или, что еще лучше, — к о н с т р у к т и в н о определено.

Но определить можно только с помощью ранее определенного, в чем они не сомневаются. Поэтому эффективисты были вынуждены отрицать все то, что в данный момент, соответственно уровню наших знаний, еще мало познано, а потому и не может быть точно определено. Ясно, что эффективисты в первую очередь поставили «вне математики» (выражение Бореля) аксиому Цермело со всеми ее следствиями и приложениями.

Мое «я» может сомневаться до одного, «я» другого человека — до другого предела. Борелю не понравился континуум, Лебег его «материально» ощутил. В результате эффективисты занялись своеобразным вычислением радиуса «частокола», отделяющего область математики от «вне математики». Для Бера этот радиус невелик: всего-навсего «всякое конечное»; счетные множества, множества мощности континуума — все это нереальное, только способ выражения: «вне математики». Борель соглашается удлинить радиус, но не дальше счетных множеств. Из эффективистов самым щедрым оказался Лебег: он признал континуум достоянием математики. Вот

почему эффективисты представляют довольно неоднородное течение в буржуазной философии математики.

В итоге под сомнение ставится об'ективная ценность многих достижений математики. Все внимание направляется на конкретные, в данный момент полностью постигаемые факты. В этом, конечно, много ценного, как и во всяком изыскании фактов. На этом пути эффективисты, сами крупные математики, дали немало. Достаточно, например, напомнить об исследованиях эффективистов об ансамблях *B* и *A*. Но ограничение области математических исследований, потеря перспективы движения к распознанию основоначал математики — вот что является регрессивным в эффективизме.

Почти с самого начала своей научной деятельности Лузин примкнул к эффективистам, плечо к плечу, рука об руку пошел с Борелем и Лебегом.

Влияние эффективизма на Лузина отчетливо видно в его диссертации [1]): он высказывает сомнения в существовании неизмеримых множеств, положительно отзывается о необходимости конструктивного доказательства существования и т. п.

Как убежденный сторонник эффективизма Лузин выступает примерно с 1924 года. С этого времени он начинает вести двойную, своеобразно-двурушническую линию: заграницей Лузин отстаивает, защищает эффективизм, с позиций эффективизма критикует другие направления философской мысли; в Советском союзе излагает взгляды эффективистов без критики, как посторонний, ни в чем не заинтересованный человек. Короче говоря, Лузин пытался протащить в советской литературе взгляды эффективистов.

Защита эффективизма Лузиным находит место в его исследованиях об аналитических ансамблях и в письмах к Серпинскому. В 1928 году на Международном математическом конгрессе в Италии Лузин делал доклад по теории функций. Весь доклад Лузин посвятил эффективистской критике попытки Гильберта доказать непротиворечивость гипотезы континуума.

В русской литературе Лузин солидаризовался с эффективистами только... в подстрочном примечании. В третьем прибавлении к переводу книги Лебега «Интегрирование и отыскание примитивных функций» Лузин излагает существо расхождений математиков по вопросу существования неизмеримых множеств. Речь, понятно, идет об эффективистах и их противниках (по каким-то неведомым причинам Лузин изложил только основные взгляды Адамара, да и то не совсем верно). В подстрочном примечании, сопутствующем изложению взглядов Адамара, Лузин писал: «Излагая взгляды этой группы математиков, я чувствую себя в большом затруднении, так как я никогда не мог хорошо понять их точки зрения, и поэтому опасаюсь, излагая ее, допустить какое-либо искажение» [2]).

В позе беспристрастного зрителя Лузин излагал идеи эффективистов в докладе «Современное состояние теории функций действительного переменного», сделанном на I всероссийском с'езде математиков в 1927 году. Этот доклад в 1933 г. был переиздан ГТТИ.

Примерно в 1925 г. академик Адамар высказал весьма нелепое предположение о причинах споров по вопросам обоснования математики. Он сказал, что его расхождения с Лебегом во взглядах на основоначала математики, вероятно, обусловливаются... различным осмотическим давлением в клеточках его мозга и мозга Лебега!

[1]) Н. Лузин «Интеграл и тригонометрический ряд». 1915.
[2]) См. названную книгу Лебега, стр. 219, примечание.

Лузин не замедлил приобщить к эффективизму «открытие» Адамара. «Об'ективное» изложение этого утверждения Адамара можно найти в названной уже книге Лузина «Современное состояние теории функций действительного переменного». Как свое мнение о причинах спора по вопросам обоснования математики, Лузин высказал утверждение Адамара на лекциях по теории иррациональных чисел в 1-м МГУ в начале 1936 года.

Нелепое утверждение Адамара поддержал не один Лузин. Мысль Адамара «развил» и «углубил» математик-фашист Бибербах. В докладе «Структура личности и математическое творчество» Бибербах утверждал, что «весь спор об обосновании математики следует понимать как спор противоположных психологических типов, следовательно, в первую очередь, как расовый спор»[1]). На основании этого Бибербах утверждал, что существует арийская и неарийская математика, причем, «само собой разумеется», последняя хуже первой.

III

Когда «Правда» разоблачила «деятельность» Лузина, он всеми методами, вплоть до явной лжи, старался выйти из затруднительного для него положения. Об этом красноречиво говорят материалы комиссии Академии наук СССР по делу Лузина. Но на этот раз Лузину никого обмануть не удалось, не удалось уйти от пред'явленных обвинений.

«Учитывая значение Н. Н. Лузина как крупного математика, взвешивая всю силу общественного воздействия, выявившегося в столь широком, единодушном и справедливом осуждении поведения Н. Н. Лузина, и исходя из желания предоставить Лузину возможность перестроить все его дальнейшее поведение и работу», президиум Академии наук СССР (в постановлении от 5 августа 1936 года) счел возможным «ограничиться предупреждением Н. Н. Лузина, что при отсутствии решительного перелома в его дальнейшем поведении Президиум вынужден будет неотложно поставить вопрос об исключении Н. Н. Лузина из академических рядов».

Какие уроки следуют из дела Н. Н. Лузина?

Последыши разбитых врагов не складывают оружия: они маскируются, они двурушничают и вредят. Повышение большевистской бдительности на теоретическом фронте—одна из главнейших обязанностей каждого советского ученого.

Таков первый урок.

Враг может успешнее вредить на тех участках советского научного фронта, где еще сильны традиции старого, академического мира, где отсутствует самокритика, где имеют место культ «корифеев», групповщина, преклонение перед заграничными учеными и т. п., в результате чего притупляется бдительность, спо-

[1]) Этот доклад Бибербах читал 3 апреля 1934 г. на годовом заседании «Общества содействия математическому и естественно-научному образованию». Доклад Бибербаха напечатан в журнале «Jahresbericht der Deutschen Mathematiker-Vereinigung» 1934 г., 2-й раздел.

собность распознавать врага. Выше поднять знамя советской науки, еще больше связать науку с социалистическим строительством, развернуть самокритику—таковы неотложные задачи научной общественности, в первую очередь математиков.

Таков второй урок, который мы должны извлечь из дела Лузина.

Социально-политическая теория Аристотеля

В. Сережников

I. Социально-политические взгляды предшественников Аристотеля

«Государство, — пишет Ленин в статье «Карл Маркс», — это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него» [1]).

Три основных положения проводятся здесь: 1) государство — организованное насилие; 2) условие его возникновения — расчленение общества на враждебные классы; 3) оно якобы стоит над обществом, обособляясь от него.

Продолжая свою мысль, Ленин в подкрепление ее приводит высказывание Энгельса:

«Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов» [2]).

Отсюда мы извлекаем четвертое положение: античная Греция — государство рабовладельцев.

В других местах Ленин развивает свои мысли о рабовладельческом государстве. С появлением излишка от труда рабов упрочилось существование класса рабовладельцев. Для этого «необходимо было, чтобы явилось государство» [3]).

«И оно явилось — государство рабовладельческое,— продолжает Ленин,— аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами» [4]).

Это была диктатура рабовладельцев, и эта сущность античного государства сразу же обнаруживалась, как только имели место восстания или сильные брожения рабов.

---

[1]) Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 26. Разрядка моя. — В. С.
[2]) Там же. Разрядка моя. — В. С.
[3]) Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 369.
[4]) Там же.

«Уничтожала ли эта диктатура демократию среди рабовладельцев, для них?» — спрашивает Ленин и отвечает: «Всем известно, что нет» [1]).

Эта важнейшая мысль, основанная на констатации исторического факта, имеет решающее значение при исследовании социально-политических отношений античной Греции. А между тем она часто совершенно игнорируется.

И, наконец, еще одно интересное замечание Ленина, относящееся тоже к занимающему нас вопросу:

«Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного, республика — как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая» [2]).

Если бы мысли Ленина нуждались в подтверждении и иллюстрациях, можно было бы с полным основанием сказать: прочтите «Политику» и «Этику» Аристотеля. Они представят богатейший материал для этого.

Среди политических произведений античной Греции эти труды Аристотеля составляют исключительное явление. Как «Метафизика» завершает греческую философию, так они подводят итог государственной мысли прежнего времени. В какой среде возникала эта мысль, в каком направлении она работала, на защиту интересов каких классов она выступала, нетрудно догадаться по этим произведениям. Их занимают те же проблемы, что и раньше стояли пред теоретиками и практиками греческой государственности. Они проникнуты тем же духом классовой заинтересованности, как и прежняя политическая мысль. Ибо как «Политика» и «Этика» Аристотеля, так и вообще государственные идеи античной Греции были политической идеологией класса рабовладельцев. Из этого общего положения есть лишь единичные исключения, о которых ниже будет указано особо.

Какие же проблемы интересовали политическую мысль античной Греции?

Все разнообразие политических вопросов, стоявших в разное время пред греками, можно свести к следующим немногим пунктам:

1. Наилучшим образом организовать государственный аппарат для усиления экономической и политической власти рабовладельцев над рабами.

2. Укрепить и сохранить рабовладельческую систему путем усиления государства.

3. Не допустить восстаний и революционного брожения среди рабов и других эксплоатируемых и недовольных слоев общества.

4. Наиболее целесообразным образом подготовлять господствующий класс политически и идеологически для победы в классовой борьбе и в частности для подавления восстаний рабов.

---

[1]) Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 340.
[2]) Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 369—370.

Это все те самые идеи, которыми заняты страницы политических трудов Аристотеля.

Как с ними обстояло дело в прошлом, видно будет из нижеследующего краткого очерка.

В истории политической мысли античной Греции до Аристотеля можно наметить два периода: первый период от начала истории Греции до софистов, когда науки о государстве в собственном смысле еще не было, и второй — со времени софистов, которые такую науку впервые начали разрабатывать, и до Аристотеля, который завершил ее.

Для первого периода имеются отдельные памятники художественной, философской и политической литературы целиком или во фрагментах, которая дает некоторое представление о направлении, содержании политической мысли древнейшей эпохи.

Нельзя пройти мимо такого документа, как «Афинская полития» Аристотеля. Уже на первых страницах ее чувствуется грозовая буря народных восстаний, революций. «В течение долгого времени происходили раздоры между знатью и народом, — пишет там Аристотель. — Народ восстал против знатных. Смута была сильная, и долгое время одни боролись против других» (стр. 29, 33).

Это VII и VI века до нашей эры — эпоха стремительного переворота в хозяйственной жизни Греции, начавшегося еще в VIII столетии. Под влиянием денежного хозяйства быстро изменялись экономические и социальные отношения ее. Господству землевладельческой родовой аристократии наносились первые удары. Росло недовольство и среди сельского и среди городского населения, ширилось брожение в угнетенных и эксплоатируемых слоях, перераставшее в революционные вспышки и восстания. Стон их раздается даже со страниц консервативного Гесиода (басня о соловье и ястребе в «Трудах и днях»), который несмотря на весь свой «деревенский идиотизм» и ограниченность не мог не понимать, как пробуждалось политическое сознание широких мас. А если обратиться к поэтам этого времени, таким, как Алкей или Феогнид, то станешь прямо втупик пред той неистовой классовой ненавистью, пред той разнузданностью выражений, с которыми встречаешься в песнях и изречениях этих идеологов низвергнутой аристократии:

«Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни,
Бей медным бодцом, шею пригни под ярмо!
Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа,
Чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ».

(Элегии Феогнида. Перевод Адр. Пиотровского).

Какая жалость: не подчиняются по доброй воле!

«Черною кровью врагов пусть я досыта напьюсь!» (там же) — весь волчий инстинкт вылился в этом диком помысле!

Борьба велась против аристократии закабаленным населением полей, ремесленниками из городов, купцами и богатевшим мещанством. Надвигалась великая революция. Роковой исход ее для себя со страшной болью и ожесточением предчувствовали аристократия и ее идеологи. Вот чем об'ясняется неистовство их. В городе люди стали другими, жалуется поэт:

«Тот, кто не ведал вчера права, законов, судов,
Тот, кто, в козлиные шкуры закутав косматые плечи,
В поле скитался, как зверь, стен трепеща городских,
Добрым он нынче слывет, Полипаид, а древняя доблесть
Нынче в презрении. Кто ж столько позора снесет?»

Для врагов у поэта нет иного эпитета, кроме как подлые. Подлые — это все, кроме родовых аристократов. Подлым (cacoi) противостоят добрые (agatoi), благороднорожденные, наделившие себя особым эпитетом calocagatoi (прекраснодобрые).

Мы останавливаемся на этих подробностях, чтобы отметить один очень важный момент, а именно: корни возникновения этических категорий. «Добрые» и «подлые» — первоначально не этические категории, как это видно по проповеди Феогнида и его класса. «Добрые» — те, у кого добрая кровь, которая никаким богатством не приобретается. Ее следует хранить в своем роде и не смешивать с кровью подлых, от чего получается вырождение благородной породы. Добрые — люди особой породы и особого класса, который один только и вправе господствовать. Они мужественны, честны, справедливы, благородны, добры. А подлым приписываются всяческие унизительные эпитеты: у них рабье сердце, «косящая» душа, они трусливы, блудливы и т. д. «Добрые» и «подлые» — классово политические категории. Греческая arete (доблесть, добродетель) первоначально не заключает в себе этических моментов. Она есть принадлежность определенного класса рабовладельцев, именно родовой аристократии, и включает в себя, кроме классового, еще политический оттенок.

Родовой рабовладелец — значит, и добродетельный, и только он и никто другой. Arete — достоинство только родовой аристократии. Это — исключительное качество и присуще лишь исключительному классу. Оно встает непреодолимой преградой между классами: недостойно родовитому быть в обществе «подлых». Круг обязанностей его по отношению к своим один, и другой — по отношению к врагам. Верность — здесь, вероломство — там. С врагами все позволено. Такова этика Феогнида и его класса. Она идет через всю историю античной Греции, пока оставалась и имела силу на исторической арене рабовладельческая аристократия.

Каковы были представления о государственной власти у таких идеологов рабовладельцев, как Феогнид, само собою понятно. Для него господство в государстве — неот'емлемая привилегия его класса, и ему представлялась бы просто смешной мысль о том, что государственная власть может стоять выше социальных противоречий и вне классовой борьбы, как это полагают буржуазные ученые [1]).

Но политической теории в подлинном смысле тут еще нет. Ее нет еще и у такого прославленного в древности государственного деятеля, как Солон. Однако по его стихотворениям, а особенно по всей его политической деятельности нельзя не констатировать наличия у него своеобразной системы политических взглядов. На чем же иначе могла бы покоиться его всем известная политическая практика?

Солон был мастером политического компромисса. Когда было поставлено на карту политическое господство привилегированных рабовладельцев, он ловко сорвал борьбу низов, «тайно обещая бедным раздел». Над его «сисахфией» (буквально в переводе с греческого — стряхивание бремени) так иронизировали в древности:

---

[1]) См., например, у Жебелева, в статье «Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля», приложенной к его переводу «Политики». Кстати, следует отметить рабскую зависимость мысли этого ученого от источника, который им использован для указанной статьи. Последняя представляет во многих местах буквальную копию с произведения профессора Венского университета Hans von Arnim «Die politischen Theorien des Altertums». Wien. 1910. Целые страницы прямо списываются без указания источника и без кавычек.

«Если же позднейшие говорят про афинян, что они неприятные стороны вещей остроумно смягчают, прикрывая их хорошими и благородными названиями, проституток называя гетерами, дань — взносами, гарнизоны в городах — охраной, тюрьму — домом, то, повидимому, Солон был первым, кому принадлежало изобретение — назвать отмену долгов сисахфией» (Плутарх «Солон»). В действительности же, как сообщали некоторые античные историки (Андротион), эта пресловутая сисахфия свелась не к отмене долгов, а лишь к снижению процентов и некоторым другим мероприятиям. Так это или нет,— существо дела сводилось к уступкам, от которых нельзя было отвертеться, ибо революционная борьба уже перехлестнула их: можно было потерять большее. Но раздела земель Солон, разумеется, не произвел, вероломно нарушив свои обещания и предав таким образом интересы революционных масс.

Существенные интересы своего класса Солон сумел защитить благодаря тому, что с большой прозорливостью учитывал классовые взаимоотношения своего времени. Он нашел выход из положения, так как ему удалось опереться на «средние элементы», т. е. на представителей денежного богатства и торговых групп. Солон, повидимому, был первым политическим деятелем, который понял, сколь важно может быть в острые моменты классовой борьбы политическое значение этих слоев. Благодаря этим «средним» группам, следовательно, Солон спас или создал ту знаменитую patrios politeia (государственный строй «отцов»), которая станет потом желанным идеалом всех реакционеров. Аристотель со своим учением о преобладающем значении в государстве средних зажиточных групп стоит на точке зрения Солона, да и в наметках идеального государства свои взоры обращает он ко времени этого законодателя и его цензовой конституции. Солон в глазах Аристотеля вообще вырастает в величественную фигуру политического деятеля, достойного подражания. Насчет политических симпатий его нельзя заблуждаться, особенно если принять во внимание, как он отодвигает на задний план организаторов «крайней демократии», предельно ненавистной Аристотелю, например Фемистокла.

Отметим еще одну важную черту в политическом мировоззрении Солона: великое понимание им партийной борьбы в государстве. Им был издан закон о лишении гражданской чести человека, который не примкнул во время революции ни к одной из борющихся партий. Этот тезис найдет потом отголосок у Перикла в следующей мысли: «Только мы одни считаем не бездельником, а бесполезным того, кто вовсе не участвует в политической деятельности» (Фукидид, II, 40, 2) — и у Аристотеля в теории: человек — политическое существо.

Политика становится наукой у софистов, когда демократия приходит к власти и распоряжается судьбами своего государства. Это V век до нашей эры, время расцвета и начала кризиса Афинской державы. Софисты были учителями и просветителями рабовладельческой демократии. Однако из среды их выходили идеологи и других классов, как например Алкидам, выступавший с особой теорией. И вообще не только софисты, но и деятели других рабовладельческих групп создавали в эту эпоху политические теории, как например Антифонт — оратор, Сократ и другие.

Политическая литература софистов до нас, к сожалению, не дошла. Самому выдающемуся среди них — Протагору из Абдеры (480—411), — по Диогену Лаэрцию, приписывается трактат «Полития». Другое произведение его было посвящено изображению первобытного состояния. Как представлял его себе Протагор, мы приблизительно узнаем от Платона (см. его «Протагора»).

Жизнь людей начинается не с золотого века, а с естественного состояния. Золотой век впереди. «Политическое искусство», а с ним и уменье «строить города» появились тогда, когда люди стали знать чувство стыда и права» (aido te cai dike), «чтобы были в городах порядок и связующие узы дружбы». Таким образом, у каждого гражданина имеются моральная и юридическая предпосылки для участия в управлении государством. Система политического равенства у афинской демократии оправдывалась природой человека. Протагора по праву можно признать теоретиком ее. Нетрудно выявить основные моменты его политической теории демократии: 1) политическое равенство всех граждан, 2) закон как выражение народной воли и 3) основанное на добровольном признании руководство государственных деятелей. В лице Протагора политическая мысль греческой демократии достигла, повидимому, наивысшего своего развития.

С наступлением социального и политического кризиса, убедительным выражением которого была Пелопоннесская война или, лучше сказать, войны второй половины V века, пошатнулась власть демократии, зашатались самые основы рабовладельческого строя и все громче стали раздаваться голоса, недовольные существующим строем. В общем хоре сливались голоса как сторонников софистов, так и политических противников их.

Антифонт-софист (V век) проводил мысль, что не существует разницы между варваром и эллином, рабом и свободным, что все люди равны, и защищал теорию нецелесообразности государственной организации общества, являясь, таким образом, творцом древнейшей анархической системы, отражая недовольство социальных низов существующим порядком. Появление на общественной сцене Афин таких людей, как Антифонт, свидетельствовало о том, что расшатывались устои античного города-государства, приближалась гибель идеалов его, разрывались узы, связывавшие общество его в единую семью.

Другой софист — Алкидам (первая половина IV века) — открыто поднял знамя восстания против рабства. Исходя из учения учителя своего Горгия о естественном праве, он высказал положение, что «природа никого не создала рабом». Революционность этой мысли, направленной против самой жизненной основы древнего мира, должна быть особо отмечена уже по одному тому, что другие мыслители более позднего времени (Аристотель например) учили, что часть человечества, и притом бóльшая, по самой природе своей определена к рабству.

Другой ученик Горгия — софист Ликофрон, — создавший теорию договорного государства, тоже отрицательно относился к существующему политическому порядку. Аристократы вызывали в нем чувство презрения как нечто «совершенно пустое», чье «превосходство» ни на чем не видно и чье «достоинство (основывается) просто на титуле».

Разорение масс населения в результате колоссальной разрухи, вызванной продолжительными войнами, а также учащавшиеся повсеместные восстания рабов вдохновляли таких людей, как Алкидам и Ликофрон, на крайние теоретические выводы из создавшегося положения. Революционные политические теории все чаще стали возникать и занимать свое место в общем социально-политическом движении тогдашнего времени.

Тут, кстати, следует упомянуть еще об одном софисте—Фалеасе из Халкедона. Он, правда, не выступал против рабства, но, тем не менее, предлагавшиеся им меры государственного переустройства носили очень радикальный и прямо революционный характер. Признавая причиной социальных зол экономическое неравенство и бедность, он предлагал устранить их путем уравнения земельной собственности и превращения всех промышлен-

ных предприятий в государственную собственность, т. е. путем обобществления орудий производства, в том числе и рабов. Интересно отметить, что государственная собственность на промышленные предприятия фактически существовала в Эпидамне (см. у Аристотеля «Политику», II, 4) и в Афинах пытался ввести ее Диофант (там же).

Перейдем теперь к реакционным теориям.

Всем им присущи некоторые общие черты. Во-первых, представители этих теорий насыщены жгучей ненавистью к «охлократии», как презрительно именуется ими афинская демократия. Во-вторых, они отлично понимают, что политическая власть не дается, а завоевывается; поэтому они исповедуют теорию насилия, ибо они знают, что «насилие сидит на троне вместе с Зевсом» и что даже сам Зевс достиг господства путем насилия («Облака» Аристофана), и проводят ее на практике [1]). В-третьих, они хорошо знают цену идеологии как орудия классовой борьбы.

Антифонт — оратор, один из организаторов олигархического переворота 411 г., о котором (об Антифонте) с восторгом отзывается историк Фукидид [2]) и который был уличен потом в заговоре и казнен, — высказывал ту мысль, что государство есть божественное установление, разумеется, аристократическое государство, а не другое какое-либо, подлежащее устранению как печальная случайность. Критий, глава «Тридцати», дядя Платона, выдвинул или, во всяком случае, изложил целую теорию религии как у м н о й л ж и, выдуманной в п о л и т и ч е с к и х целях (выдержки из драмы его «Сисиф», у D i e l s ' a «Die Fragmente der Vorsokratiker». B. II. S. 320).

Понимание религии как орудия политической борьбы ведет свое начало с античной древности.

Неизвестный автор «Афинского государства», находящегося в составе сочинений Ксенофонта, повидимому, олигарх, выступивший со своим трактатом приблизительно в конце 20-х годов V века, представляет интерес в том отношении, что он проявляет понимание необходимости существования такого государства, как афинская демократия. То, что низы пришли к власти, представляется ему вполне нормальным и даже, пожалуй, закономерным. Кто водит корабли, кто создает экономическую мощь города, тот и должен стоять у власти. Надо понять этот социально-политический факт, выяснить причины прочности демократического строя, чтобы с наибольшим успехом применить меры к низвержению его. Такова затаенная мысль этого врага демократии.

Уж из этого весьма краткого наброска становится ясным, как стимулировали софисты политическую мысль своего времени и какие широкие круги идеологов различных классовых групп занимались проблемой государства. Подспудным рычагом этого идеологического процесса было широкое и повсеместное движение рабов и солидаризировавшихся с ними угнетенных масс населения. Разложение государства-города шло вперед все ускоряющимися темпами. Проблема сохранения основы общества, рабства, гнетущим memento mori! (помни о смерти!) давила на умы представителей рабовладельческих классов.

Все принципиальные вопросы, выдвинутые ожесточенной классовой борьбой во второй половине V века до нашей эры и обсуждавшиеся идеологами демократии и представителями других классовых групп в пылу не менее ожесточенной полемики в публицистической литературе и на собраниях в гетериях, остались в наследство последующим поколениям и в IV ве-

[1]) «Кривда. Если правда — не вздор, почему тогда Зевс не наказан? Ведь в цепи родного отца заковал он».

[2]) Для Фукидида афинская демократия — «общепризнанное безумие» (VI, 89).

ке приняли еще более острый характер. Разрешение их нашло себе место в той или иной форме в политических теориях у Сократа и его школы, у Платона и Аристотеля.

Три основных черты можно отметить у этих теорий. Во-первых, все они реакционные и ищут свой идеал в далеком прошлом, в древнеафинских, спартанских, критских и прочих учреждениях или в египетской кастовой организации. Идеологическая реакция, нашедшая себе выражение в идеализме перечисленных философов, не могла не наложить своей печати и на политические теории. Во-вторых, все эти теории ставят перед собой одну главную задачу — сохранение и закрепление основ рабовладения путем укрепления государственного аппарата, т. е. по существу реакционную задачу. В-третьих, политика тесно увязывается у них, как и в прежних теориях, с этикой.

Мы не имеем у Сократа письменной политической теории. Но ведь он вообще не оставил никаких произведений после себя, потому что не писал их. Можно ли на этом основании отказаться говорить о философии Сократа? Всякий скажет, что это было бы неразумно. Не писал Сократ и по политическим вопросам, но политическая теория у него есть, и очень определенная.

Основной тезис Сократа: добродетель — знание. А управление государством является самой высокой добродетелью и самым важным искусством (Ксенофонт «Воспоминания о Сократе», IV, 2, 11). Следовательно, философия должна быть основой политического образования. Правителями должны быть те, которые умеют управлять (там же, III, 9, 10). Этика, политика, философия находятся у него в теснейшей связи. Как реакционер, Сократ ненавидел демократию и истинными формами государства считал лишь монархию и аристократию. Справедливость должна составлять основу политики как науки о государстве. А справедливость и вообще добродетель присущи лучшим, благородным, calocagatois,—следовательно, аристократии. Так примерялось все к интересам этого класса. Правда, не всякий аристократ мог, по Сократу, претендовать на власть, а только умеющий управлять. Но от этого дело не менялось. От данного принципа идет платоновская теория государства с философами во главе. Задача государственной власти — душить революционное движение рабов и угнетенных классов. Строй Спарты и древних Афин казался Сократу наиболее приспособленным для этого: вот почему он так преклонялся пред ними и звал назад, к заветам отцов.

Оставляя в стороне школы Сократа, Ксенофонта и других, которые ничего особенно существенного в науку о государстве не вносят, обратимся прямо к Платону, о котором скажем в данной связи лишь два слова.

В отличие от предшествующих мыслителей Платон дал развернутую теорию государства, посвятив ей несколько весьма об'емистых произведений («Государство», «Законы», «Политика»). Все учение Платона представляет весьма целостную, последовательно увязанную систему. Его политическая теория является составной частью этой системы. Этика и политика еще прочнее увязаны у него чем у Сократа, потому что они, по сути дела, выражают собой двустороннее проявление идеи в земной действительности. Истинное государство должно стремиться осуществить идею блага, высшую из всех идей. В основе его должна, следовательно, быть заложена справедливость. Как этого достигнуть? Размышления по поводу этого вопроса и составляют содержание «Государства», которое перешло в историю с эпитетом социальной утопии и на протяжении веков породило горы литературы за и против его автора. Тип такого идеального государства, в котором безгранично господствует «справедливость», найден Платоном. Это— государство с философами и воинами во главе, ведущими свое суще-

ствование и исполняющими свои политические функции в особых, исключительных условиях, определяемых специально для них только установленными формами общественной собственности и общности жен и нормами специального воспитания при сохранении вместе с тем и даже расширении рабства и чудовищного закабаления трудящихся масс. Это такой тип государства, на котором творец его с циничной откровенностью демонстрирует свое понимание справедливости как одной из сторон той самой calocagatos, аристократии, о которой мы слышали еще от Феогнида. Как при этом с возмущением не сказать, что эта политическая философия есть организованный заговор против трудящегося человечества! И ведь нашлись ученые, которые увидели в «Государстве» коммунизм, а в Платоне — чуть ли не вождя коммунистического движения в древности (H. Maier, Жебелев). Таким образом, «афинская идеализация египетского кастового строя» (Маркс) была возведена в степень коммунистического государства.

В «Законах» Платон отказался от многих сторон «Государства» и наделил государственную власть такими правами и функциями, которые к лицу разве только полицейскому государству. Даже мистик В. С. Соловьев пришел в негодование от таких «законов» и не пощадил своего собрата-идеалиста. «Общий характер и тон, — пишет он, — низменный и мелочной, варварское уголовное право с квалифицированной смертной казнью, с карательным преследованием чародеев и заклинателей, возмутительная несправедливость отдельных законов» (Собр. соч., т. IX). Нет ничего удивительного поэтому в том, что политические идеи Платона имеют ныне широкое хождение у немецких и других фашистов.

Аристотеля не удовлетворяют исследования прежних мыслителей и политических деятелей в области государственных вопросов. Они или не рассматривают вопроса о законодательстве или, как софисты, «очень далеки от уменья научить политике».

Поэтому, «пожалуй, лучше,—пишет он в конце «Никомаховой этики»,— чтобы мы сами взялись за такое рассмотрение и вообще за государственное устройство для того, чтобы по мере сил довести до конца философию, касающуюся человека».

И дальше вкратце намечается план «Политики».

Итак, что же представляет собою политическая теория Аристотеля?

II. Основная цель

Сохранение и закрепление основ рабовладельческого строя — доминирующий мотив политического учения Аристотеля.

Тревогой наполняется сердце философа при мысли о судьбе рабовладения. Каждая страница выдает его волнение, неуверенность и даже обреченность. Где-то в глубинах теоретических построений прорывается, растет и ширится проблеск истинного понимания безнадежности настоящего положения вещей, вопреки желанию, наперекор открытым стремлениям мыслителя отстоять, защитить, увековечить этот столетиями выраставший и сложившийся уклад, такой близкий ему, такой родной, так любовно овеянный фантастической грезой великих поэтов и так безапелляционно оправданный метафизическими теориями не менее великих философов, политиков, ораторов. Как же расстаться с ним?

Как же примириться с беспокойной, неизбывной мыслью о неминуемой гибели его? Возможно ли допустить, чтобы он рухнул? Разве под облом-

ками его не погибнут вся греческая культура, вся цивилизация, весь мир? Какой же еще мыслим строй кроме рабовладельческого?

Аристотель прекрасно сознавал всю важность и неотложность поставленной пред ним временем проблемы.

Действительно, что представляет собой прославленная в веках среди эксплоататорских классов «Политика» Аристотеля?

Вот что читаем мы на первых страницах ее:

«Необходимо об'единиться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному» [1]). Второе — «по природе своей существо подвластное и рабствующее». У Аристотеля природа создает рабов и свободных. И это так и должно быть, ибо «и господином и рабом в их взаимном об'единении руководит общность интересов».

«Совершенная семья», по терминологии Аристотеля, состоит из двух элементов: рабов и свободных.

«Властвование и подчинение — не только вещи необходимые, но и полезные».

Рабам «быть рабами и полезно и справедливо». Такая мысль проводится и в других местах.

«Неизбежно приходится согласиться, что одни люди — повсюду рабы, другие — нигде таковыми не бывают».

«Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе справедлива».

Продолжим выписки:

«Что касается рабов, то, пожалуй, может возникнуть вопрос: да мыслима ли у раба вообще какая-либо добродетель, помимо его пригодности служить орудием для работ и службы? Обладает ли раб другими, более высокими добродетелями, как например скромностью, храбростью, справедливостью и т. п. свойствами? Или у раба никаких иных качеств, помимо физических, нет? И да, и нет — было бы сказать затруднительно». И, подлинно, так ли? Ответ мы все же имеем:

«Таким образом ясно, что и лицо властвующее и лицо подчиненное должны обладать добродетелью». Такого вывода не мог не сделать Аристотель по очень простой причине, в чем он сам признается: «Если подчиненное лицо не будет обладать этими добродетелями, как оно может хорошо подчиняться?» Вот оно, в чем собака зарыта! Рабы должны обладать добродетелью. Но какой?

«Эта добродетель, — отвечает Аристотель, — должна отличаться так же, как по природе отличаются между собою лица властвующие и лица подчиненные». Ясно: рабам присуща рабская добродетель. В чем она заключается? В том, например, что «рабу вообще несвойственна способность рассуждать», «что он должен обладать и добродетелью в слабой степени, а именно в такой, чтобы его своеволие или вялость не наносили ущерба исполняемым им работам» (разрядка моя.— *В. С.).*

Но достаточно выписок. Принципиальные установки Аристотеля ясны. Не только ясны, может заметить читатель, но и понятны. В самом деле,

[1]) Все цитаты из кн. I. — В. С.

что удивительного в том, что Аристотель высказался за рабство? Разве такая точка зрения — исключительная принадлежность этого философа? Разве такой свободолюбивый поэт, как Эврипид, не воспевал власти рабовладельцев?

Подробно иллюстрируя и подчеркивая мнение Аристотеля, мы хотим сказать, что он в отличие от многих других создает теорию рабовладельческой власти, он теоретик рабовладения. Это, во-первых. А во-вторых, невольно возникает вопрос: почему же софистам Антифонту и Алкидаму доступна была мысль о равенстве всех людей, а Аристотелю она недоступна? Почему одни мыслители, и притом далеко не такого масштаба, как Аристотель, поднимаются с опасностью для своей жизни на защиту тезиса о раскрепощении людей, а другие, как Аристотель, несмотря на всю гигантскую мощь своего интеллекта проповедуют, подкрепляя всем аппаратом своей метафизики, естественность и необходимость рабства? Почему? Потому что мировоззрение мыслителей, как и всех людей в классовом обществе, определяется их классовой принадлежностью, потому что Аристотель даже при своем всеоб'емлющем уме не смог высвободиться из-под власти интересов, взглядов, идеологических настроений и социально-политического мировоззрения людей его круга, близких ему классовых групп античного общества. В классовом обществе не может быть надклассовых мыслителей.

История учит. Но идеологи различных классов извлекают из нее различные уроки. Идеолог рабовладения стремится использовать богатое многообразие ее показаний для того, чтобы найти, обосновать и отточить наилучший метод сохранения и закрепления рабовладельческого строя, как — с его точки зрения — оправданного историей и освященного давностью наследия старины. «Политика» Аристотеля может служить иллюстрацией к этой мысли.

Каково назначение ее?

Обосновать, что

1) человеческое общество может быть только классовым;

2) полноправными гражданами, да и просто гражданами, быть могут в нем только рабовладельцы;

3) нельзя допустить государства, состоящего из рабов;

4) назначение государства заключается в том, чтобы не допускать «возмущений», т. е. восстаний и революций;

5) демократия — «наихудшая из всех» форма правления;

6) назначение идеального государства — закрепление рабства.

Что же представляет собой в конце концов «Политика» Аристотеля?

Habeas corpus act, хартию прав и вольностей античных рабовладельцев.

III. Гражданин и его этика по теории Аристотеля

Как сам Аристотель определяет основные категории своей политической теории?

Политика, с точки зрения Аристотеля, — наиболее могущественная и архитектоническая наука. Она возглавляет и подчиняет себе все практические науки, и постольку ее целью об'емлются цели всех этих наук.

Какова же эта цель?

Высшее благо человека («Этика», I, 1—2).

Но в чем же заключается это благо? Для ответа на этот вопрос надо знать, в чем заключается назначение человека. «Назначение человека — в разумной деятельности». Назначение человека, продолжает Аристотель, мы видим в разумной душевной энергии и деятельности. Каждое же действие хорошо тогда, когда оно сообразуется со специально относящейся к нему добродетелью. «Итак, — заключает он, — ежели все это справедливо, то благо человека заключается в деятельности души, сообразной с добродетелью, а если добродетелей несколько, то в деятельности, сообразной с лучшею и совершеннейшею добродетелью» (там же, § 6. Разрядка моя. — *В. С.*).

Следовательно, благо прежде всего заключает в себе цель. Но человек — существо политическое и, следовательно, живущее в обществе, где он существует и действует в условиях окружающей его среды, от которой может многое зависеть. Определение цели и блага находится, таким образом, в зависимости от разнообразных общественных условий. Одни люди ищут блага в наслаждении, другие — в почестях, третьи — в деятельности мысли. Таким образом, существуют три наиболее выдающихся образа жизни: животный, или растительный, политический и созерцательный (там же, § 3).

Характерным в сведении блага к цели является момент активности, действия. Если «добродетельный человек проспит или будет бездействовать в течение всей своей жизни», то в таком случае добродетель не будет «истинной целью политической жизни». Ибо благо предполагает деятельность, сообразующуюся с добродетелью. «В жизни только те достигают calocagatian, которые действуют» (там же, § 9). «Справедливым человек становится, творя дела справедливости... а без подобной деятельности пусть никому и в голову не приходит стать хорошим человеком» (разрядка моя. — *В. С.*).

Этот момент действия как выражение наличия определенной воли к достижению поставленных себе целей весьма показателен для теории Аристотеля и выгодно отличает ее от прежних теорий, например от теории Платона. В нем, несомненно, отразились социально-экономические отношения эпохи философа, когда выход за ограниченные пределы Греции на мировую арену эллинизма мог быть сделан только деятелями кипучей энергии, твердого характера и с определенным целевым назначением. Такими сильными и энергичными деятелями были прежде всего греческие купцы, промышленники и всякого рода авантюристы, и за ними следом, а частью и на их плечах, разумеется, шествовали культура и цивилизаторская миссия Греции по странам Востока. Но у самого Аристотеля несколько странное, если не сказать, отрицательное, отношение к людям «наживы»: образ жизни их, посвященный наживе, «какой-то неестественный и насильственный, и ясно, что богатство не заключает в себе искомого блага, ибо богатство только полезно и служит средством для других целей» (там же, § 3). Это отношение у него вытекало, по всей вероятности, из того, что он выше всего ставил энергию разума, а из общественных деятелей — политика и философа. Поражает в нем также и то, что в эпоху, когда развертывались необ'ятные горизонты нового, эллинистического мира и прокладывались торговые пути ко вновь возникавшим крупным центрам, теоретический интерес его сосредоточивается на архитектонике мизерного греческого государства. Однако суб'ективные настроения философа к деятелям наживы не помешали ему все же создать гибкую мораль, которая благодаря относительности

своих понятий широко открывала им возможность удобно приспособляться к условиям действительности.

Другая чрезвычайно важная особенность этики Аристотеля заключается в том, что применение норм ее ограничивается узким кругом зажиточных и привилегированных рабовладельцев. Вся огромная масса угнетенных и эксплоатируемых, в лице ли рабов или пролетаризировавшихся свободных, оставалась за пределами ее.

Возводя добродетель в высшее благо, Аристотель имеет в виду добродетель «благоразумного» человека, умеющего приспособляться к обстоятельствам. Приспособиться — значит уметь избегнуть крайностей, найти надлежащую середину. Добродетель всегда есть «средина двух зол — избытка и недостатка». Порок переступает границу должного. Добродетель трудна, ибо найти средину, в чем бы то ни было, трудно. Так например центр круга не всякий в состоянии определить, а лишь математик. Точно так же всякий в состоянии гневаться, и это легко, так же и выдавать деньги и тратить их, но не всякий умеет, и нелегко делать это по отношению к тому, к кому следует, и насколько и когда следует, и ради чего и как следует. Поэтому то нравственное совершенство — нечто редкое, похвальное и прекрасное (там же, II, § 9). Но средину весьма трудно найти. В таком случае «следует избирать из двух зол меньшее». В иных случаях должно отклоняться то в сторону излишества, то в сторону недостатка, чтобы так легчайшим образом достичь середины и нравственного совершенства (там же, § 9). Средина не представляется неподвижной. Она «не одна и не одна и та же для всех». Добродетель как середина между двумя крайностями является добродетелью «среднего человека», все равно, назовем ли мы его приличным или ловким» (там же, IV, § 14).

Особенно подробно останавливается Аристотель на учении о справедливости, посвящая ему всю V книгу «Этики».

Справедливость — «приобретенное свойство души, в силу которого люди становятся способными к справедливым действиям» (§ 1). Аристотель различает справедливость всеобщую, которую он называет совершенной, и особенную. Первая заключается в соблюдении законов государства. «Если человек, преступающий законы, несправедлив, а держащийся законов справедлив, то ясно, что все, установленное законом, в известном смысле справедливо, ибо все, что положено законодателем, законно... В этом смысле справедливость есть совершенная добродетель». Это «величайшая из добродетелей, более удивительная и блестящая, чем вечерняя или утренняя звезда». Ее величие зафиксировано даже ввиде пословицы: «В справедливости заключаются все добродетели» (§ 3).

Так Аристотель старается вдохнуть в законы государства непреодолимую мощь этическим принципом справедливости, чтобы внушить гражданам мысль о ненарушимости их.

Особенная, или специальная, справедливость заключается в том, чтобы граждане не имели в отношении друг к другу больше благ и меньше зол, т. е. в соблюдении равенства. Аристотель различает два вида ее. «Один вид ее проявляется в распределении почестей, или денег, или вообще всего того, что может быть разделено между людьми, участвующими в известном обществе». «Другой вид ее проявляется в уравнивании того, что составляет предмет обмена» (§ 5). Специальная справедливость бывает распределяющей и уравнивающей. Сущность той и другой сводится к равномерности.

Особое внимание Аристотель оказывает справедливости уравнива-

щ е й. В уравнивающей справедливости различается два вида: 1) предметом одной являются добровольные взаимные отношения между гражданами (обмен, например), т. е. то, что составляет содержание г р а ж д а н с к о г о права; 2) предметом другой являются недобровольные взаимные отношения (кража, например), т. е. то, что предусматривается нормами у г о л о в н о г о права.

Общественные отношения, имеющие дело с обменом, поддерживаются тем видом справедливости, которая предполагает пропорциональность, а не равенство, так как «общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности». Услуга должна быть отплачиваема услугой. Искусства и ремесла взаимно уничтожались бы, если бы работник не производил определенную количественную и качественную ценность.

Общество могут составлять люди, занимающиеся различным и неравным трудом (врач и земледелец), а их-то работу и надо приравнять. «Поэтому все, подлежащее обмену, должно быть известным образом сравнимо; для этого-то и введена м о н е т а, ставшая в известном смысле посредником. Она все измеряет и определяет, на сколько один предмет превышает другой ценностью, например сколько пар сапог равны по ценности одному дому... и показывает, в каком отношении работа архитектора находится к работе сапожника... Если же пропорция не соблюдена, то невозможен обмен, невозможны общественные отношения; а возможны они лишь в том случае, когда в предметах обмена есть известного рода равенство» (кн. V, § 8).

Что же в основе этого равенства лежит?

Все предметы, пишет Аристотель, должны измеряться чем-нибудь одним. Что же такое это о д н о? «Нужда, которая все соединяет», — отвечает философ. «Если бы люди ни в чем не нуждались, то не было бы обмена... Монета же явилась как бы представителем нужды по в с е о б щ е м у с о г л а ш е н и ю». Отсюда ее название — nomisma (буквально: установленное обычаем), — следовательно, люди сообщили ей это свойство путем взаимного соглашения. «Деньги делают все сравнимым благодаря тому, что все измеряется деньгами».

«Пусть α будет дом, β — десять мин, γ — ложе; пусть α равняется половине β (если дом стоит 5 мин) или же всему β; пусть ложе γ равняется $^1/_{10}$ части β; ясно, что в таком случае ценность нескольких лож равняется ценности одного дома, т. е. 5. Ясно также, что именно таким способом происходил обмен ранее изобретения денег: нет разницы — дать ли пять лож взамен дома или ценность пяти лож» (V, § 8). Здесь определенно указывается, что «денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости» [1]). «Он понимает далее, — продолжает свой анализ Маркс, — что отношение стоимости, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует в свою очередь о качественном отождествлении дома и постели и что эти чувственно различные вещи без такого равенства их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. «Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости». ... Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости» [2]).

Аристотель не мог найти того, что уравнивало и дом и постель по их сущности, потому что «греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил» [3]).

---

[1]) М а р к с «Капитал», Т. 1, стр. 21, 8-е изд.
[2]) Т а м ж е.
[3]) Т а м ж е.

И, действительно, устанавливая различие в понятиях всеобщей и специальной справедливости, Аристотель замечает, что законы имеют в виду, с одной стороны, общее благо всех людей (и это относится ко всеобщей справедливости), а с другой — «благо лучших и сильнейших людей, а этих называют таковыми или вследствие их добродетели или по какой-либо другой подобной причине» («Этика», кн. V, гл. 3). Таким образом, специальная справедливость призвана учитывать преимущественно интересы лучших и сильнейших людей. «Не везде существует одинаковая мера для вина и хлеба, а мера крупных покупщиков большая, чем мера мелких продавцов. Подобным же образом и то право, которое не есть от природы таковое, а есть лишь человеческое право, не повсюду одинаково, точно так же, как и государственные устройства не везде одинаковы». Вот отчего, по Аристотелю, такая разница между архитектором и земледельцем в отношении продуктов их труда.

Общество «держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности». При этом Аристотель предупреждает, что речь идет не только о справедливости вообще, но и о политической справедливости. А последняя имеет место между людьми, «принадлежащими к одному общению», между «свободными и равными». «Люди, не находящиеся в подобных отношениях, не могут и иметь относительно друг друга политической справедливости (прав)». Не может быть политической справедливости по отношению к рабам, потому что они составляют «безотносительную собственность кого-либо». В отношениях между господином и рабом, как и между отцом и детьми, не может существовать политических прав и политической несправедливости, «ибо то и другое создается законом и имеет место лишь в людях, по своей природе могущих жить в законе, а таковые суть те, у которых существует равенство во властвовании и в подчинении» («Этика», кн. V, § 10).

У кого же существует равенство во властвовании и подчинении?

С этим вопросом мы входим в область политики. На него Аристотель отвечает, определяя, кого следует называть гражданином.

Что же это такое — гражданин?

Абсолютное понятие гражданина может быть определено так: гражданин — тот, кто участвует в суде и народном собрании («Политика», кн. III, гл. 1, 5). Но это определение, замечает Аристотель, соответствует преимущественно гражданину демократического строя. К другим формам государства оно может и не подойти. Следовательно, по отношению к ним данное определение нуждается в поправке.

Вслед за этим Аристотель обращается к исследованию вопроса о том, какими общими чертами можно определить добродетель гражданина, и для решения его проводит параллель между отношением гражданина к государству и моряка к экипажу. Моряки на корабле занимают неодинаковое положение вследствие выполнения различных функций, и наиболее точное определение добродетели каждого из них в отдельности будет подходить к нему одному, но общее определение будет приложимо в равной степени и ко всем, потому что благополучное плавание — цель, к которой стремятся все моряки и каждый в отдельности. То же и в отношении граждан: их задача — поддержание государственного порядка, хотя они и неодинаковы по своим свойствам. Этим необходимо обусловливается их гражданская добродетель. Но виды государственного порядка различны,—следовательно, добродетель годного гражданина, добродетель совершенная, не может быть одною. Различным государствам соответствуют различные гражданские добродетели. И далее, поскольку государство заключает в

себе неодинаковые элементы, то добродетель всех граждан не может быть одною, подобно тому, как среди членов хора неодинакова роль корифея и роль парастата. Гражданская добродетель хорошего гражданина иная чем добродетель плохого. Какая же именно? Она заключается в способности прекрасно и властвовать и подчиняться («Политика», кн. III, гл. 2, 2, 4, 7).

Надо различать два вида власти: власть господина над рабами и власть над людьми себе подобными и свободными. Господин должен пользоваться плодами этих работ, а не сам работать. В противном случае создалось бы положение, недостойное свободного человека, ибо свободному человеку неприлично «заниматься низким ремеслом» (разрядка моя. — *В. С.*, см. «Риторику», 1, 9). «Ни хороший человек, ни политический деятель, ни добрый гражданин не должны обучаться таким работам, которые умеют исполнять люди, предназначенные к такого рода подчинению, т. е. рабы». Поэтому-то люди, занимающиеся физическим трудом, не допускались к государственным должностям до тех пор, «пока демократия там не получила крайнего развития» («Политика», кн. III, гл. 2, 7, 8, 9).

«Власть над свободными людьми мы называем властью государственною». Но нельзя «хорошо начальствовать, не научившись повиноваться». Поэтому «хороший гражданин должен уметь и быть способным и начальствовать и подчиняться».

Из приведенных рассуждений, собственно, уже ясно, как определяется конкретно круг граждан в государстве, из каких классов и классовых групп граждане должны состоять. Но Аристотель не удовлетворяется этим и, чтобы не оставить никаких сомнений на этот счет, ставит, так сказать, точку над и, выдвигая следующий вопрос: нужно ли считать гражданами ремесленников?

Что касается идеального государства, то вопрос разрешается категорически и без всяких колебаний в таком смысле: «Идеальное государство не даст ремесленнику гражданских прав» (разрядка моя. — *В. С.*).

В государствах же времени Аристотеля этот вопрос разрешается поразному: в аристократии ни ремесленника, ни поденщика нельзя считать гражданами; в олигархических государствах поденщика не следует делать гражданином, а ремесленника можно, так как многие ремесленники разживаются от своего ремесла.

Люди физического труда исключаются, по теории Аристотеля, из состава гражданства. Власть предполагается сосредоточенной в руках узкого круга хорошего гражданства. Кто конкретно допускается к власти в качестве полноправного, станет нам ясно по рассмотрении классового состава греческого общества, как он вырисовывается в «Политике», и из учения о государстве.

IV. Учение о государстве

Государство у Аристотеля — естественная форма человеческого общежития, к которой люди определены своей природой: «У всех людей в природе стремление к подобному (т. е. государственному.— *В. С.*) общению». Так Аристотель формулирует один из своих основных политических тезисов («Политика», кн. I, гл. I). Поэтому естественно, что государство предопределено природой и человек по природе является политическим существом (там же, кн. I, гл. I). Следовательно, фактом суще-

ствования человечества предопределяется необходимость возникновения государства. Из этого положения вытекает совпадение у Аристотеля государства с обществом и вечность государства. Иными словами: Аристотель не мыслит возможности общественной организации людей вне государства. Он не мыслит преходящего характера государственной формы. Вне государства и до государства могут существовать только семья и «каждый из нас», как выражается Аристотель, т. е. индивид. Последние исторически предшествуют государству, но «по природе государство раньше и семьи и индивида», «ибо, — говорит Аристотель, — целое необходимо существует раньше своей части» (там же, кн. I, гл. I). Государство — высшая и совершеннейшая форма бытия людей, существующая «ради совершенной и самодовлеющей жизни для отдельных семей и целых родов» (там же, кн. III, гл. 5). «Политическая организация общества (he politike coinonia) возникает не ради простого сожительства (u tu sydsen harin), а ради прекрасной практической деятельности (ton calon praxeon), направленной к тому, чтобы создать «счастливую и прекрасную жизнь», чтобы достигнуть «радостной жизни» (tu eu dsen). Государство — это «среда счастливой жизни». В таких высоких тонах и изысканных выражениях преподносится миру назначение государства. Не следует увлекаться этими словесами. Не скрывается ли за блеском их поэтической формы трезво-прозаические намерения политического теоретика определенного класса?

Философы древних рабовладельцев искренни, подчас наивны, прямодушны и без задних мыслей, чем они и отличаются от современных нам философов, идеологов наших классовых врагов. У них еще не было потребности скрывать «музыку» своих классовых вожделений, как у нынешних, коварных, предусмотрительных, ловко маскирующихся, подобно волкам в овечьей шкуре. У древнего все его помыслы как на ладони. Какова же «музыка» у нашего теоретика? Он прямо и откровенно пишет: государство существует «не для совместной войны его членов против несправедливых притеснений». Что это значит? В его государстве недопустима «совместная война» угнетенных классов против угнетателей. Государство Аристотеля не терпит сговора, солидарности и организованных выступлений трудящихся против эксплоататоров. Это хорошо знакомый нам мотив по Платону. Аристотель не может помириться с мыслью, чтобы отношения дружбы (filia), т. е. классовая солидарность, были развиты, например, у земледельцев. Совсем наоборот: подвластные люди тем и должны отличаться от других, что эти чувства у них менее сильно развиты, поскольку им следует беспрекословно повиноваться, а не выступать в качестве революционеров (pros to peitarhein cai me neoteridsein. «Политика», кн. II, гл.I). Классовая солидарность прилична только господствующим классам. Об этом Аристотель также откровенно заявляет несколькими строками ниже только что приведенной выдержки: «Мы придерживаемся того мнения, что отношения дружбы — величайшее из благ для государств, ибо при таком условии очень редко бывают восстания» (разрядка моя. — *В. С.*).

Отметим, между прочим, как метафизически обосновывается у Аристотеля тезис о счастливой жизни индивида как конечной цели государства. Если у Платона частные интересы игнорируются, так как истинно действительным признается только идея, всеобщее, то у Аристотеля, наоборот, исходным пунктом является отдельная личность. Метафизическая концепция его сущности находит свое выражение не в туманных образах идей, не во всеобщих абстракциях, а в данном, конкретном предмете. Поэтому для него естественно и в практической деятельности государства видеть цель не в особых интере-

сах последнего как целого, а в стремлениях и потребностях составных частей его, отдельных личностей.

Уже из приведенного выше, собственно, ясно, что государство мыслится у Аристотеля классовым. Но на этот счет имеются у него и прямые высказывания. Аристотель видит, например, своеобразие природы государства в том, что оно представляет собою множество (там же, кн. II, гл. I), причем это — множество качественно различных (ex eidei diaferonton) людей, «ибо из одинаковых государство не образуется» (там же). И, само собою разумеется, в состав этого множества входят господствующие и подчиненные, а также рабы и свободные. Мечту древнего рабовладельца об увековечении рабовладельческого строя Аристотель отлил в форму теории государства, закрепляющего классы и рабство на вечные времена.

Прежде чем покончить с этой частью нашего изложения, следует коснуться еще одной весьма интересной черты аристотелевского государства. Я говорю о собственности, именно о частной собственности, которая вызывает у Аристотеля невыразимое восхищение (hedonen amuteton): «важно» ведь «сознавать, что нечто принадлежит тебе» («Политика», кн. II, гл. 2). В своей «Политике» Аристотель является прямо восторженным бардом частной собственности. Он и слышать не хочет о том вздорном порядке общей собственности, который Платон установил среди высших классов своей утопии, и на многих страницах ведет привязчивую полемику против своего учителя, не пренебрегая никакими доводами, вплоть до самых курьезных (см. в гл. 2, кн. II, например, о «целомудрии» и «благородной щедрости»). Частная собственность должна существовать, потому что она основана на естественном чувстве любви к самому себе, данном нам от природы (physikon). Все дело заключается только в том, чтобы правильно организовать собственность. Это важнейшая сторона государственной деятельности, «так как из-за собственности происходят всякого рода мятежи в государстве» («Политика», кн. II, гл. 4). В чем же эта правильная организация должна заключаться? Отнюдь не в том, чтобы имущество у всех было равным. Аристотель против принципа уравнения собственности, хотя он хорошо знает, что «толпа устраивает мятежи из-за неравенства в имуществе» («Политика», кн. II, гл. 4). Но Аристотель знает иное средство против этого зла. Посмотрим, в чем оно заключается. «Людская алчность ненасытима, — говорит он, — ... природа вожделения беспредельна, а толпа живет ради удовлетворения его». Для характеристики политических настроений Аристотеля мимоходом важно отметить, на чем он иллюстрирует «людскую алчность». Казалось бы естественным указать пальцем на тех дельцов или ростовщиков, которые в эпоху философа ворочали миллионами на афинском, коринфском и других рынках. Нет, для него это не естественно, и он не нашел никого другого, кроме афинского труженика, в качестве примера. «Алчность» же этого бедняка обнаружилась, по словам Аристотеля, в том, что он не довольствовался двумя оболами (8 коп.) за отправление своих судейских и других обязанностей!

Против людской жадности он выдвигает «более важный принцип чем уравнение собственности», а именно: «Надо настроить людей, по природе порядочных, так, чтобы они не домогались обогащения, а людей низкого происхождения поставить в такие условия, чтобы они не могли добиться его» («Политика», кн. II, гл. 4). В другом месте «принцип» этот представляется в более конкретном виде: рекомендуется воспитание людей в духе добрых нравов философией и законами (tois etesi cai te philosophia cai tois nomois. «Политика», кн. II, гл. 2).

V. Общественные классы

Проблему классовой диференциации общества Аристотель не разрешил. Он не нашел единого принципа. Мы может насчитать у него по меньшей мере четыре принципа, на основе которых составляются классовые группы: 1) принцип природы, 2) профессии, 3) рождения, 4) имущественного положения.

По первому признаку люди делятся на рабов и свободных. Это— основное классовое расслоение античного общества. На нем безоговорочно стоит Аристотель. В его лице пред нами идеолог рабовладения sans phrases. Рабство его времени было основой основ рабовладельческого строя, и Аристотель считает себя призванным защищать его во что бы то ни стало. Невзирая на то, что многие выдающиеся люди высказывались против рабства [1]), не считаясь с тем, что его другом был раб Гермий, а его учитель Платон однажды попал в рабские цепи, пренебрегая, следовательно, мнением лиц из одной с ним, интеллигентной среды и личными чувствами дружбы и любви, он ведет последовательную и систематическую борьбу за рабство как институт, единственно исторически оправданный, экономически полезный, политически целесообразный. Мне представляется излишним приводить здесь выписки из «Политики» для выявления сущности доводов автора ее. Едва ли также необходимо распространяться о том, что рабы исключались из сферы всякой государственной деятельности, стояли, так сказать, вне государства, ибо они были не суб'ектами, а об'ектами общественной жизни. Как одушевленные инструменты, они относились к составу имущества, а не общества людей. Между домашним животным и рабом стиралось всякое различие, снимались грани. Теорией Аристотеля оправдывалось выключение из среды греческого человечества по меньшей мере четырех пятых людей. Оставалась одна еще забота: как бы так подбирать рабов, чтобы они не «увлекались страстями» и не были бы «опасны в смысле возмущения». Но эта проблема так и осталась неразрешенной. Она оказалась непосильной даже для Аристотеля.

Перейдем к дальнейшим принципам классификации. Какому из них придается наибольшее значение?

Просмотр всех относящихся сюда мест «Политики», повидимому, дает нам право утверждать, что принцип рождения или благородного происхождения у Аристотеля уже не играет той роли, какую отводит ему Платон. Ко времени Аристотеля благородство [2]) происхождения как таковое настолько потеряло свой блеск и социально-политическое значение, что на теоретических весах даже такого умереннейшего социального политика, как наш мыслитель, оставалось почти как quantité négligeable. Обладание большим богатством сообщало и благородство (там же, кн. IV, гл. 6). На первый план выдвигалось поэтому имущественное положение. Из многочисленных перечислений различных классовых групп, с которыми мы встречаемся в «Политике», выделяются главным образом те, которые отвечают именно этому признаку. Аристотель говорит или о «высших имущественных классах», или о «неимущих» людях, или о людях среднего достатка, или просто о богатых и бедных наряду с указанием лиц по профессиональному признаку, например жрецов, судей, воинов, ремеслен-

[1]) К указанным выше софистам Антифонту и Алкидаму можно прибавить поэта Ферекрата, философа Митродора и т. д.

[2]) Благородство происхождения искони, по мнению Аристотеля, связывается с имущественным достатком и нравственным совершенством («Политика», кн IV, гл. 6).

ников и пр. Это обстоятельство указывает только на то, что выработанной и точно установленной классификации Аристотель еще не имеет. Он подходит к классовому делению общества как к наличному факту и чисто эмпирически регистрирует то, что наблюдается в большинстве современных ему государств. В большинстве же государств его времени доминирующим и определяющим началом социальной классификации было, несомненно, имущественное неравенство, деление людей по состоянию. Поэтому и Аристотель в тех случаях, когда он чувствовал необходимость дать более или менее теоретически выдержанную схему классификации, говорит о трех или четырех классах, неизменно пользуясь при этом признаком имущественного положения. Вот, например, какое категорическое утверждение мы слышим от него:

В каждом государстве существует три класса общества: крайне богатые, крайне бедные и третьи, составляющие средний между ними класс («Политика», кн. IV, гл. 9). Или в другом месте:

Население состоит преимущественно из четырех классов: земледельцев, ремесленников, торговцев, наемных рабочих (там же, кн. VI, гл. 4. Разрядка везде моя.—*В. С.)*. Эта вторая схема отличается от первой тем, что она относится главным образом к широким массам населения, не учитывая верхние слои его, и предназначается для большей детализации классовых групп среди указанных масс.

Не ко всем классам одинаково отношение у Аристотеля: предпочтение он отдает людям среднего достатка, среднему классу, ибо умеренное и среднее лучше всего, собственность размера среднего—лучшее из благ. В характеристике представителей крайних классов Аристотель позволяет себе даже довольно резкие выражения. Люди богатые становятся подлецами и крупными злодеями, а бедняки обыкновенно бывают мелкими мерзавцами. Обе эти категории усиленно стремятся к власти, что приносит государству вред. Первые не хотят и не умеют подчиняться, а властвовать умеют лишь по-господски. Вторые не умеют сами властвовать, а подчиняться могут лишь по-рабски. Следует бдительно смотреть за накоплением богатства. Единственное средство примирить богатых и бедных заключается в том, чтобы смешать богатых с бедными и увеличить средний класс, потому что последний парализует всякое возмущение, возникающее из-за неравенства.

Редко у кого из политических теоретиков можно встретить столь ярко выраженную симпатию к определенному классу и столь открыто декларируемую ненависть к враждебным классам. Аристотель — идеолог рабовладельческого среднего состояния. Он дает обильную аргументацию в пользу своей классовой позиции. Люди, обладающие среднею собственностью, более равны и подобны друг другу по сравнению с представителями других групп. Они не хотят чужого добра, подобно беднякам, и ни на кого не злоумышляют, и на них никто не покушается. Поэтому живут они безопасно. «Прекрасное пожелание,—пишет Аристотель (там же, кн. IV, гл. 9), вспоминая кстати стих поэта,—высказал Фокилид:

«Средним множество благ;
В городе средним быть я желаю».

Только благодаря среднему элементу достигается наилучшая государственная организация. Величайшее благополучие государства составляет то, что граждане обладают среднею собственностью, но достаточною. Там, где средний элемент многочисленен, всего реже бывают среди граждан партийные распри и раздоры. Поэтому идеальной государственной формой является

«средняя» форма, ибо только она не ведет к партийной борьбе, и т. д. и т. п. Для Аристотеля обеспеченное «среднее сословие»—лучшая из социальных групп общества.

Кого Аристотель относит к этому обеспеченному среднему сословию?

Отсюда должны быть исключены прежде всего оба крайние полюса греческого общества: крайне богатые и крайне бедные. У богатых ведь одна—по Аристотелю—забота: грабить большинство населения, а бедные только к тому и стремятся, чтобы добиться передела «между собою имущества богатых». Такая социально-политическая направленность крайних социальных классов не присуща среднему сословию. Резкие классовые конфликты, жажда переворотов вообще не в природе его. Ему дороги «общее благо», справедливость, чувство умеренности, компромисса. Этот средний класс должен иметь прочные основы в экономике страны. Он опирается на тот т р е т и й вид искусства наживать состояние, который занимает, по экономической теории Аристотеля («Политика», кн. I, гл. 3—4), среднее место между торговлей и домохозяйством, т. е. производством в собственном смысле, и который в равной степени относится как к торговле, так и к производству. Иными словами, к среднему классу Аристотель относит людей, сидящих на земле и обрабатывающих ее руками рабов, а также группы промышленников, занятые переработкой доставляемого земледелием сырья. Это те группы людей, которые практикуют «искусство наживать состояние» путем участия в производственной деятельности и не ставят себе целью наживать «беспредельное богатство и обладание деньгами». По Аристотелю, искусство наживать состояние и составлять богатство — различные вещи: первое относится к области домохозяйства, т. е. производственной деятельности, а второе — к торговой, где богатство приобретается «исключительно путем обмена на деньги» и процесс наживания «действительно не имеет никаких пределов». Категории людей, занятых в этих различных областях экономической деятельности, составляют, образуют, по классификации Аристотеля, различные социально-политические классовые группы с неодинаковыми социально-экономическими интересами. К средним группам относится б о л ь ш и н с т в о достаточных людей. Это большинство и есть то с р е д н е е, чему имманентно с п р а в е д л и в о е. На него как на скалу должна опираться та форма государства, которую Аристотель в отличие от демократии неимущих называет п о л и т и е й.

Вышеприведенное раз'яснение делает понятным, на чем у Аристотеля основывается различие государственных форм. В зависимости от того, какие общественные группы держат в своих руках политическую власть, устанавливается та или иная форма государства. Исторический процесс смены государственных форм представляется Аристотелю в следующем виде.

Сначала господствовала монархическая форма. Во главе государства стояли цари. «Когда же нашлось много лиц, одинаково доблестных, они, отказавшись подчиняться власти о д н о г о лица, стали изыскивать какую-либо общую форму правления и установили политию. Но после того как, вследствие нравственной порчи, эти лица стали лично обогащаться за счет общественных интересов, из политии логически развились тем или иным путем олигархии, в которых главное значение уделялось богатству. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний — демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их к ограничению числа их самих, повела к усилению враждебно настроенной к ним массы, в результате чего последняя обрушилась на них и установила демократию. А так как теперь государства возросли, то, пожалуй, было бы нелегко представить себе какую-либо еще иную форму государственного строя, помимо демократии» («Политика», кн. III, гл. 10. Перев. Жебелева).

VI. Формы государства

Уж по предыдущему можно догадаться, чем главным образом руководствуется Аристотель при классификации форм государства и на каком принципе строит он наилучшую форму. По этому вопросу, как и в отношении распределения общества на классы, упор делается преимущественно на социальный момент, т. е. на тот факт, который был преобладающим в государствах его эпохи. Факт этот—бьющий в глаза социальный контраст богатства и бедности. Если взглянуть на античные государства под углом зрения этого момента, то станет совершенно очевидным, что все они распадаются, собственно, на два типа государств: государства богатых и бедных. Первые — олигархические, политическая форма господства богатых и благородных, вторые — демократические, политическая форма господства демоса. Такова, собственно, подлинная действительность: олигархия — власть ограниченного меньшинства — и демократия — власть большинства свободного населения. К этим двум формам Аристотель прибавляет еще монархию как власть одного человека.

Рассматривая государства с точки зрения их основной цели, Аристотель делит государственные формы на правильные и неправильные. Правильные—те, которые стремятся к общему благу. Сюда относятся монархия, аристократия и полития. Неправильные же — те, где власть ставит себе цель удовлетворения личных интересов: одного, меньшинства или даже большинства. Таковы: тирания, преследующая интересы одного, олигархия — интересы богатых и демократия — интересы бедных.

Идеалом государственной формы для Аристотеля является такая политическая организация, где у власти стоит среднее сословие людей, достаточно обеспеченных. По мысли философа, это единственно правильная форма. Только в таком государстве люди, пользуясь трудом рабов, могут иметь досуг, чтобы заниматься науками, практической деятельностью и политическими делами. Общее благо — единодушно признанная цель их государства. Это государство—нечто среднее между олигархией и демократией. Образец его Аристотель видел, как это не подлежит сомнению [1]), отчасти в солоновских Афинах, отчасти в олигархии 411 года с их сильно выраженной цензовой демократией.

В монархии Аристотель видит самовластье высших классов, направленное против народа, в царе—защитника собственности их. От монархии отличается тирания, которая, по словам Аристотеля, обычно возглавлялась лицом, вышедшим из народных масс для борьбы против знатных. Аристотель приводит многочисленные примеры тиранов, бывших вначале демагогами. К тирании у Аристотеля недоброжелательное отношение, он никак не может примириться с тем, что выдвинутые массами тираны вели во главе этих масс ожесточенную борьбу против насилия и гнета богатых и знатных, подстрекали народ против знати и поселяли раздор между богатыми.

Аристотель приводит разнообразные формы тирании. Монархия превращается в тиранию, если монарх начинает властвовать деспотически. К тирании относится и такая форма, где властитель господствует над равными в собственных интересах, чтобы «приумножить свои материальные средства» («Политика», кн. V, гл. 8). Наконец, как бы заключительным аккордом и бесповоротным отвержением этой формы звучат следующие слова Аристотеля: «Она (тирания.—*В. С.*) менее всего соответствует представлению, соединяемому с государственным строем вообще» («Политика», кн. IV, гл. 6. Перев.

[1]) См. хотя бы «Афинскую политию».

Жебелева). Очевидно, нет у Аристотеля единой точки зрения при разрешении и этой проблемы.

Характеристика аристократии у Аристотеля неопределенна, как будто тень, которую трудно уловить мыслителю. Олигархия, антипод ее, полнее представлена, но на ней мы не будем останавливаться. Интереснее коснуться политики и демократии, интереснее потому, что мы наталкиваемся тут на поиски наилучшей политической формы со стороны Аристотеля. Аристотель представляется нам при этом политическим закройщиком с государственным аршином в руках, бродящим мысленно среди разнообразных государственных организаций и пытающимся выкроить из них нужную себе форму. Нельзя ли вырезать ее из олигархии и демократии? Отчего же нельзя: «Говоря попросту, полития является как бы смешением олигархии и демократии» (там же, кн. IV, гл. 6). Отсюда пока одно только ясно: полития не должна быть ни чистой олигархией, ни чистой демократией, а нечто с р е д н е е между ними. Мало поясняет дело и дальнейшее указание Аристотеля, выраженное в следующем предложении: «Те формы государственного строя, которые имеют наклон в сторону демократии, обычно называют политиями, а те, которые склоняются скорее к олигархии, обыкновенно именуются аристократиями» (там же). Полития б л и ж е, следовательно, к д е м о к р а т и и. Таков, очевидно, вывод из приведенной цитаты. Устоит ли на нем Аристотель? Нет, не устоит, ибо несколькими строками ниже оказываются в близком отношении уже аристократия и полития.

Большая часть государств стремится согласовать, как утверждает Аристотель, интересы зажиточных и неимущих, богатства и свободы. Этот элемент присущ и политии, и это «придает ей такую прекрасную окраску». «Прекрасная окраска» политии еще энергичнее подчеркивается в следующих определениях ее: «Политией должно называть такой государственный строй, при котором об'единяются интересы зажиточных и неимущих»; она есть «единственно истинная и первая государственная форма». Политическая тенденция теоретика ясна. От бедности и бедняков, которые катастрофически множились в исторических условиях эпохи Аристотеля, некуда было уйти. А ведь с ними множились восстания и мятежи, которые наносили сокрушительные удары всей рабовладельческой государственной системе. Из существовавших государственных форм ни одна не оправдывала своего назначения и не справлялась с политическими бурями времени. Об утопиях мечтать, подобно Платону, было смешно. Почва горела под ногами. Надо было заливать пожар. Нужны были практические мероприятия. Если ни одна существующая форма государства не удовлетворяет, нельзя ли создать из них какую-нибудь более или менее подходящую комбинацию? Вот Аристотель и вооружился политическим аршином, как сказано было выше, и занялся деляческой кройкой. Почитайте книгу IV его «Политики», особенно главы 6—7. Последите за потугами этого величайшего мыслителя древности. Ведь досадно становится за него. Посмотрите, как жалка эта его попытка «смешения» различных государственных форм! Беспомощность, банкротство мысли идеолога рабовладения бьют в глаза. Чрез его бессилие проглядывает немощь господствующих классов, уже осужденных историей на гибель.

В книге V «Политики» Аристотель хочет, по возможности, конкретнее определить политию и ее назначение. В ней об'единены элементы демократический и олигархический. В смысле сохранения государственного строя полития прочнее аристократии, ибо она опирается на большинство да имеет и большую привлекательность в том отношении, что при ней осуществляется равноправие («Политика», кн. V, гл. 6). Привлекательная сторона этой формы, по Аристотелю, заключается в том, что в ней силен средний зажиточный

класс. Это ведь «ведет к прекращению внутренних распрей, возникающих на почве неравенства» (там же, гл. 7). «Необходимость существования в государстве среднего класса» Аристотель не устает подчеркивать, видя в нем надежное «врачебное средство» против внутренних беспорядков и мятежей.

Предупреждение революций, отыскание средств избежать их составляет основной мотив всех исканий философа в области политических форм. Проблема эта, по условиям времени, приняла такую остроту, что разрешение ее стало conditio sine qua non, условием, без которого невозможно существование. Не удивительно поэтому, если мы в «Политике» находим целую книгу (V), посвященную животрепещущему вопросу о политических переворотах. С поразительным знанием дела вплоть до мельчайших подробностей разбирается здесь этот вопрос. Кажется, всю политическую историю своего времени привлекает Аристотель себе на помощь. Мы не можем останавливаться на этом в данный момент. Скажем только, что Аристотель тщательнейшим образом изучает источники и причины революций во всех формах государства тогдашнего времени, не менее тщательно разбирает «спасительные мероприятия» для сохранения устойчивого состояния в государстве и предупреждения переворотов. В результате произведенного Аристотелем исследования напрашиваются, собственно, два вывода: 1) основной причиной революций является имущественное неравенство классов в государстве, расслоение его на богатое меньшинство и бедное большинство; 2) «главное правило», которое необходимо соблюдать для сохранения государственного строя, заключается в следующем: «Нужно наблюдать за тем, чтобы та часть населения, которая желает сохранения существующего строя, была сильнее той части, которая этого не желает» («Политика», кн. V, гл. 7). Такое правило может найти себе применение только в государстве, где силен средний зажиточный класс, т. е. в политии. Полития и является в глазах Аристотеля патентованным средством, панацеей от гидры революций.

VII. Историческое значение социально-политической теории Аристотеля

Историческое значение социально-политической теории Аристотеля и его произведений «Этики» и «Политики» [1]) не следует преуменьшать. Социально-политические проблемы и, в частности, теория государства стали разрабатываться, как мы видели, еще софистами. Они много способствовали этому делу. После них Сократ и особенно Платон уделяли большое внимание проблемам социально-политического порядка. Платон учение о государстве разбирает в обширных произведениях и высказывает много интересных мыслей, которые иногда целиком заимствует Аристотель. Но тем не менее политической науки в собственном смысле предшественники Аристотеля не создали. Этику и политику как науки впервые разработал и представил в форме определенной системы только Аристотель. Опираясь на колоссальный материал, разрабатывая его с беспримерной подробностью и всесторонностью, исчерпывая исследование каждой проблемы до предельной возможности, он высказал такое богатство мыслей, поведал миру такие истины, которые в течение веков после него занимали умы многих поколений.

Аристотель является теоретиком государства в истинном смысле слова. Он создал науку о государстве, разработав ее в таких деталях, с какими мы встречаемся в его «Политике» на каждой странице. Аристотель

[1]) Социально-политических проблем Аристотель касается отчасти и в «Риторике».

представляет нам государство исчерпывающе со всех возможных сторон: социологической, экономической, политической и правовой. Государство является у Аристотеля, со стороны социологической, естественной формой общежития, как всякая другая общественная форма, потому что оно, с его точки зрения, присуще самой природе человека (человек — существо политическое). Со стороны экономической государство — самодовлеющая организация, стремящаяся удовлетворить все потребности своих граждан.

На экономике Аристотель останавливается довольно подробно, признавая большое значение ее для характеристики состава населения и его образа жизни. Он останавливает свое внимание на различных способах промысловой деятельности, земледелии, ремесле, формах хозяйства и обмена, на меновой торговле, деньгах, отличая от этих способов «экономической деятельности» крупную барышническую торговлю, спекуляцию и ростовщичество, служащие для накопления денег и богатства. Аристотель решительно восстает против такой деятельности, так как деньги употребляются здесь не на то, для чего они изобретены. Ростовщичество, говорит он, по всей справедливости заслуживает презрения. Эта экономическая база помогает Аристотелю наметить, хотя и не совсем конкретно и точно, расслоение античного общества на классовые группы.

Политически государство построено на классовых противоречиях и имеет специальное назначение—закрепить господство эксплоататоров и угнетение трудящихся народных масс. В правовом отношении граждане государства наделены формальным равенством. «С точки зрения науки классового, буржуазного общества это определение (государства) может быть признано совершенным. Оно безмерно выше попытки свести государство к сочетанию территории, населения и верховной власти» [1]).

В своей политической теории Аристотель изображает классический тип античного греческого государства-города со всеми его характерными чертами, каким оно остается в нашем представлении до настоящего времени. Не отделяя общества от государства, не имея ясного представления о классовой диференциации его, Аристотель тем не менее настолько глубоко проник в сущность государства, что нарисовал детальную картину социальных противоречий и на их почве социальной борьбы в лице носителей их — господ и рабов, имущих и неимущих, богачей и бедняков.

Но Аристотель дал не только теорию государства, но и теорию политического искусства. Проблески понимания государства как весьма важного инструмента в социальной борьбе мы встречаем и у прежних политических деятелей, например у Солона, как это уже отмечалось нами, но только у Аристотеля мы находим теоретическое обоснование политического искусства. Телеологический принцип, который пронизывает у Аристотеля природу, закладывается им и в основу государства. Как природа действует и движется к совершенству, осуществляя поставленные ей цели, так и государство руководствуется определенными целями и подбирает необходимые для их осуществления средства. В этой связи уместно отметить дальновидный подход Аристотеля к классовым противоречиям в обществе и его уменье в хаотическом сплетении противоречивых интересов разнообразных общественных групп и классов рассмотреть такие интересы, которые можно поставить на службу господствующему в данное время в государстве классу рабовладельцев. Аристотель с большой прозорливостью разгадал природу «средних элементов» и предугадал их социальный вес в политике государства

[1]) М. Рейснер «История политических учений». Т. I, стр. 147. 1929.

Все известные ему формы государственной власти описаны и исследованы им с такой тщательностью и таким подробным указанием специфических признаков их, что они остались в политической литературе на последующее время почти в таком виде, в каком вышли из его рук.

Отдельные проблемы социально-политической теории Аристотеля, как например проблема справедливости, права, нашли у него такое освещение, что определение понятий этих категорий можно признать классическим даже с точки зрения буржуазных политических теорий нового времени. В этом смысле аристотелева теория сохраняет всю свою «ценность» для буржуазного права и до наших дней, ибо в буржуазном обществе и поныне остается в силе тезис Аристотеля, что «земледелец относится к сапожнику так же, как работа сапожника к работе земледельца» («Этика», кн. V, § 8). На этом отдельном историческом факте прочности определения категории справедливости, данного античным мыслителем, оправдывается следующее общее положение, высказанное Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии»:

> «Но какие бы формы они ни принимали, эксплоатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Поэтому нет ничего удивительного, что, несмотря на все разнообразие и все различия, общественное сознание всех веков движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов».

В политической литературе нового времени можно встретить различные оценки учения Аристотеля о праве, но, кажется, никто не оспаривает того, что ему следует приписать заслугу обоснования конституционализма, правильного определения содержания права с точки зрения общественного равенства и неравенства и установления принципа «законности», построенной на предпосылках классового компромисса и умеренного народовластия.

Несомненной заслугой Аристотеля надо признать также и то, что в учении о государстве у него совершенно отсутствует религиозный момент. Религия не только не играет у него роли в качестве одного из принципов государства, но и вообще не упоминается как орудие воздействия на направление государственной деятельности и даже в качестве меры воспитания молодежи. В этом отношении Аристотель не пошел ни по следам прежних деятелей, вроде Антифонта-оратора или Крития, ни за своим учителем Платоном, который видит в религии основную опору государства и в «Законах» возносит ее на степень государственной религии.

Нельзя обойти молчанием еще одну важную черту в теории Аристотеля — исключительное внимание, которое он обращает на воспитание граждан государства. VIII книга «Политики», которая целиком посвящена этой проблеме, начинается следующими знаменательными словами:

«Вряд ли кто будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и самый государственный строй терпит от этого ущерб. Ведь для каждой формы государственного строя соответственное воспитание—предмет первой необходимости... Забота об этом воспитании должна быть заботою государственною, а не делом частной инициативы» (разрядка моя. — *В. С.*).

Насколько высоко ценили Аристотеля как философа, мыслителя и ученого-энциклопедиста Маркс и Энгельс, — общеизвестный факт. Эта оценка

распространяется на него и как на теоретика государства и политического мыслителя вообще.

Выше отмечалось высказывание Маркса о том, как глубоко проник Аристотель в форму стоимости, не разрешив, правда, до конца этой проблемы, чего он и не мог сделать по условиям своего времени. Энгельс, касаясь той же проблемы в полемике с Дюрингом, дает тоже высокую оценку Аристотелю в следующих выражениях:

«Но если «некий» (выражение Дюринга. — *В. С.*) Аристотель позволяет себе открыть обе различные формы обращения денег — ту, в которой они выступают в качестве простого средства обращения, и другую, в которой они являются денежным капиталом, — то этим он, по мнению господина Дюринга, выражает «только моральную антипатию». Если же «некий» Аристотель осмеливается приступить к анализу денег в их «роли» мерила стоимости и на деле правильно ставит эту, столь основную для учения о деньгах, проблему, то «некий» Дюринг предпочитает лучше — по вполне основательным тайным соображениям — промолчать о такой неслыханной дерзости» [1]).

---

[1]) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 165. 1934.

Бэкон и его трактат „О принципах и началах"

М. Суслин

I

Трактат «О принципах и началах» задуман Бэконом как философское истолкование двух мифов древности о Купидоне (Эросе) и Небе (Уране). Бэкон охотно истолковывал мифы древних: в них он видел те же самые философские взгляды древних греков, как и в дошедших до нас философских фрагментах и системах, только выраженные в аллегорической форме. Каждый миф Бэкон считал чувственной, образной аллегорией, к которой он искал философский ключ. Для каждого из разбираемых им мифов древних он старался найти философский эквивалент, всегда предполагая и разыскивая глубокий смысл, заложенный в каждой басне и в каждом образе.

Все его сочинения, в том числе и «Новый органон», пересыпаны яркими образами, метафорами и наглядными сравнениями. Язык Бэкона в высшей степени красочный, что придает своеобразный колорит его философским произведениям.

В трактате «О принципах и началах» Бэкон поставил задачу подробного анализа двух основных мифов (о Купидоне и о Небе), в которых в аллегорической форме заключено учение многих древних философских школ о принципах, лежавших в основе мира, и началах, породивших все многообразие вещей мира. Можно сказать, что последующие философские системы греков для Бэкона являются расшифровкой и философской иллюстрацией поэтического вымысла древних поэтов.

В главах «О мудрости древних» Бэкон также рассматривает вопросы, которые являются предметом подробного и специального разбора в отдельном трактате «О принципах и началах». Это мифы и отрывки: «Небо, или происхождение причин», «Протей, или материя», «Купидон, или атом» [1]). Независимо от них Бэкон рассматривает в другой связи миф о Пане (миф о вселенной, о мире) [2]). Эти мифы могут быть об'единены как мифы, содержащие взгляды древних на вселенную, материю, происхождение всех вещей.

Однако, рассматривая их, Бэкон не останавливается подробно на своих собственных воззрениях по этим же вопросам, что он делает в разбираемом трактате.

Бэкон различает принципы и начала, хотя строго этому делению в своем трактате и не следует. Принципы — всеобщие законы природы, основные законы изменения об'ективного мира, первые причины, форма всех

---

[1]) В переводе Бибикова они составляют отрывки X, XI, XV. Соч. Т. II, стр. 527—532, 534—538.

[2]) Миф о Пане рассмотрен Бэконом как пример философского истолкования предания древних в своем труде «О достоинстве и об усовершенствовании наук». Соч. Т. I, стр. 213—225

явлений и сущность первоэлементов. Начала — материальные частицы и способ порождения ими разнообразных природных тел. Интерес и внимание Бэкона к двум вышеназванным аллегориям не случайный. Даже идеалист Куно Фишер замечает про Бэкона, что «ни один миф не приковывал столько его внимания, как натурфилософский, в основании которого лежали космогонические представления» [1]).

Бэкон не удовлетворился тем беглым и кратким рассмотрением и расшифровкой этих мифов, как она им дана в соответствующих главах «О мудрости древних». Он поставил себе задачу — снова вернуться к ним и обсудить в специальном трактате их философский замысел со всей той подробностью и обстоятельностью, которую они, по его мнению, заслуживают. Так возник трактат «О принципах и началах», написанный Бэконом, повидимому, в промежутке между трактатом «О мудрости древних» и «Новым органоном».

В этом трактате Бэкон, разбирая орфические мифы, развивает собственные философские взгляды на материю.

Трактат этот важен и тем, что нигде так подробно и специально Бэконом не рассмотрены философские концепции античных философов, в особенности по вопросам космогонии.

II

Трактат «О принципах и началах» остался незаконченным. Он содержит в себе об'яснение лишь одного мифа о Купидоне; миф о Небе в нем отсутствует. Весь трактат обрывается на рассмотрении системы Бернардино Телезио из Козенцы (1508—1588), откуда Бэкон должен был перейти к системе Демокрита. Купидон (он же Эрос, Эрот) — древний бог любви у древних греков. Его родословная дается в «Теогонии» Гесиода (VIII — VII вв. до н. э.) и в орфических сказаниях.

У древних, как указывает в трактате и Бэкон, существовало два представления о Купидоне, или Эросе. Древнейшее представление (у Гесиода) изображает Эроса как одного из древнейших богов. Другое, более позднее представление отождествляет Купидона с вечно юным богом любви и нежной дружбы Амуром, сыном Афродиты и Зевса (по одному варианту предания).

Бэкона привлекал не этот шаловливый вестник любви, а первый, древнейший, «космический» Купидон, ибо в мифе об этом Купидоне он видел древнюю теорию о принципах вещей и о начале мира.

Бэкон трактовал этого Купидона как образ, аллегорию о первоначальной, первобытной материи, ее природе и первоначальной силе,—словом, о «принципах» вещей. Следовательно, миф о Купидоне, по Бэкону, есть теория древних о принципах вещей. «Нам следует,—пишет он,—говорить теперь о самом Купидоне, т. е. об этой первобытной материи, и мы постараемся при содействии указаний, представляемых басней, пролить несколько света на этот предмет» [2]).

Второй миф — миф о другом боге, о Небе, или Уране. Уран—тоже один из древнейших, если не самый древний из богов.

Согласно античной мифологии, от союза Урана (Неба) и Геи (Земли) произошли титаны и циклоны, сброшенные в борьбе против них Юпитером в Тартар. От Урана и его потомков произошло много богов античной мифологии: Сатурн (Кронос), Юпитер (Зевс), Афродита (Венера), Гера и другие.

[1]) Куно Фишер «Реальная философия и ее век», стр. 133—134.
[2]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 585.

Мифическую борьбу Сатурна со своим отцом Ураном и в особенности громовержца Юпитера вкупе с Посейдоном и Аидом против Сатурна Бэкон об'ясняет в отдельном небольшом отрывке, входящем в состав сочинения «О мудрости древних» [1]).

В разбираемом нами трактате этот миф должен был составлять вторую часть его, оставшуюся не написанной.

III

Внимание Бэкона к мифу о Купидоне привлекают несколько проблем. Бэкон выясняет прежде всего то положение древних, которое гласит, что у Купидона нет отца. Здесь же он специально останавливается и на другом утверждении аллегории, что Купидон произошел из яйца, снесенного Ночью. Бэкон пользуется последним утверждением мифа, чтобы проиллюстрировать и подкрепить одно из основных положений и требований созданного им индуктивного метода — познание путем исключений, отрицаний и отбрасываний [2]). По мнению Бэкона, этот миф подтверждает, что метод исключений должен привести к положительному результату. «Исключения, — пишет Бэкон,— имеют конец, предел и меру; ибо Ночь не несет яйца вечно... Это яйцо... может раскрыться: и не только раскрыться, но родить настоящего Купидона» [3]). В данном случае для Бэкона Ночь и Мрак — эмблемы неведения, а выводы и доказательства, полученные путем исключений и отрицаний, — как бы дети, порожденные Ночью и Мраком.

Дело в том, что, по Бэкону, мы можем составить себе правильное представление о первобытной материи лишь тогда, когда в характеристике ее *исключим* всякое представление о свойствах видимых, производных от нее тел.

Самыми интересными и богатыми мыслями являются страницы, посвященные критике Бэконом отвлеченной материи. Эта критика дается в связи с рассмотрением третьего положения в басне о Купидоне, что Хаос не обладает формой, а Купидон обладает ею. Отличив Купидона от Хаоса как символ и олицетворение оформленной и деятельной материи, Бэкон переходит к рассмотрению четвертого положения о Купидоне, положения, которое гласит, что Купидон является нагим. В этом Бэкон видит большой философский смысл. Бэкон критикует тех представителей философских систем, которые «одевают» первобытную материю, т. е. наделяют ее теми же самыми свойствами, которыми обладают все сложные тела, производные от первой материи, от первоначал. Если ошибочно считать материю отвлеченной, неоформленной и недеятельной, то не менее нелепо, утверждает Бэкон, полагать ее «одетой». Бэкон рассматривает четыре точки зрения по этому вопросу, каждая из которых представлена той или иной философской школой древности или эпохи Возрождения. Первая школа представляет Купидона одетым в легкую ткань, как бы под вуалью; вторая школа — нагим (с чем согласен Бэкон); третья одевает его в тунику; четвертая облачает в тяжелую мантию и маскирует. Различие этих школ в понимании принципов Бэкон определяет следующим образом: «Философы первой школы полагают, что существует одно только начало всех вещей и что разнообразие предметов зависит от изменчивой природы этого начала. Философы второй школы, тоже приписывающие происхождение всех вещей одному только началу, предполагают, что разнообразие предметов зависит от

[1]) Бэкон. Соч. Т. II. гл. X — «Небо, или происхождение причин», стр. 527—529.
[2]) Там же, стр. 583.
[3]) Там же, стр. 585.

различных размеров, вида и положений этого материального и единственного начала (от различных пропорций, сочетаний и относительных расположений этих элементов единственного вида). Философы третьей школы, допускающие многие начала, думают, что разнообразие существ зависит от отношения, сочетания и взаимодействия этих различного рода начал. Наконец, философы четвертой школы предполагают бесконечное число или, по крайней мере, множество начал, но одаренных специфически и от природы различными свойствами» [1]).

В истории философии, как считает Бэкон, первое мнение было представлено системами милетцев (Фалес, Анаксимен) и Гераклита Эфесского; второе — дано физиками-атомистами, школой Левкиппа и в особенности Демокрита; третье развито в древности у Парменида и главным образом у Телезио, философа эпохи Возрождения, которому Бэкон уделяет внимания больше чем всем другим, так что рассмотрение его философии занимает почти две трети написанной части трактата. Наконец, четвертое мнение, которое, как и второе, Бэкону не удалось специально рассмотреть [2]), выражено у Анаксагора, в его учениях о гомеомериях. Обсуждением этих школ у Бэкона заканчивается рассмотрение четырех приведенных им положений мифа о Купидоне, т. е. 1) что он не имеет отца, 2) рожден из яйца, снесенного Ночью, 3) является личностью и 4) что он наг.

IV

Бэкон — материалист, «истинный родоначальник английского материализма и вообще опытных наук нового времени» (Маркс). Для него главным предметом философии является «сама материя, а также различное ее устройство и превращения» [3]). Как материалист, Бэкон развивает материалистическую теорию познания. Его метод имеет своим предметом самую «природу вещей». Бэкон учит «не выскакивать вон из природы», как поступают философы-идеалисты, которые бессилие своей науки обращают «в клевету против самой природы» [4]), а исходить из наблюдений и опытов. «Настоящая философия, — пишет Бэкон,—как бы то ни было, верно передает слова самого мира и слагается, так сказать, под его диктовку; она есть не что иное, как подобие, отраженный образ его» [5]). Поэтому Бэкон настойчиво на всех страницах своего «Нового органона» и других работ требует, чтобы при исследовании ученые и философы «не измышляли и выдумывали, а открывали то, что совершает и приносит природа». Наука, знание вообще есть только отображение действительности, «изображение бытия». Естественная философия поэтому должна почитаться «великой матерью наук». Маркс писал про Бэкона, что в его глазах естествознание являлось истинной наукой, а физика — важнейшей составной частью естествознания. Те времена, когда эта великая матерь наук недостойным образом была низведена «до обязанностей служанки», явились, указывает Бэкон, самыми бесплодными в научном отношении. Науки были оторваны от природы и от практики. Но, отделенные от своих корней, они, естественно, не растут и не могут расти. Бэкон как материалист раз'ясняет: «То, что основано на природе, растет и увеличивается, а то, что на мнении, меняется, но не растет».

---

[1]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 591.

[2]) Бэкон намерен был его рассмотреть в связи с мифом о Небе, который он не разобрал в своем трактате. Соч. Т. II, стр. 592, 602, 629.

[3]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 29.

[4]) Бэкон «Новый органон», стр. 142, 156. Соцэкгиз. 1935.

[5]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 224.

Бэкон формулирует задачу нового класса — английской буржуазии,— идеологом которого он являлся, задачу развития производительных сил, техники, естествознания. Перед человеческим познанием Бэкон ставит задачу— раздвинуть границу человеческой власти над природой, проникнуть «в глубь и в даль природы». «Власть же человека над вещами, — раз'ясняет он, — заключается в одних лишь искусствах и науках. Ибо над природой не властвуют, если ей не подчиняются» [1]). Природа побеждается только подчинением ей, ибо «человек — слуга и истолкователь природы». Бэкон не только не сомневается в возможности познания природы и отдельных тел природы, но выдвигает проникновение в ее тайны в качестве основной цели и задачи науки, без чего она и «не смеет называться наукой». Не даром Герцен писал про Бэкона, что он приковал науку к природе, и был совершенно прав, когда указывал, что «вера Бэкона в разум и в природу непоколебимы» [2]).

Бэкон как философ нового времени вел решительную борьбу со схоластической философией. Стая схоластиков, по Бэкону, остается довольной несколькими громкими словами и совершенно пренебрегает самим предметом и самим делом [3]). Она владела только доказательствами, основанными на силлогизме. «Последний производит,—пишет Бэкон,—одно только затемнение, и природа ускользает из наших рук» [4]). Схоласты ставили себе целью «победить и связать словом своего противника». Бэкон же имеет целью победить «природу, и цель эта достигается делом» [5]). Бэкон нанес первый чувствительный удар схоластике. От топкого, схоластического болота Бэкон позвал человека нового времени к спасительным, надежным, многообещающим тропам природы, на широкую дорогу опыта. Ничтожна, бесполезна, беспомощна и никчемна философия, учит он, если она не ведет к делу и практическим результатам; она ненужна человеку и не приносит пользы ему. «Судите о ней по плодам».

Буржуазные историки философии отрицают наличие у Бэкона теории познания. В своей ненависти к материализму, которая, не говоря уже об откровенном мракобесе Ж. де Местре, нашла, например, у Гегеля свое выражение в его странном приравнивании философии Бэкона к философии кулинарного искусства [6]), они не могут примириться с материалистической теорией познания Бэкона. Именно потому, что Бэкон развивает пусть еще упрощенную и метафизическую, но все же материалистическую теорию отражения [7]), чуждую агностицизму и далекую от скептицизма, буржуазные, чаще всего кантианствующие исследователи не находят в философии Бэкона гносеологической проблемы.

Мы не ставим себе задачей дать в этом кратком очерке изложение особенностей материалистической теории познания Бэкона и методологического пути, ведущего, по его мнению, человечество к планомерным, систематическим открытиям и дающего ту власть и господство над природой, которых добивался растущий класс — английская буржуазия. Достичь этого можно, полагал он, открытием и подробной и систематической разработкой нового метода для руководства разумом. «Нам необходима, — писал он, — нить для указания дороги; нам необходимо начертать весь путь от первых восприятий чувств до принципов» [8]). И Бэкон настойчиво осуществляет цель,

[1]) Бэкон «Новый органон», стр. 192.
[2]) Герцен. Соч. Т. IV, стр. 305, 307. Изд. Павленкова.
[3]) Бэкон «О мудрости древних». Соч. Т. II, стр. 569.
[4]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 76.
[5]) Там же.
[6]) Заимствую у Городенского, из его книги о Бэконе.
[7]) Бэкон писал, что «бог дал человеку душу, подобную зеркалу, способную отражать целый мир». Соч. Т. I, стр. 98.
[8]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 67.

поставленную им своей философии, детально чертит этот необходимый, по его мнению, путь познания и подробно разрабатывает свой индуктивный метод. Своей известной критикой «идолов» Бэкон расчищает путь познанию, вместо силлогизма он требует опыта и инструмента, вместо случайного опыта, этого, по его выражению, «осла философии», он выдвигает планомерный, научно-организованный опыт. Инструмент, эксперимент, научная организация опыта, практическое изменение вещей, привитие и создание у них новых свойств — вот главные предметы рассуждений Бэкона. Только в знании природы — действительная сила человека.

V

Обратимся к трактату «О принципах и началах» и выясним на основе его сущность материалистических воззрений Бэкона.

Для Бэкона Купидон — символ оформленной материи, в то время как Хаос, столь же древний, как Купидон, выступает как эмблема несвязной, неоформленной материи. Купидон, в котором, по Бэкону, олицетворяются представления древних о первобытной материи, не случайно выступает как личность: в этом, по его мнению, заложен глубочайший смысл об оформленности и конкретности первобытной массы материи. «Первородная материя, о которой говорят древние и которую они считают за общее начало всех вещей,—раз'ясняет Бэкон,—есть материя, обладающая формой и одаренная многими определенными свойствами» [1]).

В природе не существует отвлеченной материи. «Отвлеченное начало,—говорит Бэкон,—не есть нечто реальное». Химерические, фантастические, отвлеченные существа не могут породить реальных тел, а «начальное существо,—раз'ясняет Бэкон,—...должно иметь такое же, и даже более реальное существование, каким обладают вытекающие из него» [2]. Отвлеченную материю выдумали философы-идеалисты. Она фантастический продукт их разгоряченного мозга и их распаленной фантазии. «Отвлеченная материя представляет материю для споров, а не материю вселенной», — пишет Бэкон и добавляет: — Надо исследовать, разнимать, а не отвлекать природу [3]).

Как материалист Бэкон хочет видеть природу такой, какой она существует сама по себе, в реальной действительности, а не в головах философов-идеалистов. Эта же позиция материалиста заставляет его отрицать материю, лишенную движения. Так же решительно, как и против учения об отвлеченной материи Бэкон выступает против учения о пассивной, неактивной материи. Материя, по Бэкону, наделена движением. Это положение он ищет и находит в учениях многих материалистов античного мира. «Все почти философы древности,—указывает Бэкон,—как Эмпедокл, Анаксагор и Анаксимен, которые имели во всех отношениях весьма различные мнения о первоначальной материи, сходились по крайней мере в предположении, что материя эта деятельна и обладает известной формой... что в ней самой заключалось начало ее движения» [4]).

Для Бэкона первобытная материя, первобытная форма и первое начало движения связаны воедино и неразрывно. «Эти три вещи, — учит Бэкон,—ни в каком случае не должны быть отделены, но только отличены» [5]).

Поэтому всякое представление о недеятельной, лишенной силы материи является для Бэкона «самым сильным заблуждением человеческого ума» [6]).

---

[1]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 587.
[2]) Там же, стр. 588.
[3]) Там же, стр. 589.
[4]) Там же.
[5]) Там же, стр. 590.
[6]) Там же, стр. 635.

Материя движется; неизменная («не текущая») материя для Бэкона — ложная гипотеза. Но как представитель метафизического мировоззрения Бэкон далек от мысли о развитии материи, об историческом порождении ею новых форм и постоянной исторической смене их. Материя у него деятельна и подвижна — не даром он ее называет Протеем, но она не развивается, обречена на вечную смену и порождение одних и тех же вечных форм вещей и свойств.

Третье положение мифа, которое Бэкон одобряет, касается происхождения Купидона. По утверждению мифа, Купидон не имеет отца. Бэкон рассматривает это положение как указание древних на то, что материя не имеет в природе причины для себя, причины своего происхождения. «Первоначальная сущность материи,—говорит Бэкон,—и всеобщий закон природы существуют вечно» [1]). Бэкон развивает интересные для истории материализма мысли о невозможности сравнивать материю по аналогии с чем-нибудь, ибо материя единственная в своем роде и не подлежит сравнению. Материя вечна. Количество материи в мире одно и то же. Бэкон поэтому считает, что «весьма основательно предположение мудрецов древности, что Купидон не имеет отца, то есть, причины» [2]).

Бэкон откровенно и отчетливо выявляет свое отрицательное отношение к философам—идеалистам античного мира. Любимой мишенью своих нападок он избрал Платона и в особенности Аристотеля. Правда, это был Аристотель схоластизированный и канонизированный католической церковью, «Аристотель с тонзурой», как образно выражался Герцен [3]).

Бэкон указывает, что вместо исследования действительного мира Платон захотел подчинить природу человеческим мыслям, а Аристотель—подчинить мысли словам. Вместо исследования реальных фактов мы имеем «трескотню диалектических терминов» у Аристотеля и «напыщенность» у Платона. Бэкон никак не мог согласиться с отделением и противопоставлением форм и материи, а также с учением Платона и Аристотеля об отвлеченной и недеятельной материи. «Они смотрели на материю,—возмущается Бэкон,—как бы на публичную женщину, а на формы, — как на ее искателей» [4]).

Бэкон противопоставляет Аристотелю материалистов древности. Все у них «напоминает о природе вещей, об опыте, о телах. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов» [5]). Идеалистическая философия древнего времени и средних веков бесплодна как библейская смоковница. «Вместо плодов винограда и сливы она приносит, — пишет Бэкон, — шипы и чертополох споров и препирательств». За это бесплодие прежде всего и отвергает эмпирик-материалист Бэкон философию схоластов и их главный авторитет — извращенного ими Аристотеля.

Главный порок аристотелевской философии Бэкон видит в том, что Аристотель свою естественную философию предал и подчинил своей логике. «Вселенная и все, что в ней есть, — пишет Бэкон, характеризуя взгляды Аристотеля, — состоит из категорий или других подобных, чисто логических представлений» [6]).

Учение Аристотеля Бэкон бранит как сварливую и драчливую философию, пытающуюся утвердиться на развалинах своих предшественниц и, по

---

[1]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 583. В дальнейшем мы увидим, что Бэкон отступает от этого материалистического утверждения.

[2]) Там же, стр. 581. См. также на стр. 580, 582, а также в сочинении «О мудрости древних», стр. 530, 535.

[3]) Герцен «Письма об изучении природы». Соч. Т. IV, стр. 169. 1905. Изд. Павленкова.

[4]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 215.

[5]) Бэкон. «Новый органон», стр. 129.

[6]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 589.

примеру оттоманских властителей воображающую, что она не может властвовать спокойно, если не перебьет и беспощадно не уничтожит всех своих братьев [1]).

В своей критике «идолов театра» Бэкон в первую очередь расправляется с такими признанными авторитетами, как Аристотель и Платон.

У Аристотеля он видит пленение софистикой, у Платона — суеверием. Однако он находит, что и «строптивая и колючая философия Аристотеля смешалась более чем следовало с религией» [2]).

Если Аристотель и Платон сводили дело к спорам и старались лишь создавать школы, то античные материалисты, по мнению Бэкона, не открывали школ, но зато с меньшим самомнением, хвастовством и бахвальством занимались отысканием истины. Бэкон ядовито об'ясняет спасение философии Аристотеля и Платона от нашествия варваров тем обстоятельством, что они как легковесные всплыли вверх, подобно доскам из легкого и, быть может, гнилого дерева, а более прочные произведения потонули и обречены на полнейшее почти забвение [3]). Суб'ективным идеалистам и скептикам типа Пиррона Бэкон совершенно не уделяет внимания, ибо они совсем отказались от всякого исследования.

В этой суровой и резкой критике Бэконом древних философов-идеалистов буржуазные историки философии видят высокомерное пренебрежение Бэкона к своим предшественникам вообще, игнорирование и полное непонимание учения древних в частности. Об этом много пишет Куно Фишер, но он не одинок: эту знакомую песню можно услышать из уст любого буржуазного исследователя истории философии.

Пылая злобой и ненавистью к материализму, немецкий идеалист Зигварт заявляет, что у Бэкона «даже не было и органа для связного понимания значения их философии» (т. е. древних философов).

Гораздо справедливее отзыв Герцена. Он писал: «Гений Бэкона, положительный, чисто английский, не имел органа для схоластической метафизики» [4]). Герцен правильно понимал, что Бэкон борется против идеалистической философии, что он «полон жгучей ненависти к схоластике», хотя и у него Декарт и Бэкон «не понимают и бранят Аристотеля и всех древних».

От материалиста Бэкона, создателя новой философии, мы не можем ожидать бесстрастного любования философским материалом прошлого. Он строитель и боец и поэтому подходит с соответствующими мерками к оценке прошлой философии, направляя удары в первую очередь против идеалистов древности и средневековья.

Но Бэкон по-разному относится к идеалистам и материалистам древности. Это не может не признать даже Куно Фишер: он признает симпатии Бэкона к Демокриту. Он пишет, что басня об Эроте, по мнению Бэкона, «согласовывалась с демокритовской философией, а эта философия — с его собственной» [5]).

Как создатель новой философии Бэкон не мог некритически воспользоваться и близким к нему материалистическим учением древних. Он и его оценивает с точки зрения задач, которые он ставит перед своей философией.

Это, конечно, не значит, что Бэкон всегда дает правильную оценку античным философам, особенно Аристотелю. Герцен прав, утверждая, что Бэкон имел дело с извращенным, искаженным схоластикой Аристотелем. Это был опасный враг, и Бэкон, беспощадно борясь с ним, впадал в недо-

---

[1]) См. об этом Соч. Т. II, стр. 586. Т. I, стр. 267. «Новый органон», стр. 134.
[2]) Бэкон «Новый органон», стр. 158.
[3]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 587. «Новый органон», стр. 138, 143.
[4]) Герцен. Соч. Т. IV, стр. 306.
[5]) Куно Фишер «Реальная философия и ее век», стр. 267.

оценку исторического значения его философии. Маркс и Энгельс, критикуя дуализм, телеологию, непоследовательность Аристотеля, давали ему в целом очень высокую оценку. Для Маркса Аристотель — «исполин мысли» [1]), «геркулес греческой мысли». Аристотель для Энгельса «Гегель древнего мира» [2]). Энгельс, говоря о диалектике, часто приводит имена Аристотеля и Гегеля. «Исследование ф о р м мышления... очень благодарная и необходимая задача, и ее выполнил после Аристотеля систематически только Гегель» [3]). Или в другом месте: «Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями, Аристотелем и Гегелем». Энгельс указывает, что есть два направления в философии: «метафизическое с неизменными категориями, диалектическое (Аристотель и в особенности Гегель) — с текучими» [4]).

Энгельс вместе с тем дает высокую оценку греческой философии, указывая, что даже естествознание XVIII в. «далеко уступало ей в смысле идеального одоления этого материала, в смысле всеобщего мировоззрения» [5]). «Для греческих философов,—пишет, далее, Энгельс,—мир был по существу чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим».

Греческая философия ценна тем, что в ней выступает диалектическое мышление, хотя еще и в первобытной простоте. «Древние греческие философы,—пишет Энгельс,—были все прирожденными стихийными диалектиками, и Аристотель, Гегель древнего мира, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления». Греки, по словам Энгельса, правы по отношению к метафизике в целом, уступая ей в знании деталей и подробностей. В греческой философии ценно, по Энгельсу, и то, что у нее в зародыше содержатся почти все позднейшие типы мировоззрения. Вот почему Энгельс призывает естественников не смотреть на греков «по-бэконовски, свысока» [6]). Общеизвестно внимание Ленина к греческой философии и в особенности к материалистам древности (см. конспект «Истории философии» Гегеля в «Философских тетрадях») [7]). Ленин находит у Аристотеля ценнейшие моменты диалектического мышления. Схоластика и поповщина, пишет Ленин, убили в Аристотеле живое и увековечили мертвое. Но то, что видели классики марксизма ценного в греческой философии в целом и у Аристотеля в особенности, было недоступно метафизическому материалисту Бэкону, не понявшему и не оценившему ее исторической роли, в частности диалектики Аристотеля.

VI

Перейдем к разбору взглядов о сущности первоматерии перечисленных философских школ. Концепции школ, наделяющих первые начала вещей свойствами вторичных, сложных тел, так или иначе «одевающих» Купидона, Бэкон считает ложными.

Наименее грешит, по Бэкону, та же школа, которая учит только об одном элементе, беря в качестве первого начала воду, воздух или огонь (Фалес, Анаксимен, Гераклит).

Эти философы представляют Купидона, по выражению Бэкона, как бы покрытым вуалью. Ионийцы, бесспорно, правы, по мнению Бэкона, во-пер-

---

[1]) М а р к с «Капитал». Т. I, стр. 39. 8-е изд.
[2]) Э н г е л ь с «Анти-Дюринг», стр. 357. 1931.
[3]) М а р к с и Э н г е л ь с. Соч. Т. XIV, стр. 493.
[4]) Т а м ж е, стр. 337, 391.
[5]) Э н г е л ь с «Диалектика природы», стр. 89. 1933.
[6]) Т а м ж е, стр. 90.
[7]) Ленин писал свои замечания на «Метафизику» Аристотеля, не зная «Диалектики природы», впервые опубликованной только в 1925 году.

вых, в том, что исходят при определении принципа из наблюдений над природой, а не из споров, выдумок и фантазии разума; во-вторых, в том, что никто из них не взял в качестве начала землю, ибо последняя, по Бэкону, стремится к покою, инертности, косности и пассивности и проявляет слабую деятельность.

Рассматривая учение Фалеса, принимавшего за причину вещей воду, Бэкон подробно перечисляет те основания ввиде тех или иных явлений природы, которые могли навести Фалеса на эту мысль. Учение Анаксимена, исходившего из признания воздуха как единственной причины всех вещей, представляется Бэкону «весьма основательным... ибо воздух занимает наибольшие пространства вселенной» [1]). С еще большей обстоятельностью чем в отношении Фалеса Бэкон рассматривает все то, что могло навести Анаксимена на основную мысль его учения. Гераклит оценивается Бэконом как более проницательный и более глубокий философ чем предыдущие два, хотя его гипотеза, замечает Бэкон, «кажется менее вероятной». Эта оценка вызвана, конечно, не тем, что Гераклит — отец диалектики. Метафизик Бэкон порицал всякую борьбу и потрясение в обществе. Гераклита же он хвалил за то, что тот выбрал самое подвижное, активное, деятельное начало.

Бэкон ясно видит слабости указанной школы философов. Во-первых, он считает, что ошибочно искать начало среди известных, конкретных сложных тел, ошибочно отождествлять начала с этими телами второго порядка; тела, которые сами порождаются началами вещей, неправильно возводить в ранг этих начал. Неверно это еще и потому, что в таком случае приходится произвести отбор среди тел, отдать какому-то из них как наиболее совершенному предпочтение, а в этой операции философ руководствуется собственным суб'ективным представлением о совершенстве, а не зрелым обсуждением действительности.

Во-вторых, эти философы (хотя только отчасти) повторяют ошибку защитников отвлеченной материи. Ведь и у них, раз'ясняет Бэкон, материя только в отношении принципа (т. е. первоосновы) является деятельной и наделенной свойствами. Остальная материя инертна.

Третья ошибка рассматриваемого мнения заключается, по Бэкону, в том, что правильность того или другого начала у них не подтверждается данными чувств. В самом деле, рассуждает Бэкон, если бы существовало одно начало всех вещей, то следы и признаки его должны встречаться во всех телах, ему следовало бы играть в них главную роль и более или менее господствовать [2]).

Четвертый недостаток заключается в том, что в этих учениях совершенно нет указаний, каким способом единственное материальное начало порождает все бесчисленное множество вещей часто с прямо противоположными свойствами, т. е. как оно изменяется само и изменяет все окружающее. «Они не умели,—пишет Бэкон про рассматриваемую группу философов, — открыть, каким стремлением или побуждением, ...каким средством, каким путем, какими ходами и какой постепенностью первое начало вырождается, и затем, возвращается в свое первобытное состояние» [3]). И, наконец, пятую и главную ошибку Бэкон видит в том, что они «приняли за начало вещество, подлежащее порче и тлению».

Суть возражений Бэкона, следовательно, сводится к тому, что нельзя первобытную, первоначальную материю сводить к определенному, физическому телу и его свойствам, что она неаналогична какой-либо из определен-

---

[1]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 593.
[2]) Там же, стр. 600
[3]) Там же.

ных вещей. Материя — первая причина, она не производна, не тело второго порядка и в то же время наполняет собой весь мир и находится в каждой из вещей.

Другие философы (по счету Бэкона, третья школа) «одевают» Купидона в тунику. Они исходят из признания не одного, а нескольких начал. К ним принадлежат Парменид и Телезио, признающие два, почти одинаковых начала Парменид признает два принципа: огонь и землю или небо и землю, Телезио — тепло и холод. Бэкон в «Новом органоне» называет еще одного сторонника двух принципов, именно Эмпедокла с его «Раздором» и «Дружбой» (в разбираемом трактате Эмпедокл упоминается в другой связи).

Телезио — единственный философ эпохи Возрождения, учение которого о природе вещей Бэкон внимательно и обстоятельно рассматривает в своем трактате. Родство материалистических позиций заставило Бэкона подробно ознакомиться с сущностью взглядов Телезио, хотя он их не принимает целиком. Бэкон видит в Телезио крупного ученого, сумевшего обратить против перипатетиков (последователей Аристотеля) их же собственные доводы [1]).

Бэкон считает его «более сведущим в разрушении чем в созидании». «Мы очень высокого мнения об этом философе, — заявляет Бэкон, — ...мы даже считаем его первым из мыслителей новейшего времени, заслужившим название философа» [2]). Бэкон рассматривает учение Телезио о теплоте, о холоде (старается его даже развить), о борьбе их между собой и о способе действия теплоты и холода на материю. Каждый раздел Бэкон излагает с критическими замечаниями. В конце исследования системы Телезио Бэкон как бы подводит итог своему критическому анализу. Оставляя, повидимому, в силе все то, что сказано им по адресу первой школы (ионийцы), которая, как и третья школа (Парменид и Телезио), берет Купидона одетым, а не нагим (как вторая школа — Демокрит), Бэкон выделяет ошибки, специфически присущие системе Телезио. Первый упрек, посылаемый Бэконом Телезио, заключается в том, что он признает вселенную находящейся в покое. Картина мира, по Телезио, представляет мир, из которого удален человек, постоянно тревожащий материю своими действиями и как бы нарушающий ее покой. Бэкон упрекает Телезио за то, что он наряду с признанием вечности материи признал и вечность мира. Он пишет: естественно, должно предположить вечность материи, но этого нельзя сказать о порядке окружающей нас вселенной [3]). Бэкон проводит здесь ту мысль, что природа находится в движении, в деятельности, а не в покое, порядок ее меняется. Мало этого, он продолжает: «По гипотезе Телезио, мир представляется вечным, и она ничего не говорит ни о хаосе, ни о бесчисленных видоизменениях, которые могли и должны были случиться в великом целом».

Было бы неверным усмотреть в этом высказывании Бэкона какое-либо учение об историческом развитии вселенной. Его представления не выходят здесь за рамки представлений греков. Он сам недалек от взгляда тех, которые полагали, что «после бесконечного множества неправильных сочетаний, как бы игравших роль опытов, материя сложилась наконец в этот прекрасный порядок» [4]). В другом месте Бэкон вспоминает про Демокрита, указывая, что он был первым, кто осмелился утверждать вечность материи и отрицать вечность мира [5]), а также учил, что вселенная образовалась помимо вмешательства бога [6]).

---

[1]) Бэкон. См. Соч. Т. II, стр. 603. Эту оценку находим мы и в т. I, стр. 268 — 269.
[2]) Там же, стр. 634.
[3]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 627.
[4]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 628.
[5]) Там же, стр. 528.
[6]) См. Бэкон. Соч. Т. II, стр. 528 и т. I, стр. 275.

Второй недостаток Бэкон видит в том, что Телезио лишает материю деятельности, силы. Бэкон вполне справедливо считает эту теорию великим заблуждением человеческого ума. Это тот же порок, который был подвергнут Бэконом обстрелу при критике им учения Аристотеля и Платона.

И, наконец, третий упрек Бэкона заключается в том, что Телезио не может, исходя из своих двух принципов, об'яснить целый ряд явлений и в особенности свойств материи. Поэтому он не мог «отстранить всех затруднений и в своем исследовании останавливается на полдороге» [1]). Бэкон пред'являет эти требования к Телезио как к философу нового времени, который должен дать обстоятельный ответ о природе вещей и методах их исследований, но не разрешает этой задачи. Система его, по мнению Бэкона, не выдерживает критики и опровергается, как и учение об одном элементе. Как уже было сказано, трактат обрывается на рассмотрении учения Телезио.

VII

В своем замечательном обзоре новой философии, в непревзойденных по краткости, яркости и глубине оценок буржуазных философских систем, Маркс писал, что Анаксагор с его гомеомериями и Демокрит с его атомами часто приводятся Бэконом как крупнейшие авторитеты. Только Демокрит, по мнению Бэкона, как следует проник в природу. Подробную характеристику и оценку Анаксагору Бэкон должен был дать при рассмотрении мифа о Небе. Бэкона привлекает в учении Анаксагора признание последним материальных частиц как начала вещей. «Многие философы предполагали,— пишет Бэкон в трактате о «Достоинстве и об усовершенствовании наук», — что существует бесчисленное множество зародышей вещей, даже в субстанции; это породило гипотезу г о м е о м е р и й, придуманную или прославленную Анаксагором» [2]). Положительно должен был отнестись Бэкон и к утверждению Анаксагора о качественном разнообразии этих первоначальных частиц материи. Но для Бэкона Демокрит «одарен большей проницательностью». Разгадка этой большей симпатии к Демокриту по сравнению с Анаксагором заключается в том, что для Анаксагора Купидон (первоматерия) выступает под маской, т. е. что и он первоматерию, почти как и другие школы, отождествляет с производными предметами природы. У Анаксагора частицы материи выступают как части того или другого вещества (мяса, хлеба, крови и т. д.). Они вещественны, они наделены всеми свойствами тех предметов, которые должны быть об'яснены этими частицами. Иное мы имеем у Демокрита. Бэкон считает, что Демокрит имел право сказать, что «атомы, или семена, всех вещей и свойственные им силы ни на что непохожи, что подлежит чувствам, но что они вполне не видимы, не осязаемы и проч.» [3]). «Итак, — раз'ясняет Бэкон далее, — атомы не похожи ни на искры огня, ни на капли воды, ни на пузырьки воздуха, ни на крошки пыли» [4]) и т. д. То же самое надо сказать и про их силы и свойства. Поэтому Бэкон утверждает, что учение Демокрита было более глубоким чем у других философов, что Демокрит был величайшим физиком и восходил выше всех остальных. Во многих высказываниях подобного рода обнаруживается большая симпатия материалиста XVII в. к материалисту V в. до нашей эры.

Эту симпатию и одобрение Бэкон не старается скрывать. Соответствую-

[1]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 638.
[2]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 214.
[3]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 583.
[4]) Там же, стр. 584.

щие высказывания и хвалебные отзывы рассыпаны по всем сочинениям Бэкона.

«Мудрость Демокрита, — сообщает Бэкон, — наиболее приближалась к мудрости первых времен». «Гораздо лучше, — рассуждает Бэкон в «Новом органоне», — рассекать природу на части, чем отвлекаться от ее качеств и свойств, как делают защитники отвлеченной материи. Вообще, чтобы быть последовательным, — утверждает он, — надо принять гипотезу атомов». Последние Бэкон мыслит в качестве материальных существ, наделенных формами, величиной, местом, сопротивлением, стремлением и движением.

В «Новом органоне» Бэкон, правда, уже указывает, что мало пользы в том, чтобы рассекать природу на атомы; и не потому, что атомы неистинны, а потому, что открытие их немногим могло бы, по его мнению, помочь благосостоянию людей. Перед нами снова выступают практическая целеустремленность и эмпирические установки философии Бэкона в отличие от рационалистических тенденций Демокрита. Неправильно из родства взглядов Демокрита и Бэкона не видеть различия между ними, обусловленного двухтысячелетним промежутком времени, с вытекающими отсюда различиями в уровне развития науки, в социальной обстановке и т. п.

Положительные стороны материализма Демокрита Бэкон видит в том, что у Демокрита материя отлична от всех конкретных форм ее, но оформлена, реальна, вечна и деятельна, является причиной всех вещей.

У Демокрита движение и соединение невидимых атомов в пустоте порождают все разнообразие и обилие видимых вещей. Атомы различаются по форме и величине. Восхищаясь Демокритом, Бэкон все же заявляет, что не стоит заниматься одними только атомами. Недостаток школы Левкиппа и Демокрита в том и состоит, по Бэкону, что она целиком погружена в атомы и пренебрегает их совокупностью.

Бэкон требует поэтому сводить вещь не к атомам, а к «истинным частицам», как они открываются в действительности. Он сам требует анатомирования мира. «Мы строим в человеческом разуме,—пишет Бэкон,—образец мира таким, каким он оказывается... Но это невозможно осуществить иначе, как рассеканием мира и прилежнейшим его анатомированием» [1]). Но Бэкон требует рассекать предмет больше по линии простых свойств и их материальных причин — форм, ибо для него тело — «соединение простых природ» — и вещь выводятся «из форм простых природ». Форма, по Бэкону, является конкретным и неизменным свойством материи. Все разнообразие и богатство свойств в сложных телах и специфическое отличие их друг от друга, по его мнению, порождаются этими, внутренно-присущими материи, деятельными, но вечными метафизически неизменными формами. Он требует выделения реальных частиц, встречаемых в опыте, с которыми имеют дело физики. Атомы же, по Бэкону, нам в опыте не даны.

Гораздо больше расхождений у Бэкона с Демокритом по вопросу о движении. Бэкон требует, чтобы первые принципы и начала не напоминали сложных тел не только со стороны вещества, но и по своему движению. Демокрит же, по мнению Бэкона, в этом пункте недостаточно последователен. Демокриту «следовало бы приписать атомам движение, отличное от движения сложных тел, — пишет Бэкон,—...но движение нисхождения (падения) тяжелых тел и движение восхождения легких тел... принимает он за единственные, первоначальные и природные, и на основании этого предположения приписывает их атомам» [2]).

---

[1]) Бэкон «Новый органон», стр. 187.
[2]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 585.

Бэкон не хочет ограничиться сведением движения к его механической форме.

Бэкон желает в первобытной материи видеть источник всякого движения. Она должна быть так устроена, чтобы всякий вид природного движения, как он пишет, мог быть ее последствием и порождением. Движение Бэкон понимает в гораздо более широком смысле чем механическое движение. Блестящую характеристику понимания Бэконом движения дает Маркс.

> «Первым и самым важным из прирожденных свойств материи, — пишет Маркс про Бэкона, — является движение, — не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, как жизненный дух, как напряжение, или, как выражается Яков Бёме, как мучение (Qual) материи» [1]).

В «О мудрости древних» демокритовское понимание движения об'является Бэконом узким и поверхностным. Основной его недостаток заключается в том, что Демокрит приписал своему атому один Купидон, т. е. единое и безусловное движение, а именно движение к центру мира. Очень многие виды движения, замечаемые в природе, как например расширение или сжатие тел, круговое движение небесных тел, не могут быть, пишет Бэкон, сведены к такому пониманию движения. Первоначальную силу, движение материи нельзя свести к чему-либо и тем самым ограничиться одним видом движения. Она есть самое «всеобщее в природе», ее не с чем сравнить, ее не к чему отнести. Бэкон пишет про нее, что она «без соотношений и несравнимая» [2]). Бэкон подробно рассматривает 19 форм движения. Это учение Бэкона наряду с сильными выдает и его слабые стороны. Он не выступает в этом учении как последовательный механист, но вместе с тем Бэкон очень далек от диалектического понимания движения. Он не понял суть движения как самодвижения на основе противоречий, не понял движение, как развитие, не показал соотношение и связь форм движения. Он остается на поверхности форм движения, давая более описание чем анализ движения. Но зато Бэкон предохранил себя от односторонности и обнаружил широкое понимание движения, подчеркнул его неразрывную связь с сущностью материи. В этом ценность его характеристики движения.

Для Бэкона частицы материи обладают творческой, созидательной силой, они действенны. Деятельная материя — зародыш формы в сложных телах, в которые она входит; она начало их движения. Созидательное стремление материи, которое таит в себе все виды качественных образований, ее деятельность и «мучение»,—вот что характерно для бэконовского понимания материи. Маркс пишет в «Святом семействе», что у Бэкона «первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренно присущие ей, создающие специфические различия, существенные силы» [3]).

В свете этого становится понятным требование Бэкона искать в принципах и началах не столько то, из чего вещи сделаны, сколько действующие начала, которыми вещи сделаны. Это — одно из существеннейших различий, отделяющих Бэкона от Демокрита.

Ценна еще одна деталь в характеристике Купидона. Купидон берется как принцип, дающий порядок, гармонию, связь вселенной. В мифе он отличается от Хаоса как символа несвязной, неоформленной материи.

Характерно, что Бэкон очень пренебрежительно и несправедливо от-

---

[1]) Маркс и Энгельс. Соч. Т. III, стр. 157.
[2]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 535.
[3]) Маркс и Энгельс. Соч. Т. III, стр. 157.

зывался об Эпикуре. Он бранит и критикует его теорию случайного отклонения атома как пустую и нелепую; причисляет его вместе с Платоном и Аристотелем к софистам и считает, что Эпикур «говорит языком нечестивым» и «бредит», когда отрицает судьбу [1]). Эта несправедливая оценка может найти об'яснение только в строгой защите Бэконом идеи метафизической необходимости, которую подрывал Эпикур своим учением о случайности. Увидеть в учении Эпикура о случайном отклонении атома диалектический момент, как это сделал Маркс в своей диссертации о Демокрите и Эпикуре, Бэкон, естественно, не мог.

Бэкон хвалит Демокрита [2]) как раз за признание необходимости судьбы и за признание и устройство мира без вмешательства бога и конечных причин, а только путем бесконечных «опытов» природы. Однако это не должно вводить нас в заблуждение. Бэкон — не атеист, он защищает существование бога. Единственный раз Бэкон хвалит Эпикура за то, что тот все-таки говорит о существовании богов. В «Нравственных и политических очерках», критикуя атеизм, он даже берет Эпикура под защиту от тех, кто склонен считать его атеистом. «И хотя Эпикур имел дерзость отрицать промысел богов, — пишет он,—но никогда не осмеливался отрицать их природу» [3]).

Надо сказать, что Бэкон и Демокрита вместе с Левкиппом зачисляет в один ряд с Эпикуром по вопросу о божестве. Зараженный теологическими предрассудками, Бэкон не хочет признать последовательными атеистами и великих материалистов древности.

VIII

Бэкон был идейным оруженосцем своего класса — класса восходящей буржуазии Англии. Он ковал новое орудие познания, чтобы «мучить» и «пытать» природу на пользу этой буржуазии.

Бэкон проповедует мощь науки. Современная ему наука была разрозненной, бессистемной, беспомощной, и Бэкон стремился ей помочь. Но, в свою очередь, эти слабость и скудость ее сказались на широте и глубине мировоззрения Бэкона. Не дано было ему как буржуазному идеологу постичь и законы человеческого общества. Бэкон представлял свой класс на той ступени его развития, когда он, будучи заинтересован в развитии производительных сил, был еще далек от попыток революционного изменения общественного строя. Бэкон — сторонник мирного развития производительных сил, укрепления экономической мощи своего класса в рамках лишь немного подновленных общественных отношений, решительный противник всяких общественных потрясений. Задачи буржуазии Бэкон рассматривал с позиций ее умеренного крыла, верхушки крупной буржуазии рубежа XVI—XVII веков. В отличие от политических переворотов научные перевороты не только не опасны, проповедует Бэкон, а, наоборот, даже благодетельны.

Бэкон мог с воодушевлением писать про абсолютистскую политику Генриха VII и прославлять в нем одного из творцов того политического порядка, который он сам защищал. Бэкон не допускал никакого антагонизма между королем и парламентом и советовал «лучше не производить опытов над государством, разве только по крайней необходимости и ввиду очевидной пользы». Он считал, что в сердце английского народа запечатлены слова:

---

[1]) Отзывы об Эпикуре см. Бэкон. Соч. Т. I, стр. 216, 217 .Т. II, стр. 537. В «Новом органоне», стр. 138.

[2]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 275.

[3]) Бэкон. Соч. Т. II, стр. 361.

«Мы не хотим изменения законов Англии»,—а потому и рекомендовал приобретать «славу в позиновении» [1]). В его общественных взглядах, изложенных в «Нравственных и политических очерках», и в его утопии «Новая Атлантида» нет ничего оригинального и выдающегося.

Классовая характеристика Бэкона неоднократно извращалась. Были попытки трактовать Бэкона как представителя и идеолога интеллигенции, якобы боровшегося за лозунг «Вся власть ученым» (предисловие С. Лурье к изданию «Новой Атлантиды» в 1920 г.), как «идеолога технического переворота» (Быховский). Очень часто Бэкона характеризуют просто как идеолога буржуазии, без учета специфических особенностей Англии начала XVII века.

Особенности социальной базы Бэкона вскрыл Энгельс, указывавший на «аристократический» характер английского материализма [2]). Наиболее характерен в этом отношении преемник Бэкона в Англии по философской линии — Томас Гоббс. Но эта характеристика в значительной степени относится и к Бэкону с Локком. Указание Энгельса дает конкретное уточнение оценки классовой природы английского материализма XVII века. Совершенно неправильно понимать слова Энгельса как указание на якобы феодальный характер английского материализма этого периода. Энгельс, наоборот, подчеркивает его антифеодальный характер.

«Аристократический», да еще иногда в кавычках,— у Энгельса совсем не синоним «феодального». Но Энгельс дает конкретную характеристику классовых корней английского материализма, имея в виду особенность буржуазного развития Англии (в частности по сравнению с Францией), нашедшую свое выражение в процессе обуржуазивания английской землевладельческой аристократии и среднего дворянства. Эту аристократию, связанную с буржуазией и заинтересованную в известных рамках в буржуазном развитии Англии, и имеет в виду Энгельс. Она оттеснила феодальную родовитую аристократию старой Англии и в то же время не допускала к власти более широкую часть средней буржуазии.

Бэкон выражал основные интересы и тенденции класса буржуазии, но через призму этой обуржуазивающейся аристократии.

Бэконовский материализм был недостаточно последовательным материализмом, ибо у Бэкона имеются, как указывает Маркс, теологические предрассудки. Бэкон писал про религию и атеизм следующее: «Когда только еще знакомишься с философией, то она может вести к атеизму, но при основательном знакомстве с ней она возвращает к религии» [3]). В самом деле, Бэкон допускает бога и божественную, бессмертную душу (правда, наряду с материальной душой, умирающей с телом), считает, что материя является всем только после бога, т. е. только в пределах природы, и что она создана богом [4]). Вот почему Бэкон в своей классификации наук, данной им в «Instauratia magna», где, по образному выражению Герцена [5]), перед ним продефилировали все современные ему науки, отвел богословию одно из первых мест. Только Гоббс изгнал из рядов науки и философии всякое богословие. Известна уступка Бэкона религиозному мировоззрению в вопросе о двойственной истине, хотя эта теория все же была значительным шагом вперед и известной победой научного мировоззрения по отношению к феодальному. В требовании Бэкона о разграничении сфер религии и науки наи-

---

[1]) Савин «История английской революции», стр. 51.

[2]) Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке». Предисловие к английскому изданию, стр. 24, а также стр. 22, 23. 1931.

[3]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 101. Т. II, стр. 359.

[4]) Бэкон. Соч. Т. I, стр. 320. Т. II, стр. 359, 529, 530, 580—581.

[5]) Герцен. Соч. Т. IV, стр. 304. Сам Бэкон предпочитает говорить о «прогулке среди наук», о плавании «вдоль берегов различных наук» и т. д.

более ярко сказалась вся противоречивость и компромиссность этого раннего идеолога буржуазии. Бэкон не отрицал финальные (целевые) причины в конечном итоге восходящие к тому же богу; их надо признать существующими в природе, хотя они не нужны при об'яснении ее.

Бэкон, как уже было сказано, не был сторонником буржуазной революции. Тем более он не мог быть материалистом в понимании общественных событий. История, по его мнению, творится политическими, государственными, общественными деятелями и направляется волей монарха и политических партий по указанию свыше, ибо «всякое законное правительство установлено самим богом» [1]). Мудрость Соломона, указания Макиавелли и собственная практика государственного деятеля — вот чем он руководствуется в своих политических рассуждениях.

Несмотря на массу блестящих элементов диалектики, философия Бэкона в целом антидиалектична. Характеристика Бэкона чуть ли не как диалектического материалиста, данная Дебориным и Милоновым, неверна. Именно Бэконом, как указывает Энгельс, метафизический способ мышления был перенесен из естествознания в философию [2]). Аналитический метод Бэкон считает основным орудием в исследовании природы. Но Бэкон не является законченным метафизическим материалистом. Материя у него качественно разнообразна, гетерогенна, дана в разных проявлениях, переливает и блещет всеми красками своего бытия. «Материя, — пишет Маркс, — улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку» [3]).

В этом отношении материализм Гоббса Маркс противопоставляет материализму Бэкона. В пределах метафизического материализма они различны и даже противоположны: материализм Бэкона — «конкретный», чувственный материализм, материализм Гоббса — абстрактный; у Бэкона материя «улыбается» человеку всеми сторонами и красками своего многокачественного бытия; у Гоббса от материи остается только ее пространственно очерченный скелет, протяжение и фигура. Маркс остроумно называет материализм Гоббса аскетическим, ибо, подобно тому, как человек превращается в аскета, заглушая голос чувств, материя у Гоббса лишается большинства своих «доступных внешним чувствам форм».

И все же материализм Гоббса представляет более высокую прогрессивную ступень в истории материализма по сравнению с Бэконом. Гоббс полнее и лучше охватил требования нового времени. Он был типичным, можно сказать, «классическим», механистом. Гоббс более решительно, смело и безжалостно расправился не только с теологическими предрассудками бэконовского материализма, но и со всякими другими уступками средневековому мировоззрению. Вслед за богом он отбросил конечные и формальные причины, еще встречающиеся у Бэкона. Но вместе с тем Гоббс освобождает и материю от всех качеств, которые для него подозрительны со времен схоластики с ее «спициями», внутренними качествами, скрытыми свойствами и т. д. Материализм Гоббса становится односторонним, как отмечает Маркс, но зато более последовательным.

В этом свете нам понятны слова Маркса:

> «Чтобы преодолеть человеконенавистнический, бесплотный дух в его собственной области, материализм должен сам умертвить свою плоть и сделаться аскетом» [4]).

Бэкон же не дошел до этой механистической односторонности. В этом и сильные и слабые стороны его учения. Бэкон наряду с присущими ему

[1]) Бэкон «Нравственные и политические очерки». Соч. Т. II, стр. 316.
[2]) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 14. Партиздат. 1934.
[3]) Маркс и Энгельс. Соч. Т. III, стр. 157.
[4]) Там же.

остатками схоластики давал взлеты и устремления в далекое будущее. У него, по характеристике Маркса, мы находим зародыши всестороннего развития материалистического учения.

И даже правоверный католик и инквизитор в философии Де Местр не может скрыть колоссального влияния Бэкона: «Бэкон был идолом восемнадцатого столетия, он прародитель Кондильяка; его нужно судить по его потомкам, по его духовному сродству, а его родство составляют Гоббс, Локк, Вольтер, Гельвеций, Кондильяк, Дидро, Даламбер и т. д. Бэкон установил основоположения энциклопедистов; они распространили славу Бэкона и возвели его на трон философии» [1]).

Это все продолжатели метафизического материализма. Но и диалектический материализм признает философию Бэкона одной из ступеней в своей родословной. Бэкон, от которого отказывается и которого не понимает в настоящее время его собственный класс, только у пролетариата находит историческую оценку своих заслуг перед человечеством.

---

[1]) Цит. по Куно Фишеру «Реальная философия и ее век», стр. 235.

Анализ и синтез в творчестве академика И. П. Павлова*)

П. Анохин

В связи с недавно прошедшим 85-летним юбилеем Ивана Петровича Павлова и преждевременной его кончиной в этом году, в советской и иностранной прессе появилось огромное количество статей, дающих оценку его научного творчества. Обилие статей, тем не менее, никак не является показателем достаточно глубокого анализа самого творческого процесса, который позволил создать первую в мире физиологическую школу.

Все, что приходится читать о творчестве Ивана Петровича Павлова, главным образом касается его фактических достижений, приложения этих достижений к практике медицины и т. д., и очень редко приходится встречать попытки сделать анализ ведущих принципов его творческой деятельности. И это понятно, ибо задача эта чрезвычайно трудна: деятельность Ивана Петровича была столь многогранна, столь обширна и плодотворна, что попытка найти движущие принципы всего его творчества является задачей, едва ли легко выполнимой.

Предлагая настоящее исследование вниманию советских читателей, я заранее оговариваюсь, что это только первая попытка войти в эту сложную и еще не затронутую область.

Я ограничусь по преимуществу разбором того периода его деятельности, в котором академик Павлов создавал свое учение об условных рефлексах и который является, пожалуй, наиболее плодотворным периодом.

Из постоянного общения с ним мы много знаем о его творческих приемах, о его способах руководства и организации научно-исследовательской работы. Мы знаем, что он умел отказываться от любой рабочей гипотезы, если она переставала соответствовать фактам, и наряду с этим мы также знаем о той беспощадной войне, которую он вел со всякими преждевременными выводами и с недостаточностью контрольных испытаний. Это все сделало его образцом честности и осторожности естествоиспытателя в эксперименте. Таким образом, мы могли бы очень полно охарактеризовать весь творческий путь Павлова с точки зрения его личных свойств и фактических достижений. Но наряду с этими отдельными приемами работы и свойствами Ивана Петровича как исследователя для оценки всего его творческого пути может быть взят и иной план, план более широкий и более общий, который позволил бы дать характеристику тех наиболее четких принципов, которыми он руководствовался на всем многолетнем творческом пути. Как бы ни изменялась конкретная рабочая гипотеза, гипотеза, созданная в определенном периоде исследований, она всегда обычно лежит в рамках общего мировоззрения исследователя, а у покойного Ивана Петровича это выступало особенно отчетливо. Настоящая работа и имеет своей

*) Печатается в порядке обсуждения. — Ред.

целью попытаться показать эволюцию всей концепции Ивана Петровича в отношении анализа и синтеза на конкретном содержании его научного исследования.

Исходя из этой задачи, я постараюсь держаться главным образом основных, так сказать, поворотных, моментов его творческого пути, которые или значительно изменяли план исследования или обогащали фактическое содержание развиваемого им учения о высшей нервной деятельности.

Наиболее общая характеристика его отношения к исследуемым проблемам заключается в том, что самым действенным принципом изучения физиологических явлений, как он считал, является принцип «машинности». Этим принципом, как мы увидим ниже, легшим в основу его исключительно новаторской разработки и взглядов на работу головного мозга, он руководствовался на всем протяжении своего творческого пути и, собственно говоря, до последних дней своей жизни оставался верен этому принципу. В случаях сравнения организма с каким-либо механизмом он всегда говорил, что организм представляет собой, конечно, значительно более сложную машину, с гораздо большим количеством отдельных деталей, или «колесиков», но принципиально, кроме этих количественных особенностей, он ничем не отличается от машины. Эта точка зрения на конструкцию организма была им развита и как метод исследования. Он всегда утверждал (даже в последнем разговоре с ним, за несколько недель до смерти), что наиболее действенным принципом исследования, который открыл перед человечеством широкие кругозоры в об'яснении природы, является принцип «машинности», понимая под этим то, что все явления детерминированы и что только разлагая их на отдельные элементы можно выяснить их внутреннюю связь и конструкцию данного процесса. Однажды в разговоре на эту тему в пояснение своих мыслей Иван Петрович вынул из кармана часы и сказал: «Ну, вот вам пример: для того чтобы знать причину движения стрелок, я должен раскрыть этот механизм и должен вынуть одно колесико за другим; таким образом я устанавливаю закономерности этого движения. Это мне поможет в дальнейшем сложить их и сделать новые часы. Вот это и значит овладеть закономерностями природы» [1]).

Крупный американский невролог Хэррик (Herrick) написал книгу «Думающая машина», которую он целиком посвятил работе головного мозга. Иван Петрович, читая его, говорил: «Это хорошая и почти правдоподобная фантазия о том, чего мы еще не знаем в деятельности центральной нервной системы». Ему нравились в этой книге самый способ изложения и общая концепция автора, заключавшаяся в стремлении разложить на отдельные «колесики» составные детали сложных нервных и психических явлений.

Его эксперименты, если проследить их с точки зрения внутренних связей, всегда имели целью исследовать детерминацию, или «машинность», явлений.

Его симпатии к нервизму, т. е. к вскрытию нервных механизмов физиологических процессов, начиная с самых первых лет научного творчества являются также отчасти доказательством исключительной конструкции его ума, которому импонировали только в з а и м о с в я з и и м е х а н и з м ы.

Мы не можем целиком присоединиться к этой трактовке организма,

[1]) Автор статьи односторонне трактует применение Павловым «принципа машинности». Из всех работ Павлова явствует, что он под «машинностью» понимал прежде всего материальность процессов, происходящих в нервной системе.

Хотя академик Павлов на словах ссылался на ранние формы материализма (материализм Галилея и др.) и не возвысился до сознательного применения диалектического материализма, все же философская оценка работ Павлова как механистических была бы неправильна, т. к. об'ективное значение этих работ далеко выходит за пределы механистических представлений.—Ред.

хотя и считаем, что методически, в целях исследования деталей физиологических механизмов, иногда бывает необходимо на время пользоваться упрощенной схемой. В дальнейшем мы постараемся показать, что уже в пределах только материала условных рефлексов синтез, т. е. концепция динамического единства, должен играть едва ли не превалирующую роль. Исторический процесс, приведший к образованию жизни и наиболее подвижных ее проявлений ввиде нервной деятельности, уже в самом начале протекал под знаком единства синтеза и анализа, доминации целого и диференциации частей. В нервной деятельности это единство особенно подчеркнуто в силу наличия тончайших реакций, на которые способна центральная система.

Чрезвычайно интересно проследить поэтому те условия, которые определили в некоторой степени особенности его творческого пути и именно в то время, когда создавалась концепция условного рефлекса. Интересно проследить эти условия как в русской, так и в мировой нейрофизиологии.

Одним из первых факторов, которые определяли Ивана Петровича как исследователя механизмов, были, несомненно, особенные черты его характера, его исключительная склонность к реальному. В этом отношении он представлял собой образец того типа исследователя, который предпочитает держаться в своих рассуждениях непосредственно за показания действительности. Он всегда считал, что только тогда чувствует предмет, когда может осязать его, когда сам непосредственно может наблюдать изучаемое явление. Руководя экспериментами сотрудников, он всегда придерживался этого принципа: как только порывалась нить, связывающая его с действительностью, с реальными процессами, он начинал нервничать и старался найти какие-либо дополнительные показатели для решения поставленной задачи. Обычно в этих случаях он садился сам к экспериментатору и делал длительные наблюдения за поведением экспериментального животного. Это стремление к непосредственной близости к реальным процессам в значительной степени определила наглядность его рабочих гипотез. Он любил выражать отношения между отдельными процессами в наглядных схемах, в исключительно простых концепциях, что и являлось одним из факторов успеха его учения. Поучая своих учеников в этом отношении, он всегда говорил, что только факты имеют существенное значение в решении той или иной задачи и поэтому надо всегда ближе держаться к действительности: «Она никогда не подведет».

Мы знаем, что И. П. Павлов не был только эмпириком, ученым, держащимся «у поверхности фактов», как он сам выражался. Он уходил от них по временам для того, чтобы построить ведущую рабочую гипотезу, которая и определяла ход исследования на некоторый период времени. Его склонность к реальным процессам сказывалась даже в том, что он любил все формы эксперимента, которые давали бы возможность вмешаться непосредственно (путем ли раздражения, путем ли из'ятия) в исследуемый процесс,— словом, такие формы эксперимента, при которых все звенья процесса, начальные и конечные, находились бы в руках экспериментатора. В этой его особенности нельзя не видеть также влияния исключительного расцвета экспериментальной физиологии второй половины XIX века, когда экспериментатор жадно стремился разложить все явления природы на элементарные процессы, доступные эксперименту. Иван Петрович был блестящим продолжателем этого направления, и в первом периоде своих исканий он широко развивал эту свою склонность к дискретным процессам. Можно без преувеличения сказать, что в И. П. Павлове, как в фокусе, сошлись все основные приемы экспериментального исследования и все чаяния расцвета экспериментальной физиологии XIX столетия. Таким образом, мы видим, что И. П. Павлов по своему прошлому экспериментальному пути и по характеру своей научно-исследовательской склонности был в значительной степени

подготовлен к созданию концепции условного рефлекса, которая была разработана им в начале XX столетия. Он, не колеблясь, стал на путь рефлекторной трактовки работы коры головного мозга. Это был принцип, который в первом периоде работ по изучению физиологии коры головного мозга импонировал ему больше всего и особенно подчеркнул его склонность к аналитическому методу думания.

В то время состояние мировой неврологии было таково, что представлялась известная возможность выбора целого ряда направлений и трактовок нервной деятельности вопреки классическому учению о рефлекторной схеме. Я постараюсь вкратце обрисовать то состояние знаний по физиологии нервной деятельности, которое соответствовало начальному периоду разработки теории условного рефлекса.

Общая физиология мозга в России находилась под значительным влиянием идей, высказанных Сеченовым. Его авторитет в физиологии, его уменье излагать свои взгляды с исключительной убедительностью очень сильно содействовали тому, что «принципы рефлексов» головного мозга взяты были некоторыми физиологами как наиболее реальные принципы. Несмотря на то что его книга «Рефлексы головного мозга» не была широко известна заграницей и не вызвала немедленного подражания в исследовании, отдельные круги физиологов и интеллигентов, однако, как часто рассказывал сам Иван Петрович, были чрезвычайно увлечены этой новой струей, дающей решение проблемы физиологии мозга вместо многовековых бесплодных идеалистических попыток об'яснения при посредстве души.

Здесь интересно отметить, что рефлексологичность русской нейрофизиологии являлась наиболее старым и хорошо укрепившимся принципом из всех руководящих идей нервной деятельности. Это, конечно, в значительной степени содействовало и тому, что увлекающийся физиолог — Иван Петрович Павлов — с самого начала своей деятельности подпал под влияние этой, тогда революционной концепции.

Концепция Сеченова о тормозных центрах в головном мозгу являлась особенно убедительной благодаря простоте его известного эксперимента и фиксировала внимание исследователей также на чрезвычайно наглядных способах решения проблем мозга. По сути дела, Сеченова надо признать идейным предшественником всего того аналитизма, который вместе с учением об условных рефлексах быстро и широко охватил русскую физиологию, которая, укрепляя аналитические идеи в эксперименте, продолжала традиции классиков экспериментальной физиологии: Людвига, Гейденгайна и других, бывших идеологическими учителями академика Павлова.

Но наряду с этим преимущественно европейским крылом классической экспериментальной физиологии в Америке развивалась совершенно своеобразная ветвь физиологии, которая уже очень рано создала свою особенную концепцию. Примерно к моменту зарождения учения об условных рефлексах относится очень важный момент организации в Америке журнала «Сравнительная неврология», который поставил в круг своих проблем проблемы, относящиеся к биологии поведения, сравнительной морфологии и сравнительной физиологии нервной деятельности. Наряду с этим в Америке имелось уже в то время направление, которое пыталось рассматривать поведение как целостный акт; это направление было предтечей современного бехевиоризма. Достаточно хотя бы указать на известные работы Торндайка, которые были хорошо известны Павлову. Таким образом, видно, что американская нервная физиология очень рано связала свою судьбу общебиологическими проблемами и элементы анализа в ней были в известной мере соединены с синтетическими стремлениями.

Интересно отметить, что и сейчас этот основной признак отличает американскую неврологию от всей прочей мировой неврологии.

Вот та общая ситуация в мировой нейрофизиологии, которая была налицо в тот момент, когда академик Павлов высказал свою гениальную гипотезу об условно-рефлекторной деятельности головного мозга.

Экспериментально-физиологическое направление в немецкой и вообще европейской физиологии, биологизированная нервная физиология Америки, исключительно аналитический характер русской нейрофизиологии, борьба с идеалистическими тенденциями психологии и особенности характера Ивана Петровича как исследователя — вот все те факторы, которые в сумме создали, если хотите, известную детерминированность творческого пути академика Павлова. Я подчеркиваю еще раз то обстоятельство, что несмотря на наличие возможности выбора точки зрения в то время, несмотря на то что можно было бы рефлекторную схему принять с известными ограничениями, Иван Петрович без колебаний принял классическую схему рефлекторной деятельности, как она была впервые высказана Андреем Везалием и Декартом.

Чрезвычайно важно поэтому проследить генезис идеи рефлекса у самого Декарта. Какие мотивы в его непосредственной мыслительной деятельности определили характер его концепции?

В отличие от исключительного успеха идеи рефлекса в XIX столетии нужно отметить, что во времена Декарта его идея не имела большого успеха среди его современников. Это об'ясняется отчасти тем, что сам Декарт мало интересовался разработкой деталей рефлекторных нервных механизмов; он почти не оперировал с материалами по анатомии нервной системы, а, высказав идею рефлекса, использовал ее преимущественно в целях своей философской доктрины.

Однако несомненно, что чрезвычайно плодотворным моментом его концепции является то, что он впервые отчетливо поставил вопрос о «стимуле» для нервной и душевной деятельности вместо обычно употреблявшихся до того времени метафизических «cause». Понятие стимула, так плодотворно сказавшееся на развитии учения о нервной деятельности, заимствовано было Декартом из механических схем и отношений. Поводом к этому послужили его наблюдения над механическими фигурами королевских фонтанов.

Наблюдая эти фигуры, Декарт обратил внимание, что здесь действие одной фигуры является сигналом к началу действия другой. Эти наблюдения и послужили ему поводом для признания необходимости стимула при об'яснении целого ряда ответов живого организма. Как видите, исторически уже у колыбели рефлекса стояла механическая схема, которая в значительной степени определила собой его наглядность.

После некоторого периода непопулярности идеи рефлекса, в XIX столетии — с развитием гистологических данных и именно гистологии нервной системы—эта идея получила особенное подкрепление. Видимые в микроскоп отдельные нервные клетки и их отростки весьма быстро соединились в воображении в законченную линейную схему, которая стала известна под именем «дуги рефлекса». Не удивительно поэтому, что физиологи, которые хотели бы вскрыть элементарные механизмы нервной деятельности, наталкивались на неизбежную рефлекторную концепцию как на наиболее наглядную.

Высказав идею о том, что психическое слюноотделение является условным рефлексом, т. е. рефлексом, проходящим через кору головного мозга и проявляющимся при определенных условиях, Иван Петрович тем самым создал новый этап в развитии рефлекторной концепции и чрезвычайно обогатил методические возможности изучения нервной деятельности. Вот как он сам формулировал то настроение, которое господствовало в первые годы разработки идеи условных рефлексов:

«После констатирования возможного анализа и систематизирования на-

ших явлений следующая фаза работы — и мы уже приступили к ней — это систематическое дробление и нарушение центральной нервной системы, чтобы видеть, как будут при этом изменяться установленные выше отношения. Таким образом произойдет анатомический анализ механизма этих отношений. Это и составит будущую и, как я уверен, уже недалекую экспериментальную психопатологию». Эта цитата из его первой мадридской речи, в 1903 году, как нельзя лучше подчеркивает основные методологические стремления его в то время. Несомненно, в этих немногих словах были выражены перспективы работы в открытой им области на ближайшие десятки лет. Этим, собственно говоря, и был утвержден первый, сугубо аналитический этап в развитии учения о высшей нервной деятельности.

Надо отметить, что к этому времени, по сути дела, не было создано никакой физиологии коры головного мозга. Эксперименты Фритча, Гитцига и Мунка с раздражением и экстирпацией отдельных зон больше способствовали осознанию участия нервного субстрата в нервной функции чем выяснению каких-либо механизмов нервной деятельности. И поэтому естественно, что гипотеза об условном рефлексе, давшая сразу конкретное представление о механизмах корковой деятельности, окрылила исследовательским энтузиазмом как самого Ивана Петровича, так и окружавших его сотрудников. Таким образом, гипотеза о механизме нервной деятельности в коре головного мозга — условно-рефлекторный принцип — являлась аналитической по своей природе. Этот аналитизм особенно подчеркивался полным игнорированием всяких других проявлений целостного поведения животных.

Любая рабочая гипотеза, для того чтобы стать конкретным двигателем исследования, должна вооружиться рядом методических приемов, и только после этого она получает свою реализацию. Возвращаясь к первым годам работ Павлова, мы видим, что методика изучения высшей нервной деятельности углубила еще больше тот жесткий схематизм, который был дан в самой концепции условного рефлекса. Тот же самый—хотя и механический—принцип условного рефлекса, будь он методически распространен на целый ряд внешних проявлений в поведении животного, получил бы иное методологическое значение, и, конечно, этим значительно ослабился бы аналитизм исходных идей.

Иван Петрович с самого начала категорически отверг все комплексные проявления животного и остановился как на показателе корковой деятельности на регистрации одного секреторного компонента. Этим самым надолго был отрезан путь к перекрестной проверке отдельных нервных процессов и комплексному учету целостного поведения животного. Иван Петрович часто говорил, что эта «изоляция» одного компонента реакции взята была им не случайно, а по совершенно определенным соображениям. Он считал, что лучше вскрыть работу отдельного компонента и хорошенько ее изучить чем выступать с запутанными и сложными соотношениями. Несомненно, однако, что именно эта изоляция и была едва ли не главным мотивом для целого ряда, как увидим ниже, критических нападок на Павлова и замечаний со стороны защитников развивающейся динамической неврологии.

В самом деле, сложный функционирующий организм в его поведении проявляется всегда в целом ряде отдельных компонентов. Внешняя среда чрезвычайно легко сменяет все эти формы реагирования одну на другую, причем эти замены могут протекать в чрезвычайно сложных — или взаимно поддерживающих или взаимно исключающих — соотношениях отдельных компонентов реакции. И поэтому закономерности, подмеченные на отдельных компонентах реакции, могут в значительной степени быть модифицированы и иначе интерпретированы, когда исследователь имеет перед собой целый комплекс проявлений животного. Несомненно, этот последний путь

гораздо более труден чем путь любой интерпретации в пределах одного компонента поведения. Иван Петрович в этом отношении был очень последователен. Он совершенно исключал в первом этапе исследования все дополнительные показатели поведения животного. Да и в последнем периоде, как он сам выражался, никакой нужды не видел в том, чтобы учитывать такие дополнительные факторы поведения, как, например, дыхание, сердцебиение, движения желудка и т. п. Все эти методические приемы еще глубже подчеркивали первоначальный аналитизм высказанной концепции.

Несмотря на аналитическую ограниченность всей начальной концепции теории условных рефлексов, в те годы она все же, несомненно, оказала очень революционизирующее влияние на тогдашние физиологические и психологические научные круги. Об'яснялось это тем, что до условных рефлексов благодаря беспомощности физиологии мозга особенную силу приобрела суб'ективная психология.

Концепция условного рефлекса быстро стала кристаллизующим пунктом для всех материалистически мыслящих исследователей нервной деятельности, и поэтому справедливо считать, что в этом отношении Павлов сыграл у нас в России роль великого организатора научно-медицинской мысли начала XX столетия.

В дальнейшем аналитический характер всей этой концепции был особенно подчеркнут развитием гипотезы о существовании специального вида торможения, так называемого коркового торможения. Это торможение является, несомненно, достижением павловской лаборатории, не имевшим прецедента в мировой физиологии.

Идея о том, что отдельная функция может затормаживаться корой головного мозга, ввиду своей простоты была быстро введена в обиход целого ряда практических (педагогических и других) соображений.

Некоторые считают, что введение в учение об условных рефлексах идеи коркового торможения является показателем синтеза в учении об условных рефлексах. Это заключение высказывается на основании того, что вся сложная нервная деятельность с этого момента стала рассматриваться как соотношение и равновесие этих двух противоположных процессов — возбуждения и торможения.

Я держусь другого мнения. Мне кажется, что введение в исследования в области условных рефлексов идеи коркового торможения является показателем расцвета именно аналитических тенденций в учении об условных рефлексах.

В самом деле, если рассматривать как единое целое гипотезу о механизме нервной деятельности и методику изучения этого механизма, о которой мы выше говорили, то окажется, что торможение еще более подчеркнуло аналитическую сущность условного рефлекса.

Как известно, с этого момента наличие секреторного компонента реакции стало рассматриваться как показатель возбуждения в коре головного мозга, а отсутствие секреторного компонента — как показатель торможения. Таким образом, в этом взаимном исключении двух процессов один и тот же секреторный компонент, сам по себе представляющий чрезвычайно узкий выход для целостного нервного процесса, становился в этой трактовке синонимом поведения целой коры головного мозга. Участие других процессов в этой деятельности мозга совершенно игнорировалось. Исключался даже такой совершенно очевидный, бросающийся в глаза факт, как, например, движение, ворчание, визг и прочие проявления животного во время дифференцировочного торможения: они совершенно не находили себе места в этой узкой схеме. Какое значение имело это игнорирование целостных проявлений? Несомненно, что такой подчеркнутый аналитизм имел свое историческое оправдание, во-первых, потому, что он имел черты некоторой револю-

ционности в тогдашней физиологической науке, а, во-вторых, потому, что выгодно было прежде разобраться в отдельных проявлениях нервной системы и этим самым облегчить себе путь к наиболее сложным процессам.

Следующий этап характеризуется главным образом как период накопления фактического материала. Подобно тому, как путешественник, открывший путь в неведомую дотоле страну, вступая в нее, впивается жадным взглядом в каждое новое явление, так и работники в области условных рефлексов, вступив на совершенно новую, плодотворную почву, оказались в тот период перед лицом необозримых фактических возможностей, попавших в поле зрения исследования. Вот почему этот период, примерно до 1915 года, был ознаменован чрезвычайным ростом фактического материала с непрерывно увеличивающейся номенклатурой отдельных процессов.

После того как была высказана идея торможения, начали обнаруживать различные виды этого торможения. Прежде всего найдены были три больших категории: внутреннее, внешнее и сонное торможение. Затем первое под влиянием ряда исследований начало подразделяться на целый ряд отдельных форм: угасательное торможение, диференцировочное торможение, условное торможение, запаздывающее торможение и т. д. Это была эпоха, когда каждый день приносил с собой новые открытия, и, собственно говоря, надо считать, что с этого момента начались первые попытки синтезировать многообразные формы нервной деятельности и обобщить их в более комплексные формы. Именно с этого момента период дробления материала логически перерос в период обобщения и первым этапом надо считать обобщение, высказанное в известной формуле: «Сон есть внутреннее торможение».

Работами Шишло, Соломонова и других в лаборатории Павлова было показано, что сон развивается по всем признакам, свойственным развитию внутреннего торможения, и, таким образом, эти два процесса, вначале разделенные своей характеристикой, об'единились как две формы внутреннего торможения.

Вслед за тем, в 20-е годы, постепенно стал накапливаться материал, который заставил остро поставить вопрос уже об «идентичности внутреннего и внешнего торможения» (Анохин). В последнее время Павлов определенно высказывался за то, что и внешняя и внутренняя форма торможения — только разновидности одной и той же сущности нервного процесса. Таким образом, по истории торможения можно проследить, как учение об условных рефлексах от жесткого аналитизма и «систематического дробления» постепенно вставало на путь синтетических обобщений. Особенно это было подчеркнуто в последние годы, когда Иван Петрович пошел еще дальше, высказав предположение, что даже торможение и возбуждение суть только разные фазы одного и того же единого нервного процесса. Это было последним акордом синтетического охвата отдельных нервных процессов.

Наряду с этим синтезом в сфере изолированных прежде нервных процессов нарастала постепенно и анатомическая концепция, которая перекидывала мост к синтетическому пониманию вообще всей нервной деятельности. Я имею в виду учение о «рассеянных элементах» в коре головного мозга.

Поводом к высказыванию этой идеи послужили эксперименты с экстирпацией так называемых корковых центров. Опыты как лабораторий самого Ивана Петровича, так и большого количества исследователей других стран указывали неизменно на то, что несмотря на всевозможные формы экстирпаций отдельных центров в коре головного мозга функции удаленных рецепторных областей и особенно двигательных зон постепенно восстанавливаются. Это заставило И. П. Павлова высказать ту идею, что для каждого центра существует ядерное образование с большим количеством клеток

определенной специфичности. Это и есть так называемые «центры». Но наряду с этим клетки этой же специфичности с некоторым градиентом постепенно рассеиваются и в остальных частях коры. Вот они-то, эти рассеянные элементы, после экстирпации основного ядра и берут на себя восстановление функции. Легко себе представить, какое грандиозное поворотное значение имеет эта концепция для всего учения об условных рефлексах. К сожалению, до последнего времени не было сделано соответствующих выводов из этой концепции И. П. Павлова. А выводы эти очень просты. Если каждый корковый нервный центр имеет рассеянные элементы, т. е. свое представительство во всех остальных частях коры, то тогда, очевидно, всю кору головного мозга надо представить себе как перекрывающееся различными функциями образование, которое функционирует всегда как единое целое, и только для каждой функции имеются очаги и пути преимущественного распространения импульсов. Короче говоря, эта идея о рассеянных элементах должна была неизбежно привести мышление физиологов к функциональному принципу в работе головного мозга взамен той концепции, которая основывалась на «пунктах» возбуждения и «пунктах» торможения. Таким образом, если продумать до конца эту точку зрения о «рассеянных» элементах, то она становится в противоречие с целым рядом положений условных рефлексов, которые должны быть истолкованы под этим углом зрения. Но этого пока не было сделано.

Дальнейшим этапом в развитии синтетических тенденций школы академика Павлова было учение о «системности» в работе больших полушарий. Начало для этого учения было положено работами его сотрудников Астратьяна, Скипина и Купалова. Эксперименты заключались в следующем. Долгое время животное получало ряд условных раздражителей, которые в каждом опытном дне имели определенный стереотипный распорядок. Раздражители подбирались таким образом, чтобы они были различной физической силы, что соответствовало, конечно, различному количеству условной секреции (звонок, метроном, колокола, свет). Затем экстренно условия эксперимента изменялись. Весь опытный день проводился с одним каким-либо условным раздражителем, и оказывалось, что, будучи поставлен на место стереотипно повторявшихся раньше других раздражителей, он вызывает в каждом применении количество условной слюны, свойственное не ему, а этим отсутствующим раздражителям, на месте которых он применяется. Таким образом, стереотип или система нервной деятельности, созданная длительной тренировкой, взяли верх над конкретным, реальным раздражителем, а он сам являлся только провоцирующим стимулом. Эти эксперименты имеют чрезвычайно важное принципиальное значение, ибо они вскрывают ту особенность эксперимента с условными рефлексами, которая обычно ускользала из поля зрения экспериментатора. Сосредоточивая свое внимание на даче отдельных раздражителей, он, естественно, упускал из виду всю, изо дня в день постоянную обстановку эксперимента, которая для животного являлась стереотипным условием работы. Таким образом, наряду со специальным значением эти опыты дали еще и некоторое понимание методических условий. Во всяком случае, в этом факте изолированный условный рефлекс перестал иметь доминирующее значение, а стал подчиняться в какой-то степени общему динамическому стереотипу экспериментальной обстановки. Это открытие произвело значительный сдвиг в интерпретации сложных форм высшей нервной деятельности.

Другим важным направлением, создавшимся в последние годы работы академика Павлова и способствовавшим укреплению синтетических тенденций школы, является проблема типа нервной деятельности. По своему характеру она также несет в себе черты синтезирования прежде отдельных, изолированных фактов. В самом деле, до этого экспериментатор

все свое внимание при об'яснении полученных результатов сосредоточивал на схеме изолированного условного рефлекса. Все остальное, что могло иметь место в момент опыта в центральной нервной системе данного животного и в данной ситуации эксперимента, им совершенно игнорировалось. Когда же было введено понятие типа нервной деятельности и когда было обнаружено его могучее влияние на ход эксперимента, то экспериментатор всю процедуру своего эксперимента стал мыслить на каком-то более общем динамическом фоне, который и получил название типа нервной деятельности. Тип нервной деятельности, таким образом, представил собой некоторое качество нервного процесса, который об'единял в единую систему все виды функционирования нервной системы данного животного. Известно, что академик Павлов в последние годы уделял чрезвычайно большое внимание проблеме типа нервной деятельности и посвятил этому специальный доклад на юбилейном заседании Пироговского общества.

Самый факт подразделения типов нервной деятельности в зависимости от интенсивности возбудительного и тормозного процессов убеждает нас в том, что уже тогда И. П. Павлов весь тот экспериментальный материал, который получался в его лабораториях, рассматривал как некоторые дискретные процессы, вкрапленные в постоянные типовые свойства, меняющиеся от одного животного к другому. Это направление его лаборатории привело его с неизбежностью к проблеме изменяемости нервных типов. И здесь впервые за всю свою творческую деятельность он встал перед необходимостью учета исторических и генетических факторов, которые определяют или складывают установленные типы нервной системы. В развитие этого направления им организована известная всему миру биологическая станция в Колтушах (ныне Павлово).

Пытаясь проникнуть в исторические детерминанты поведения животных, Павлов начал, по существу, новую эру в изучении высшей нервной деятельности. Тут он неизбежно пришел к значительно более глубокому синтезу в своих научных исканиях, чем это было раньше, ибо к этому обязывает уже сам по себе исторический метод. Но, к сожалению, преждевременная смерть помешала ему развить и окончательно оформить это интересное направление.

Можно сказать с уверенностью, что двигателем всей этой работы, несомненно, являлось более общее синтетическое представление о высшей нервной деятельности, разработанное им в последние годы его деятельности.

Точно так же и выход в клинику, который впервые в истории науки совершил Иван Петрович Павлов, надо рассматривать, кроме его практического значения, как попытку об'единить дискретные, отдельные, изолированные физиологические факты в стройную систему целостного и сложного функционирования человеческого мозга.

Тот, кто присутствовал на его клинических разборах, мог заметить, что наряду с той терминологией, которая выросла на пути аналитических изысканий его лабораторий, он все больше и больше стал прибегать, как он выражался, к «житейским» пояснениям, которые, по сути дела, являлись замаскированными формулировками психических состояний. Эту тенденцию надо рассматривать как прямую атаку физиолога на непонятные и запутанные психические явления. Отсюда, мне кажется, и приходит этот интереснейший этап его деятельности, постепенно увеличивающийся интерес Ивана Петровича к психологии.

Если взять в историческом аспекте его отношение к психологии, то оно для внешнего наблюдателя покажется на первый взгляд крайне противоречивым и зигзагообразным. Вначале, в годы сложения концепции об условных рефлексах, он категорически отметал всякую психологическую терминологию и настаивал на полном, исчерпывающем об'яснении поведе-

ния животного в об'ективных терминах физиологии. Известный среди широкой публики его «запрет» психологической терминологии имел свою историческую подоплеку. Для того чтобы поставить вопрос резко о физиологическом исследовании высшей нервной деятельности, надо было быть категоричным с самого начала и идти на абсолютный разрыв с оказавшейся бесплодной в течение многих веков идеалистической психологией. К этому вынуждала историческая необходимость, и Павлов это сделал.

С другой стороны, очень важно и то обстоятельство, что в то время, когда учение об условных рефлексах только еще зарождалось, не было достаточно фактического материала, чтобы вступить в открытый бой с идеалистической психологией и попытаться подвести под нее физиологический фундамент. Надо было выждать. И отказ от психологии у Павлова был тактикой дальнего прицела. Чрезвычайно интересно, что некоторые из физиологов не совсем поняли этот маневр, рассчитанный на большое количество лет, и, желая быть ортодоксальными, сами «категорически» порвали с психологией, но так порвали, что возвратиться к ней уже потом не могли.

Совсем иной путь проделал сам И. П. Павлов. В последние годы, когда фактический материал оказался чрезвычайно обширным, когда наступил период постепенного синтеза полученных материалов и, в некоторой степени, отказ от прежних аналитических преувеличений, Павлов не побоялся вновь возвратиться к психологии. Теперь он считал себя достаточно сильным, чтобы подвести физиологический фундамент под целый ряд психических явлений. Он сам смело стал говорить о том, что психическая деятельность и высшая нервная деятельность — эти явления, по сути дела, могут быть признаны идентичными. «...Конечно, на нормальном течении этих процессов (возбуждения и торможения. — *П. А.*) с такими их свойствами и основывается вся высшая нервная деятельность, употребляя обыкновенную терминологию, — психическая деятельность не только животных, но и человека» (лекция в Институте усовершенствования врачей. 1934 год).

Мне приходилось не раз говорить с ним об его отношении к психологии по поводу ряда книг, которые он брал у меня для прочтения. Достаточно привести названия этих книг, чтобы стало понятно, в каком направлении и как широко готовился к бою этот великий ум. Его заявление о том, что он даст бой психологам на Мадридском конгрессе, имело под собой прочную и длительную подготовку.

Он с особенным интересом читал книги: Кёллера, Херрика, Блейлера, Маккорди и т. д. Конечно, чтение этих книг вызвало у него целый ряд очень далеко идущих соображений. Надо было видеть, с какой живостью и интересом он искал у психологов те пункты, за которые он мог бы зацепиться своим четким физиологическим мышлением.

Известно, что в последние годы Иван Петрович все чаще и чаще думал об организации у себя, при институте, специальной психологической лаборатории. Эта мысль, сложившаяся у него вполне логически, очень многих из последователей его учения, которые считали Павлова п о с т о я н н ы м врагом психологии, чрезвычайно ошеломила. Мне приходилось не раз говорить с людьми, которые с невероятным удивлением спрашивали: «Как это Павлов мог изменить физиологии?» Никакой измены, конечно, на самом деле не было. Не так давно, незадолго до его смерти, однажды в разговоре с ним я поставил перед ним прямо вопрос, какой смысл заключается в его предполагающемся контакте с психологией, причем я указал ему, что некоторые из физиологов рассматривают этот шаг его как измену физиологии. Иван Петрович улыбнулся и сказал: «Никакой измены здесь нет. Психологи нам нужны только пока как наблюдатели. Мне хочется, чтобы наш материал рассматривался еще другим человеком, с другим подходом и с другой

точкой зрения. Я уверен, что в конце концов все то, что психологи отрывали от нервного субстрата, мы об'ясним и физиологически».

Это, как видно, очень далеко от «измены», как это думали некоторые чересчур ортодоксальные последователи. Для Павлова эта связь являлась закономерным, я бы сказал, несомненным выражением целостного динамического подхода к нервным явлениям, разработанным им в последние годы.

Подводя итоги этим последним достижениям работ академика Павлова, я должен сказать, что его общая тенденция к синтезу не подлежит никакому сомнению. И, таким образом, его творческий путь, начавшийся с подчеркнутого анализа, постепенно, с исторической необходимостью приходил все к более и более выраженному синтетическому пониманию нервной деятельности.

Но справедливо задать вопрос, все ли было сделано на этом плодотворном пути, чтобы обеспечить правильную пропорцию между анализом и синтезом в изучении высшей нервной деятельности. Я должен ответить, что этот путь не был закончен. Анализ попрежнему являлся доминирующим, исторически определяющим всю концепцию условных рефлексов фактором. Для меня остается несомненным, что если бы академик Павлов жил дольше, мы получили бы подлинное единство между анализом и синтезом в его исследовательской деятельности. Но смерть прервала его творческий путь, а тем самым в самом начале и попытки синтеза.

Для того чтобы оценить действительный размах его мысли и его интимных идей относительно дальнейшего пути развития теории условных рефлексов, мало основываться только на напечатанных и опубликованных материалах. Для тех, кто всегда непосредственно с ним общался, кто участвовал в постоянных разговорах и дискуссиях по новейшим фактам, открытым в лаборатории, было ясно, что Павлов, публикующий свои работы, выступающий в печати и на конгрессах, это не тот Павлов, который был живым, подвижным, сомневающимся и часто меняющим свои представления в конкретной обстановке лаборатории. По его идеям, мнениям и предположениям, высказанным им в лабораторной обстановке, можно более полно судить о внутренних причинах того или другого поворота в его общей концепции. Так например можно с уверенностью сказать, что факты, обнаруживаемые на пути развития синтетического мировоззрения, появились не без некоторого влияния гештальтной теории, критике которой он посвящал продолжительные беседы со своими сотрудниками.

Кроме общей незаконченности разработки синтетического подхода к процессам высшей нервной деятельности, нужно отметить еще одно особое обстоятельство: синтез этот был несколько своеобразным. Я постараюсь ниже об'яснить, что я под этим подразумеваю.

Чтобы понять эту особенность, надо помнить, что основное положение об условном рефлексе, которое было высказано Павловым в самом начале столетия, фактически осталось неизменным до самого последнего периода, если не считать некоторое уточнение места замыкания условного рефлекса. Между тем, несмотря на то что принцип остался почти неизменным, на нем как на базисе было надстроено чрезвычайно многообразное и высокое здание всего учения о высшей нервной деятельности. Достаточно указать на процессы: иррадиации, концентрации, отрицательной и положительной индукции, экспериментальных неврозов, типов нервной деятельности и т. д. и т. п., — чтобы увидеть, какой сложной была эта надстройка к последнему периоду деятельности Павлова. Все синтетические попытки Ивана Петровича касались преимущественно этих новых понятий, новых закономерностей, которые были положены как на незыблемую базу на схему механизма условного рефлекса. Таким образом, мы видим, что синтез этот относится к си-

стеме понятий и терминов, созданных как надстройка, но не затронул основного фундамента, на котором покоилось все здание.

Почему это было так? Потому ли, что самая схема образования условного рефлекса являлась безусловно верной, не подлежащей никакому изменению и переработке, или потому, что слишком широкие и соблазнительные перспективы открылись перед исследователем, которые отвлекли на время внимание от этого ответственного участка? Мне кажется — и на это указывает целый ряд последних работ мировой неврологии, — что в свое время не было уделено достаточно внимания общеневрологической аргументации самого механизма образования условных рефлексов; по крайней мере, на это указывают критические статьи Джостри, Бойтендайка, Скинера, Вендта и др. Не случайно, что все критики после детального ознакомления с учением И. П. Павлова свои стрелы направили не на высшие этажи, надстроенные на принципе условных рефлексов, а на самое понимание основного механизма условнорефлекторной деятельности. Это только показывает, что схема условного рефлекса должна быть достаточно полно связана с существующими мировыми неврологическими достижениями.

Известно, что Джостри, которому Павлов ответил специальной статьей «Ответ физиолога психологам», сосредоточил свое внимание главным образом на процессах замыкания и образования условнорефлекторной связи. Очень большую роль он уделяет так называемым ориентировочным реакциям, которые возникают у животного на всякие раздражители, и считает их необходимым звеном, оплодотворяющим и поддерживающим структуру условных рефлексов.

Точно так же и Херрик старается придать условным рефлексам более динамический характер, чем это было высказано у самого творца этого учения.

Отсюда у американских неврологов начинается своеобразная линия исследования, которая избегает употреблять выражение «условный рефлекс» и заменяет его термином «обусловливание». Несомненно, это мнение нельзя считать прогрессивным. Анализ Павлова, располагающий конкретными, вполне осязательными фактами, все же значит больше чем общая диффузная оценка поведения в бехевиористском смысле. Тем не менее, самый факт стремления конкретно динамизировать схему условных рефлексов является, несомненно, симптоматичным для настоящего периода.

В начале этой статьи я указывал, что американская неврология имела свои особые исторические предпосылки развития и вышла на несколько своеобразный путь изучения нервных явлений. Таким образом, рано или поздно система мышления, созданная концепцией условного рефлекса, развившись на русской почве, должна была вступить в контакт и взаимную проверку с линией неврологического исследования, имеющей другие теоретические предпосылки. К моменту опубликования книги Павлова в Америке там особенно широкое распространение получила теория органицизма, отчетливо представленная в понятии «модель» организма и поведения (pattern). Это учение является до некоторой степени своеобразной американской ветвью гештальтной теории, но, несомненно, значительно более материалистичной, конкретной и биологической.

Основное положение этой теории в отношении физиологических процессов заключается в том, что в процессе эволюции организм как целая система руководит отдельными изолированными проявлениями. При этом дан был и механизм появления этих изолированных проявлений. Эта идея настолько глубоко проникла во все виды физиологического исследования в Америке, что по сути дела каждая работа носит на себе тот или иной отпечаток этого учения. Мы имеем здесь в виду, конечно, наиболее рацио-

нальные, материалистические его формы, главным образом работы Херрика, Чайльда, Лешли, Торндайка, Когила и др.

В этих работах было представлено то, чего не хватало русской, а на раннем этапе и советской нейрофизиологии,— первоначальная концепция целостности. Отсюда и неизбежные конфликты между этими двумя направлениями, которые выявились в статьях Лешли, Джостри, Ботендайка, Скинера и других и в блестящем ответе им академика Павлова.

Полемика эта должна быть глубоко изучена всеми советскими физиологами, причем изучена во всеоружии современной американской физиологической мысли, с тем, чтобы понять ее истинный, принципиальный смысл и предвидеть события ближайших лет.

Возможно, что некоторые высказывания и положения американских психологов подлежат еще более жесткой критике, чем это было сделано самим Павловым. Но все же общее направление, общая тенденция американской неврологии — проанализировать с точки зрения общей неврологии самый фундамент условного рефлекса — имеет под собой основание. Нельзя идти дальше, если то, от чего начали и на чем построена дальнейшая разработка, недостаточно аргументировано. А именно сейчас, когда вообще концепция рефлекторной теории подвергается значительному пересмотру или, вернее, расширению под влиянием главным образом биологических и невропатологических знаний, очевидно, надо весьма внимательно проработать и наше общее понимание схемы условного рефлекса. В некотором смысле мы должны сейчас вернуться назад, к изучению механизма условного рефлекса.

Таким образом, весь творческий путь академика Павлова, если его рассматривать как движение в большом плане, представляет собой, несомненно, путь от жесткого, подчеркнутого анализа к правильному соотношению анализа и синтеза в нервной деятельности.

Краткий разбор, который был проделан мной выше, должен помочь правильно ориентировать наши дальнейшие исследования в области учения об условных рефлексах. Он также ставит вопрос о том, какую линию поведения должны избрать его многочисленные ученики для углубления и расширения гениальной концепции академика Павлова и всего материала, выросшего на ней.

Какие же пути в дальнейшем должны быть развиваемы для того, чтобы мысли нашего великого учителя получили правильное и прочное развитие? Вопрос, несомненно, важный и ответственный, и ответить на него трудно, но все же попытка в этом направлении должна быть сделана.

Мне кажется, что возможны две линии поведения физиолога, который оценивает, понимает и дорожит великими достижениями учения о высшей нервной деятельности.

Первая линия — дальнейшее развитие, укрепление и накопление материала в пределах классической схемы условного рефлекса. Эта линия, если она будет проводиться попрежнему, неизбежно предполагает некоторое игнорирование общеневрологических и общебиологических достижений последних лет и их значения для изучения нервной деятельности. Это, так сказать, ортодоксальная линия поведения, хотя это и неправильно, ибо сам академик Павлов никогда не поощрял возведение в догму всякой, хотя бы и ценной, рабочей гипотезы.

Другая линия поведения, на мой взгляд, может заключаться в том, чтобы, сохранив все принципиальные и новые для мировой науки черты учения об условных рефлексах: их вариабельность, вырабатываемость, приспосабливаемость, физиологическую природу условного рефлекса, связь с материальным субстратом и т. д., — суметь все это оплодотворить современными данными онтогенеза, филогенеза и патологии центральной

нервной системы. Это значит, что все узкие неврологические факты должны быть подчинены, как более универсальному, принципу нервных отношений в природе, условнорефлекторной концепции. При этом особенное внимание надо уделить общеневрологическому анализу механизма условного рефлекса. Эта работа вполне возможна и неутопична: она не только не повредит учению об условных рефлексах, но позволит ему стать боевой, широко распространенной концепцией. Важно только, чтобы в это дело была вложена соответствующая доля экспериментальной честности и искренней заботы не только о сегодняшнем дне, но и о будущем теории условных рефлексов. Конечно, для этого необходимо видеть всю полноту опасности — потерять руководящее значение в этом учении, которое нам передал наш великий учитель. А эта опасность налицо.

Надо помнить все время, что наиболее уязвимым пунктом учения об условных рефлексах является его отрыв от общеневрологической мировой мысли. Например понятие о врожденных и приобретенных рефлексах принимается как не подлежащая анализу догма и является исходным пунктом для всех дальнейших построений. А между тем современные достижения эмбриологии и онтогенеза нервной деятельности указывают на то, что процесс образования того и другого является непрерывным и есть стадии, на которых качественное различие того и другого незаметно. Таким образом, без этого дополнения вряд ли можно вести исчерпывающий анализ. Я дал один из возможных примеров, а их можно привести много.

В свое время я высказал точку зрения, которая находится в согласии с работами ряда эмбриологов, что безусловные рефлексы являются лишь более прочно автоматизированными условными рефлексами. И, по сути дела, если мы опустимся ниже, на уровень пренатальных (предродовых) и ранних постнатальных процессов, то мы с этим неизбежно встретимся. Корреляция всех достижений в области изучения высшей нервной деятельности с этим биологическим, я бы сказал, наиболее синтетическим направлением является, несомненно, делом ближайшего будущего. И это придаст исключительную силу учению об условных рефлексах в мировом неврологическом мышлении.

Какую из этих двух обрисованных мной позиций надо считать более правильной? Возможны, конечно, расхождения между отдельными последователями учения об условных рефлексах, да оно и понятно: может быть, необходимо сохранить обе линии исследования. Я лично совершенно определенно признаю, что наряду с необходимостью сохранения первой линии вторая позиция является, однако, наиболее прогрессивной, наиболее эффективной, и только она сделает бессмертным учение академика Павлова.

С НАУЧНОГО ФРОНТА

О работе Академии наук БССР

И. Сурта

Наша страна успешно завершает вторую пятилетку и вступает в новую, более высокую фазу своего развития.

В связи с победой социализма наша страна обладает широчайшими экономическими возможностями; наши научные учреждения, в особенности учреждения Академии наук, получили большие, небывалые возможности строить на этой материальной базе нашу советскую науку.

Важнейшую роль в строительстве нашего хозяйства играют техника, кадры.

Товарищ Сталин, давая указания о кадрах, о технике, поставил целый ряд задач и перед наукой.

Мы должны признать, что и теперь еще наша наука отстает от практики социалистического строительства, которая выдвинула совершенно новое, невиданное явление — стахановское движение.

Стахановское движение, широко развернувшееся в нашей стране, требует решительного пересмотра и перестройки научной работы в области технических наук, в области промышленности, в области транспорта, сельского хозяйства и т. д. Стахановское движение заставляет наши научные учреждения по существу пересматривать методы нашей работы во всех областях науки. Стахановское движение является показателем огромной высоты нашего производственного и культурного развития. В связи с этим наука в нашей стране приобретает исключительное значение.

Не даром товарищ Сталин в речи, произнесенной на Первом всесоюзном совещании стахановцев, снова подчеркнул значение связи науки с практикой; он указал на то, что данные науки проверяются практикой, опытом. Товарищ Сталин указал на необходимость еще более тесной связи научной работы с практикой социалистического строительства, со стахановским движением как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

В БССР не менее чем в других частях Союза мы имеем сильное отставание науки, научной мысли от практики социалистического строительства. Это коренной недостаток в нашей работе, и, когда мы говорим о планах работы, мы обязаны учесть этот основной недостаток для того, чтобы его ликвидировать в нашей дальнейшей работе.

Тов. Молотов в своей речи на Первом всесоюзном совещании стахановцев указывал:

> «Марксизм (т. е. революционное учение рабочего класса, его мировоззрение, его философия, метод мышления и действий. — *И. С.*) учит тому, что практика является лучшей проверкой теории, что практика обогащает науку. В самом деле. Если ученые помогают рабочим людям и передачей своих знаний во многом расширяют горизонт трудящихся, то почему же рабочие, которых много и жизненный опыт которых

громаден, не могут помогать ученым, особенно если дело идет не об узко специальных вопросах» [1]).

На сессии Академии наук БССР были выступления рядовых колхозников, которые поправляли некоторых наших ученых, ведущих свою работу на колхозных полях. Эти выступления колхозников показывают, как высоко подняла партия в нашей стране культурный уровень всех трудящихся нашего СССР и особенно женщин.

Перед научными организациями БССР всем ходом социалистического строительства выдвигается ряд крупнейших задач, над выполнением которых Академия наук БССР должна работать не покладая рук. Крупнейшей из этих задач на 1936 год является работа, связанная с подготовкой плана третьей пятилетки нашего строительства. Уже теперь перед нами выдвигается большой вопрос об использовании естественных богатств, вопрос об изыскании новых полезных ископаемых, новых строительных материалов, ибо капиталовложения последних лет как по промышленности, так и по культурному строительству растут в огромных процентах. От нас требуется разработка вопросов, касающихся строительства новых промышленных предприятий, использования энергетических ресурсов нашей республики. В связи с заданием великого вождя народов СССР товарища Сталина о получении 7—8 миллиардов пудов хлеба в год мы должны по-серьезному заняться разработкой мероприятий, обеспечивающих получение высоких урожаев.

Культурный рост трудящихся масс Белорусской советской социалистической республики пред'являет нам, работникам науки БССР, и в первую очередь работникам Белорусской академии наук все новые и новые требования, которые идут не только от правительства, но и снизу: от фабрик, колхозов и совхозов, от самих трудящихся.

План работы нашей Академии на 1936 год строился на основе народнохозяйственного плана БССР, утвержденного последним с'ездом советов. Вот почему предварительное обсуждение этого плана в институтах было в этом году проведено с чувством наибольшей ответственности и с большей тщательностью.

План работ 1935 года был очень большой (примерно 240 тем). План выполнен формально на 60%. Если учесть брак, если учесть еще такую продукцию, которая была принята с некоторой натяжкой, и т. д., то фактическое выполнение плана прошлого года не будет превышать 40—50%. По ряду же институтов процент выполнения плана прошлого года был еще более низким. О чем это говорит?

Очевидно, в выдвижении тематики научной работы товарищи были очень непредусмотрительны: записывали в план все, о чем думали; сил у них не хватило, разбросались на множество тем—и план оказался невыполненным.

Мы решили в 1936 году пойти по линии жесткого сокращения нашей тематики. Однако вначале, по предварительным данным, которые были даны институтами, наш план содержал 271 тему. Институты опять хотели повторить прошлогоднюю ошибку. После неоднократной переработки этого плана в нем осталось 133 темы. В 1934 году план имел 239 тем, в 1935 году — 240, в 1936 году — 133 темы.

Мы решили наши силы использовать более рационально, решили добиться всемерного повышения качества нашей работы и дать план, который был бы во всех отношениях реальным и качественно более значимым.

---

[1]) Молотов «О стахановском движении и культурности рабочего класса», стр. 21. Партиздат. 1935.

Мы совершенно отказались от старого принципа, который практиковался в течение ряда лет в Академии, когда каждый научный работник Академии, независимо от его уровня знаний, квалификации, имел свою отдельную тему во что бы то ни стало. Это приводило к тому, что ряд научных работников не справлялся со своей задачей, продукция ряда работников была неудовлетворительной, особенно там, где силы были недостаточно квалифицированными.

Как я уже сказал, по нашему плану намечены 133 темы. Здесь можно задать себе вопрос: соответствует ли эта тематика нашим силам, какие у нас имеются кадры для выполнения этого плана научной работы?

Старейших, наиболее квалифицированных работников в Академии — действительных членов — 17 человек. Эта группа работников сравнительно малочисленна. Ее надо пополнить в ближайшее время выдвинувшимися молодыми кадрами, подготовленными в нашей республике; необходимо также привлечь к работе в Академии наук крупнейших старейших ученых, оставшихся еще вне Академии и работающих в других научных учреждениях БССР; наконец, надо использовать ту помощь, которая может быть оказана нам Союзной академией и Академией УССР.

Мы имеем, по сути, некоторое несоответствие между количеством академиков и количеством докторов, профессоров. У нас выпал институт членов-корреспондентов Академии наук, а ведь члены-корреспонденты могли бы в значительной мере облегчить работу тех немногих товарищей, которые являются действительными членами Академии!

Научных работников Академия наук БССР имеет всего, помимо академиков, 240 человек, в том числе действительных членов институтов — 34, старших научных работников — 106 и младших — 100. Докторов наук из действительных членов — всего лишь 14. Это означает, что товарищи, которые состоят в группе действительных членов, по сути, не являются действительными членами этих институтов, а числятся лишь таковыми номинально.

Чтобы эти кадры подтянуть до уровня наиболее квалифицированного состава работников Академии, необходимо им помочь стать действительными членами институтов.

Что еще бросается в глаза при рассмотрении состава наших работников?

Отделение общественных наук из 95 работников имеет только 9 докторов и 27 кандидатов наук; отделение естественных наук имеет из 157— 23 доктора и 19 кандидатов.

Необходимо признать, что рост кадров в институтах отделения общественных наук совершенно неудовлетворителен, поэтому, естественно, страдает и качество работы.

Делу повышения квалификации работников в плане работы самой Академии должно быть уделено исключительно большое внимание.

В нашей социалистической стране созданы самые благоприятные материальные условия для успешной научной работы. Советская власть, как никакая другая в мире, обеспечивает свои научные учреждения всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. На один только 1936 год по Союзу советских социалистических республик правительство отпускает на науку 818 миллионов рублей, по БССР — 12,5 миллиона рублей. Бюджет Белорусской академии наук вырос с 740 тысяч рублей в первые годы [1]) ее организации до 6 371 350 рублей в 1936 году. Таким образом, советское правительство полностью обеспечивает нашу работу материальными средствами.

В 1935 году в основном закончен строительством новый лабораторный

[1]) Академия наук БССР организована 1 января 1929 года.

и жилой корпуса, и в 1936 году уже строится главный корпус Академии наук.

Огромные средства вкладывает наше государство в дело развития самой науки. Вот почему особенно печально, что Академия свой план 1935 года, утвержденный правительством, не выполнила.

Партия и правительство хотят, чтобы наши ученые работали более рентабельно. За это обязан драться каждый директор института, каждый научный работник института.

Правительство считает ведущими темами на этот год те темы, которые связаны с разработкой вопросов по Большому Днепру, по расширению энергетической базы БССР, по изучению местных сырьевых ресурсов для дальнейшего развития нашей промышленности, по изучению местных видов топлива, особенно торфа, по изучению постановки дела химизации почв нашей республики, по выявлению местных удобрений и т. д. Количество ведущих тем, как видим, невелико.

Союзная академия наук на своей последней сессии остановилась на 8—10 темах, применительно к запросам всего Союза.

Отделение общественных наук имеет 39 тем.

Важнейшей темой такого института, как Институт философии и права (директор — академик С. Я. Вольфсон), является разработка вопросов, связанных с предстоящей двадцатилетней годовщиной Октября. Сюда в первую очередь относится тема «Ленинско-сталинская национальная политика в государственном строительстве нашей республики». Далее, намечена тема «Стахановское движение и уничтожение разницы между трудом умственным и трудом физическим». Здесь же значится тема, касающаяся вопросов семьи и брака, главным образом в связи с проектом нового закона по этому вопросу [1]).

Учитывая пограничность БССР с капиталистическим Западом, мы должны добиться того, чтобы наш Институт философии поставил на должную высоту разоблачение классовой сущности философии наших врагов, в первую очередь фашистской философии (Польши и др.). Тов. Вольфсон в прошлом работал над критикой фашизма Германии, но эта тема в отношении ближайших к нам стран оставалась в тени. Эту задачу мы должны выполнить в текущем году.

Очень важным условием для дальнейшей успешной работы Института философии является следующее: ожесточенная философская борьба, проходившая в свое время в СССР и особенно в Москве, не прошла, конечно, и мимо философов нашей республики. Однако у работников нашего Института философии осталось что-то недоговоренным, не доведенным до конца. Необходимо, чтобы товарищи из этого Института продискуссировали ряд вопросов и дали солидную продукцию, выведя Институт в передовые ряды. До сих пор этот Институт слабо помогал партии в борьбе с контрреволюционным троцкизмом, контрреволюционной нацдемовщиной и т. п. Необходимо также подвергнуть жесточайшей большевистской критике работы акад. Вольфсона, ибо большинство из написанных им работ до 1932 г. имеют плехановскую, меньшевистскую ориентацию [2]).

Сейчас всенародно обсуждается проект новой советской Конституции; и тут мы должны развернуть огромную работу как по пропаганде Конституции СССР, так и по подготовке проекта Конституции БССР.

---

[1]) Данное выступление тов. Сурта было сделано до утверждения закона о запрещении абортов, о помощи роженицам и т. д.

[2]) См. С. Я. Вольфсон «Плеханов». 2-е изд. Гиз Белоруссии. Минск. 1924. С. Я. Вольфсон «Вялікі соцыяліcты» Б. Д. В. Менск. 1928; С. Я. Вольфсон «Плеханов и наука». Минск. 1929.

По Институту экономики (врид директора — профессор Раков) важнейшей работой является составление плана третьей пятилетки и особенно по промышленности нашей республики. Товарищи экономисты должны выполнить эту работу обязательно в срок и доброкачественно. Партии и правительству уже сейчас нужны материалы по третьей пятилетке.

Другая важнейшая работа этого Института — это работа по атласу БССР, имеющая крупнейшее воспитательное, педагогическое значение. Однако до недавнего времени эту работу свернули, и только сигнализация одного работника Института заставила к этому делу присмотреться и вновь подтолкнуть его.

Не касаясь других задач, я должен подчеркнуть, что основная тематика Института в этом году должна быть подчинена задаче — оказать практическую помощь нашим планирующим организациям по составлению плана третьей пятилетки. Экономисты должны разбить нацдемовские теории (Карп и др.), пытавшиеся извратить принципы планирования экономики БССР в интересах фашистской Польши; экономисты также должны разгромить и установки троцкиста Голендо и др.

Задачи Института истории очень ясно изложены, особенно в последних указаниях ЦК ВКП(б). Надо прямо сказать, что историки БССР усиленно пропагандировали антимарксистские схемы Покровского. Положение таково, что мы еще не имеем истории Белоруссии как науки; мы еще не имеем и необходимых доброкачественных пособий и учебников по истории БССР.

Над историей Белоруссии надо еще основательно и упорно поработать.

Мы имеем в нашей социалистической стране наш героический народ, мы имеем прекрасную социалистическую родину, мы должны иметь и должны знать ее историю. То, что пока дано в качестве некоторых предварительных материалов, не может удовлетворить широкие массы трудящихся БССР. Разработка исторических проблем есть важнейшее дело в области развития нашей, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Но этой разработки мы еще не дали и работы в этом направлении еще не развернули. Нечего и говорить, что наши историки еще не разгромили до конца контрреволюционных троцкистско-националистических «теориек» Игнатовского, Розенблюма и др.

Одним из важнейших недостатков, имеющихся даже в последних работах по истории Белоруссии [1]), является то, что в них обходится ленинский этап в развитии исторической науки; обходится, например, вопрос о государственности Белоруссии. Читатель в такой истории Белоруссии видит войны и грабежи польскими, литовскими и русскими князьями крестьянства, ремесленников Белоруссии и т. п., а на вопрос, была ли Белоруссия при феодализме, при капитализме государством, имела ли свою особую государственность, он ответа не получает. Как будто не ясно самим составителям истории, что до Великой октябрьской социалистической революции Белоруссия своей государственности не имела! Только с победой в Октябре, только при помощи рабочего класса России под руководством партии Ленина—Сталина белоруссы получили свою государственность—Белорусскую социалистическую советскую республику. Наша республика — детище Великого октября, детище эпохи Ленина — Сталина, детище великого Сталина. Задачей историка является показать это, разбив исторические концепции контрреволюционных нацдемов, пытавшихся превратить БССР в колонию польского фашизма, ре-

[1]) Например «Очерки по истории Белоруссии» академика Щербакова.

ставрировать в ней капитализм, лишить ее государственности, оторвать ее от великого Советского союза. Обязанностью историков является показать массам нашей молодежи историю борьбы трудящихся под руководством партии Ленина — Сталина против всех врагов народа.

Важнейшей практической задачей Института истории является создание учебника по истории Белоруссии для средней школы.

Что касается работы Института нацменьшинств, то в тематике этого Института можно найти всего понемножку, а солидного ничего нет. Ставится поэтому вопрос о том, целесообразно ли в дальнейшем существование этого Института. На наш взгляд, необходимо историческую часть этого Института перевести в Институт истории, усилив там эту работу, а литературную часть Института нацменьшинств передать в Институт литературы и языка.

Тематика Института литературы и языка посвящена созданию истории белорусской литературы, учебников, словарей и т. п. Надо отметить, однако, что наши языковеды и литераторы еще не разбили контрреволюционные теории нацдемов — Лёсика, Матюшкевича и др.

Важнейшей областью работы СОПС (Совет по изучению производительных сил БССР) должен быть Большой Днепр, имеющий большое народнохозяйственное значение.

Институт геологии (директор — профессор Жирмунский) имеет самую богатую тематику. Важнейшей работой Института на этот год является геологическая с'емка БССР. В 1940 году должна быть дана полная геологическая карта нашей республики. Задача этого года для Института геологии — дать сплошную геологическую полосу карты восточной части нашей республики.

Важнейшей практической задачей, возникающей перед Институтом в связи с этим, является толковое изложение геологии БССР в синтетическом виде. Такое изложение нужно для актива и для самых широких слоев населения. Не снимается с наших геологов и задача разоблачения тех геологов, которые в не столь отдаленном прошлом ориентировались на контрреволюционных нацдемов.

Институт химии (директор — профессор Козлов) разрабатывает по преимуществу вопросы химии торфа, имеет свыше 12 тем, но до сих пор Институт не дал значительных результатов работы.

Необходимо усилить этот Институт кадрами и в первую очередь кадрами нашей республики, в частности группой академика Шкателова (Гомель). Консультативная работа тов. Шкателова могла бы во многом помочь успешному выполнению тематики Института. Академик Шкателов в Гомеле провел ряд важнейших работ по лесохимии БССР.

Институт торфа (директор — профессор Ануфриев) имеет около 10 тем. К недостаткам работы Института надо отнести отсутствие технологического отдела, который помог бы нам разработать технологию обработки торфа, механизацию сельскохозяйственной добычи и применения торфа. Мы претендуем на слияние всех организаций, работающих по торфу, в одно целое в составе Академии с тем, чтобы превратить Институт торфа в один из сильнейших институтов Академии, поскольку проблема торфа в экономике БССР имеет важнейшее народнохозяйственное значение.

Основная задача Агропочвенного института (директор — академик Афанасьев) и Биологического института (директор — профессор Дорожкин) определена указанием товарища Сталина — дать стране 7—8 миллиардов пудов хлеба. Дело требует того, чтобы институты подчинили свою работу, свои тематические планы выполнению этой основной задачи. Выполняя эту задачу, мы ни на одну минуту не должны забы-

вать жестокой борьбы партии с нацдемовско-эсеровским охвостьем, прищеповщиной и т. п.

Наша задача состоит в том, чтобы, разгромив их до конца, помочь колхозникам теоретическими знаниями, обучить их методам получения высоких урожаев и суметь теоретически обобщить их опыт.

Однако боязнь поля, боязнь практики колхозной работы, крепко сидит еще у некоторой части работников институтов как Агропочвенного, так и Биологического.

Ботанический сад (директор — профессор С. П. Мельник). Тематика работы этого учреждения очень велика, но от этого научного учреждения необходимо получить прежде всего описание флоры БССР. В БССР имеется богатая флора, но научных данных о ней нет.

Институт физико-математический (директор — академик Бурстын) носит у нас название, отличное от того названия, которое принято в союзных организациях — «физико-технический». БССР также нужен физико-технический институт, но технического раздела у нас совершенно нет. Поэтому тов. Готфрид прав, когда упрекал нас в этом. БССР — республика промышленная; в связи с этим необходимо иметь очень крепкую организацию техников и физиков в Академии, причем необходимо, чтобы главенствующим в Институте был раздел техники. Физики не должны забывать, что и на этом участке в лице нацдема Успенского орудовал классовый враг.

Психоневрологический институт (директор — профессор Ветохин) тоже никак не может нас удовлетворить на сегодня по содержанию своей работы. Необходимо в первую очередь подумать относительно тех проблем, которые являются ведущими, синтетическими в области экспериментальной физиологии. Экспериментальная работа в области физиологии нервной системы должна лечь в основу работы нашего Института, носящего сейчас название «Психоневрологический». Это поведет и к изменению названия Института. Наиболее правильным будет название «Институт экспериментальной физиологии». Одной из важнейших задач Института является преодоление в области невропатологии рефлексологизма и расизма проф. Ленца и завуалированного эклектицизма в работах троцкиста Сапира.

Говоря об условиях борьбы за выполнение плана работы на 1936 год, мы не должны забывать, что в стенах Академии наук БССР находили и, возможно, продолжают находить себе место наши враги, срывающие нашу работу. Жесточайшая борьба, которую провела партийная организация под руководством Центрального комитета, со всякого рода контрреволюционными нацдемами, контрреволюционерами: троцкистами, бундовцами, эсерами и т. д. — не кончается на данном этапе. Некоторые товарищи думают, что теперь у нас благополучно на всех наших участках, что у нас вся борьба кончена. Это ошибочное мнение вытекает из притупления классового чутья, из потери классовой бдительности этих товарищей. Иначе ничем не об'яснить, что еще до последнего времени в некоторых институтах работали троцкисты, агенты польской охранки и т. п. Без большевистской бдительности мы не сможем раскрыть врага и не сможем успешно работать.

Только притуплением большевистской бдительности можно об'яснить «работу» бывшего колчаковца, проходимца Чуденка, ставшего управделами Академии БССР и доведшего дела Академии до бесхозяйственности, запутанности финансов, запутанности в строительстве, неразберихи в ученых степенях, невыполнения планов и т. д.

Мы должны направить всю силу большевистской самокритики наших работников на то, чтобы своевременно каленым железом выжигать из Академии все то, что враждебно нашей партии, что враждебно советской власти.

До сих пор в Академии наук БССР исключительно плохо развертывается социалистическое соревнование институтов, отделов, работников. Стахановское движение в промышленности не исключает соцсоревнования, а подымает его на высшую ступень; это относится также и к нам, ко всем областям научной работы. Некоторые институты Академии забросили соцсоревнование, видимо, считая это делом прошлого. Это грубейшая ошибка. Мы должны развить, соцсоревнование во всех институтах Академии.

В связи с задачей развертывания соцсоревнования в стенах Академии особое значение приобретают такие общественные организации, как профсоюз, комсомольская организация и др. Нельзя сказать, что наша профессиональная организация обеспечила переход к новым методам работы Эта неповоротливость характерна не только для нашей профессиональной организации, но и для всего союза научных учреждений высших школ. Люди даже не борются по-настоящему за трудовую дисциплину работников научных учреждений. Это самый большой недостаток нашей профсоюзной работы. Важнейшую основную задачу — воспитание масс работников — наши профорганизации не выполняют.

То же самое происходит и в таком широком движении, как движение жен ИТР, которое наш профсоюз не организовал.

Большие пробелы имелись также и в области хозяйства Академии. Все дело предоставлено самотеку. Научные работники были в стороне от хозяйственной работы. В результате получились крупнейшие прорывы в области финансового дела (ревизия Наркомфина это показала), в области строительства Академии и др.

Надо привести в порядок хозяйство всей Академии и всех институтов. Директор в институте должен быть не гостем, а хозяином, единоначальником, ответственным лицом.

Не только плохо велась работа по выращиванию кадров в стенах самой Академии, но ничего не делалось для того, чтобы привлечь к нашей работе кадры со стороны. Так например белорусского профессора химии Прилежаева Союзная академия избрала членом-корреспондентом, а Академия наук БССР им не интересовалась. Кайгородов, давший климатологию БССР, создавший в Минске одну из лучших, одну из оборудованнейших обсерваторий у нас в Союзе, не привлечен к работе. Также не привлечен к работе Вейс, крупный знаток сельскохозяйственного машиностроения, консультант союзных организаций в этой отрасли знаний.

Наконец, недостаточно ведется работа по воспитанию и выдвижению молодых национальных кадров.

В БССР мало вообще аспирантов, а особенно мало академической аспирантуры, всего 7 человек.

Наша партия оказывает нам исключительную помощь. Отношение партии к нашей организации как к научной организации исключительно чуткое. Без этой помощи мы не могли бы иметь тех положительных результатов, которые имеются. Однако на сегодняшний день работники Академии наук БССР еще не полностью выполнили возложенные на них партией и правительством задачи, не полностью овладели техникой своей работы, не повернули свои теоретические организации в должной мере к практике социалистического строительства.

Наша партия, наш ЦК КП(б)Б и тов. Гикало очень много помогают Академии. Выполнением и перевыполнением производственного плана нашей работы мы оправдаем доверие нашей партии.

О состоянии и задачах психологической науки в СССР

(отчет о совещании психологов при редакции журнала „Под знаменем марксизма")

Редколлегия журнала «Под знаменем марксизма» созывала совещание ряда научных работников-психологов для обсуждения вопроса о состоянии и очередных задачах психологической науки в СССР.

Цель этого совещания состояла в том, чтобы выявить причины отставания психологической науки от тех требований, которые пред'являет к ней социалистическое строительство и в особенности советская школа. Воспитание нового человека, борца и строителя коммунистического общества, ставит перед психологией новые вопросы, которые должны решаться на основе марксистско-ленинской теории.

Редколлегия считала необходимым, чтобы на совещании со всей остротой были поставлены наболевшие вопросы и были выяснены причины разрыва между требованиями социалистической практики и научной работой в области психологии; задача совещания состояла в том, чтобы развернуть критику всех недостатков и наметить пути для того, чтобы поднять психологическую науку на уровень, достойный нашей великой социалистической страны.

Первым выступил директор Научно-исследовательского института психологии тов. Колбановский.

Он в самом начале отметил, что нередко можно слышать мнение очень крупных ученых, работающих в различных областях, которые не желают признать психологию наукой. Это вкорне ложное мнение обязано механистическому и идеалистическому истолкованию психических процессов, отрицанию своеобразия психики (человека и животных), а само понятие психики рассматривается как синоним мистики и идеализма.

В решительной борьбе с современной спиритуалистической фашистской психологией, являющейся отражением загнивающего капитализма, должна быть создана марксистская психологическая наука. Психика человека с присущими ей особенностями — это реальный факт, отрицание которого невозможно. Надо сказать, что попытка свести психическое к физическому давно известна в истории психологии. Энгельс, как известно, дал резкую критику вульгарным материалистам XIX века как «разносчикам дешового материализма», не понимающим, что психика есть сложный диалектический процесс, внутренно противоречивый и не сводимый к физиологической деятельности организма. Психика — это не просто кортикальное (деятельность коры), как это утверждает Грассе (см. «Физиологическое введение в философию»), и не «сумма мозговых действий», как это полагают современные

механисты (Боровский и др.), которые пытаются свести все многообразие мира к материальным частицам, механическому движению материи.

Современные механисты не потеряли еще надежды покончить с психикой, считая ее выдумкой, каким-то фетишем, «энтеллехией». По их убеждению, качественное своеобразие психики есть комбинация механически движущихся материальных частиц; они тем самым пытаются «свести» субъективное к об'ективному, идеальное к материальному. Так механисты разделываются с психикой, называя ее выдумкой мистиков, не освободившихся еще от религиозных, анимистических представлений о душе.

Тов. Колбановский остановился еще на другом психологическом направлении, возглавлявшемся в свое время буржуазным профессором Челпановым. Челпанов в продолжение ряда лет (до 1923 г.), используя свое положение директора Центрального психологического института, создал школу своих приверженцев, широко пропагандировал в замаскированной форме спиритуалистическую психологию. Он во всех своих работах исходил из идеалистического тождества психического и физического. Признание существования материи, по мнению Челпанова, равносильно признанию существования сознания. «Защитник материализма, — говорит Челпанов, — не может ссылаться на факт первоначальности безжизненной и бессознательной материи, как на нечто несомненное, чтобы доказать происхождение из нее сознания» [1]).

Время и пространство, по утверждению Челпанова, так же суб'ективны, как цвет и звуки.

Эти и другие, враждебные марксизму положения работы Челпанова «Мозг и душа», написанной еще в 1907 г., были преподнесены в ряде его позднейших работ: «Психология и марксизм», «Психология и рефлексология» и др., — относящихся уже к 1926 году.

Эта вредная для советской науки и практики психологическая теория Челпанова продолжает оставаться неразоблаченной до сегодняшнего дня.

Переходя к характеристике работы Научно-исследовательского института психологии, тов. Колбановский остановился на слабой работе этого института. Институт психологии, говорит тов. Колбановский, занимается только детской и педагогической психологией с чрезвычайно ограниченным кругом вопросов. Теоретические проблемы почти не разрабатываются, отчасти, как заявляет Колбановский, из-за утилитарного отношения Наркомпроса к институту; выпускаемая литература и учебники страдают существенными недостатками. Так например работа проф. Рубинштейна «Основы психологии» (изд. 1935 г.), допущенная Наркомпросом в качестве пособия для высших педагогических учебных заведений, не является марксистским трудом, хотя и претендует на это.

Проф. Рубинштейн, игнорируя марксистско-ленинскую теорию отражения при анализе различных буржуазных психологических направлений, делает явно ошибочные выводы в оценке этих направлений, не вооружает нашего советского вузовца и преподавателя на борьбу с буржуазными психологическими теориями. Автор, давая оценку гештальт-психологии, утверждает, что «в принципиальном методологическом плане их (представителей гештальт-психологии. — *Г. Ф.)* основная установка — борьба на два фронта: «против «механицизма», с одной стороны, и «витализма» идеализма в психологии, — с другой» [2]). В заключение автор констатирует с сожалением, что «гештальт-психологии не удалось устранить (!) оснований для разви-

[1]) Челпанов «Мозг и душа», стр. 146.
[2]) Рубинштейн «Основы психологии», стр. 28.

тия впротивовес механистическим теориям идеалистических систем»[1]). Воинствующий идеализм представителей гештальт-психологии выдается за материализм. Автор не сумел понять, что представители этого направления под флагом борьбы с механицизмом и идеализмом ведут ожесточенную борьбу против материализма.

История советской психологии представлена проф. Рубинштейном абстрактно, схематично; борьба материализма с идеализмом в советской психологии совершенно не показана; различным реакционным психологическим направлениям в Советском союзе дана об'ективистская оценка.

Точно так же Рубинштейн вместо критического разбора традиционной идеалистической и механистической психологии (бихевиоризм, рефлексология и др.) видит свою задачу в «преобразовании» этих буржуазных концепций и на их синтезе хотел построить марксистскую психологию.

Проблема личности в работе Рубинштейна дается абстрактно, антиисторически. (Кстати сказать, это относится к рассмотрению автором всех психологических проблем.) Проф. Рубинштейн договорился даже до того, что «каждая характерологическая особенность определяется своеобразным ростом, который личность занимает в определяемой ею трехмерной системе координат»[2]).

Такими, с позволения сказать, «научными» положениями пестрит вся книга. Нет конкретно-исторического анализа в разрешении поставленных проблем. Конкретный индивид определенного класса со всеми присущими ему психическими особенностями выпал из поля зрения проф. Рубинштейна.

Работа проф. Рубинштейна может служить примером того, насколько еще сильно влияют буржуазные концепции на разработку марксистской психологии и насколько необходима борьба в этой области.

За последние годы Институтом психологии выпущены сборники: «Зрительные ощущения и восприятия»; «Инстинкты и навыки»; работа проф. Блонского «Память и мышление» и др. Надо сказать, что несмотря на известные положительные моменты в этих работах они не удовлетворяют требованиям практики социалистического строительства. К тому же они имеют весьма малое значение для развития теории психологии. Сборники имеют узко прикладное значение, а книга проф. Блонского «Память и мышление», как и все другие его работы, нуждается в серьезной критике.

Тов. Колбановский отмечал, что до сих пор среди работников психологического фронта нет ясности по основным вопросам психологии, по вопросам о том, какими путями психология может включиться в конкретную практику социалистического строительства, какие проблемы являются наиболее существенными и актуальными и какие из них надо разрабатывать в первую очередь. Борьба за марксистское понимание и разрешение психологических проблем очень слаба. Институт фактически оторван от педагогической практики, научная помощь учителю им почти не оказывается.

До 1935 г. Институт занимался в основном исследованием узких психофизиологических вопросов, мало актуальных и не имеющих серьезного значения для разработки марксистской психологии. Только в план 1935 г. была включена тематика, имеющая практическое значение для школы, но законченных исследований по этим вопросам не имеется. Институт должен заняться серьезной научно-исследовательской работой; он должен стать центром научно-исследовательской мысли в области психологии, дающим научные работы, которые имели бы практическое значение.

---

[1]) Рубинштейн. «Основы психологии», стр. 31.
[2]) Там же, стр. 474.

Тов. Колбановский в своем докладе уделил не малое место вопросу подготовки кадров в области психологии.

Лозунг товарища Сталина «кадры решают все» на нашем участке имеет исключительно важное значение. Основными работниками психологического фронта являются старые специалисты; у нас нет психологического вуза в Союзе; имеющаяся аспирантура комплектуется, как правило, из людей без всякой предварительной подготовки по вопросам психологии.

В заключение докладчик подчеркнул, что несмотря на все исключительно благоприятные условия для ее развития и возможности сплочения советских психологов на основе марксизма и непримиримости к различным враждебным марксизму течениям наука психологии стоит у нас на низком уровне. До сих пор продолжают существовать различные группки и школки психологов, между которыми нет единства по основным вопросам психологии.

Хотя в последнее время намечается известный сдвиг в сторону сплочения сил на этом участке науки, все же надо сказать, что без реальной помощи со стороны философов нам трудно справиться со стоящими перед психологией задачами. Редакция журнала могла бы оказать нам в этом деле серьезную помощь.

Таковы были основные положения выступления Колбановского. К сожалению, приходится отметить, что несмотря на предложение редколлегии подробнее и конкретнее критиковать недостатки и осветить задачи и план работы Института психологии тов. Колбановский ограничился, как видим, очень общим изложением этих вопросов. Между тем ему было о чем сказать. Почему, например, он не остановился более подробно на механистической, реактологической школе проф. Корнилова в области психологии?

Как известно, суть этого учения Корнилова состоит в том, что все поведение человека сводится к «способности живого существа... реагировать на внешние раздражения» [1]). Реакции, складывающиеся из раздражений, ответных движений организма и охватывающие все формы проявления его в отношении окружающей среды, являются якобы основными первоначальными формами существования живых существ. Эти реакции, пишет Корнилов, выражают собою «трансформацию энергии и постоянное нарушение энергетического равновесия между индивидом и окружающей средой» [2]). Предметом психологического изучения, по мнению Корнилова, может быть только то, что «американские зоопсихологи вполне правильно обозначают термином «поведение организма». Таким образом, человек, согласно этой концепции, перестает быть социально-историческим, общественным существом. Эта концепция вкорне расходится с характеристикой сущности человека как «совокупности общественных отношений». Само «поведение» человека для проф. Корнилова является об'ектом установления количественной характеристики психических фактов, поддающихся точному эксперименту и математическим вычислениям. По теории проф. Корнилова, сознание не является сколько-нибудь серьезным фактором для понимания психических закономерностей, и потому от него якобы можно абстрагироваться.

Мы не будем в данном обзоре работы совещания подробно останавливаться на разборе концепции Корнилова, а попытаемся кратко вскрыть ее основные методологические принципы, показать ее антинаучную сущность. Коренным методологическим пороком реактологической теории Корнилова,

---

[1]) Проф. К. Н. Корнилов «Учение о реакциях человека», стр. 9. Гиз. 1921.

[2]) Там же, стр. 13.

связанной с его механистическим мировоззрением, является отождествление конкретно-исторической, общественной деятельности человека с естественными закономерностями поведения животных, сведение социальных процессов к физиологическим, сведение психических явлений к внешним естественным реакциям организма. Общественные отношения натурализируются, люди рассматриваются только в отношении к природе, вне отношения друг к другу. Классовая направленность сознания человека выхолащивается, сознание, в конечном счете, сводится к движению материальных частиц нервной системы.

«Если мы теперь спросим себя, — говорит проф. Корнилов, — каков же общий принцип... который проходит красной чертой через все мои исследования о реакциях, это — принцип «однополюсной» траты энергии, говорящий о том, что чем интенсивней происходит центральное потребление энергии в мозгу, тем все менее интенсивным оно становится в своем периферическом высвобождении, и обратно» [1]).

Закон однополюсной траты энергии — это фокус всей реактологической теории. Значение этого принципа для практических выводов, логически вытекающих из самой сути концепции автора, формулируется следующим образом:

«В своем прикладном значении это говорит о том, что создать из интеллигентного человека представителя физического труда является более легкой задачей, нежели из профессионала физического труда создать интеллигентного человека» [2]).

Нет необходимости говорить о явной реакционности этого, провозглашенного Корниловым «закона», который практически опровергнут всем ходом социалистического строительства, развертыванием политехнического образования, интенсивным стиранием разницы между умственным и физическим трудом (стахановцы), исключительными достижениями в области овладения наукой и техникой рабочим классом и т. д.

Механистический подход к об'яснению психических процессов приводит проф. Корнилова к теории «факторов»; он устанавливает зависимость психики от природы, общества и, наконец, от факторов «индивидуального порядка, как, например, наследственные данные, болезни, несчастные случаи и т. п., обусловливающие те или иные анатомо-физиологические, а отсюда и психические особенности в реакциях того или иного индивида на внешние раздражения» [3]). Сознание человека, согласно этой концепции, определяется не общественным бытием, а различными биологическими и анатомо-физиологическими особенностями индивида. Психика ребенка, по этой теории, развивается согласно биогенетическому принципу, «повторяет эволюцию не только всех живых существ от первичной клетки до человека включительно, но и все стадии развития жизни человечества от первобытной эпохи до настоящего времени» [4]). Этот глубоко реакционный «закон» пользуется признанием не только среди психологов буржуазных стран, но и в Советском союзе (Блонский, Басов и др.).

Проф. Корнилов, исходя из фаталистической обусловленности психики биологическими, анатомо-физиологическими особенностями индивида, рассматривает психику ребенка как пассивный продукт наследственности. Он

---

[1]) Проф. М. Н. Корнилов «Учение о реакциях человека», стр. 151—152. Гиз. 1921.
[2]) Там же, стр. 151.
[3]) Там же, стр. 153.
[4]) Там же.

утверждает, что «вполне правы и Рибо и Болдуин, которые считают человека пассивным существом по его природе, и потому для активного своего проявления человек должен всегда насиловать свою природу» [1]).

В трактовке психо-физической проблемы проф. Корнилов стоит на точке зрения, типичной для буржуазной психологии, — психо-физического параллелизма. Концепция проф. Корнилова в своей основе есть типичная механистическая теория равновесия, преподнесенная в форме реактологического учения. По существу, это есть типичный американский бихевиоризм типа Торндайка, Уотсона и др. Вульгарно-механистический материализм у проф. Корнилова, как и у бихевиористов, сочетается с суб'ективным идеализмом. Философские истоки этой концепции ясны: они идут от Беркли, Маха.

В вопросах трактовки физического и психического, суб'ективного и об'ективного проф. Корнилов остался на старых принципах традиционной психологической теории. Однако эта позиция всячески прикрывается им фразеологией о верности диалектическому материализму. Например проблема эмоций трактуется им так же, как в любом буржуазном учебнике. Им дается совершенно несуразная классификация чувств и эмоций. Так например гнев он относит к низшим чувствам, а симпатии — к высшим эмоциям. Эти реакционные положения проповедуются Корниловым в книгах, вышедших в 1935 году.

Во время психологической дискуссии (1931 г.) реактологическая концепция Корнилова была раскритикована и совершенно правильно квалифицирована как вредная теория. Тогда проф. Корнилов вынужден был на словах признать критику в основном правильной. Однако несмотря на известный пересмотр своих теоретических позиций он в основном остался верен механистическому мировоззрению. Подтверждением этому может служить учебник «Психология», изданный в 1935 году.

Другое психологическое направление, которое «имеет хождение» у нас и которого тов. Колбановский коснулся только вскользь, в то время как оно требует развернутой марксистской критики, — это направление Выготского — Лурия. Эта школка, прикрываясь цитатами из классиков марксизма-ленинизма, на деле протаскивает немарксистские теории в советскую психологию. Эта школка до сих пор не получила надлежащей критики и разоблачения. Ее представители: Лурия (Медико-генетический институт), Леонтьев (Высший коммунистический институт просвещения), Занков (Экспериментальный дефектологический институт), Эльконин (Ленинградский педологический институт) и др. — развивают большую активность в защите этой, так называемой культурно-исторической теории.

Наиболее полное развитие культурно-историческая концепция получила, как известно, в трудах проф. Выготского, в особенности в его работе «Мышление и речь». Сущность этой концепции сводится к утверждению, что развитие речи, мышления и всех других психических функций целиком зависит от функционального употребления знака как решающего и основного момента, организующего всю психическую деятельность индивида. Знак, становясь источником и движущей силой развития психики человека в полном отрыве от производственной деятельности людей, приобретает явно мистический характер.

Возьмем к примеру такую основную проблему, как возникновение и

---

[1]) Проф. М. Н. Корнилов «Учение о реакциях человека», стр. 93.

развитие мышления. Проф. Выготский несогласен с исследованием Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны», где содержится прямое указание на труд как основу развития речи и мышления. Выготский «устанавливает» различные генетические корни этих двух психических функций. Для подтверждения своей точки зрения проф. Выготский ссылается на исследование «речи» человекоподобных обезьян, на работы буржуазных авторов и в особенности на работы Келлера и Иеркса.

«Наличие человекоподобного интеллекта, — говорит Выготский, — при отсутствии сколько-нибудь человекоподобной в этом отношении речи и независимость интеллектуальных операций от его «речи», — так можно было бы сжато формулировать основной вывод, который может быть сделан в отношении интересующей нас проблемы из исследований Келлера» [1]).

Этот неверный вывод проходит красной нитью во всем исследовании проблемы генетических корней мышления и речи у Выготского. Методологическая ошибка такого понимания этой проблемы заключается в том, что автор рассматривает человеческую психику как имманентно развивающийся процесс вне социально-классовых отношений, вне производственной деятельности людей. Если механисты не понимают внутренние противоречия как источник самодвижения, абсолютизируют внешнюю сторону процесса развития, то представители культурно-исторической школы абсолютизируют внутреннюю сторону развития, противопоставляют ее внешней.

Культурно-историческая школа в психологии имеет свои корни в философии суб'ективного идеализма. Представители культурно-исторической теории, так же как и представители меньшевиствующего идеализма в психологии (Куразов, Франкфурт и др.), представляют себе психические функции не как единый сложный диалектический процесс отражения в человеческом сознании об'ективной действительности, а как процесс овладения индивидом своими внутренними психическими функциями.

Проф. Выготский не понял определяющей роли материальной, производственной деятельности в формировании, возникновении речи и мышления людей.

Проф. Выготский пишет, что «тонкое изучение проблемы общения, процессов понимания их развития в детском возрасте привело исследователей к совершенно другому выводу... что так же, как невозможно общение без знаков, оно невозможно и без значения». Отсюда следует, что «общение необходимо предполагает обобщение» [2]). Следовательно, по Выготскому, получается, что обобщение предшествует материальной деятельности людей и является предварительным условием общения людей. Следствие автором выдается за причину, вторичное — за первичное. Сознание определяет бытие, а не наоборот — к этому идеалистическому выводу клонят рассуждения Выготского.

В подтверждение сказанного можно привести следующее место из книги Выготского:

«Предметом моего сознания, — говорит автор, — является завязывание узелка, узелок и то, что с ним происходит, но не те действия, которые я произвожу при завязывании, не то, как я это делаю. Но предметом сознания может стать именно это — тогда это будет осознание. Осознанием является акт сознания, предметом которого является сама же деятельность сознания» [3]).

---

[1]) Л. С. Выготский «Мышление и речь», стр. 77. 1934.
[2]) Там же, стр. 11. 1934.
[3]) Там же, стр. 193.

Такое понимание предмета осознания ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Сознание, согласно Марксу, есть осознанное бытие, а по идеалистическим утверждениям Выготского, предметом осознания является деятельность сознания.

Эта теория проф. Выготского должна быть подвергнута самой резкой критике как идеалистическая, антимарксистская теория в психологии, приносящая большой вред практике.

Уже из этого краткого обзора некоторых антимарксистских школок в области психологии видно, насколько узко понял свою задачу тов. Колбановский, который, вместо того чтобы конкретно, с материалами в руках, раскритиковать представителей этих направлений, вместо того чтобы дать обстоятельную критику конкретных недостатков в работе Психологического института, говорил обо всем этом в очень общей форме.

По мнению профессора Леонтьева (Высший коммунистический институт просвещения), положение советской психологии определяется двумя моментами: во-первых, нашим отношением к мистифицированной буржуазной психологии капиталистических стран и, во-вторых, тем, что в наших советских условиях, где человек не противостоит враждебно средствам производства в отличие от капиталистических стран, становится возможной и необходимой демистификация наук и прежде всего психологии. Последняя становится в передовую шеренгу других наук, создается научная психология.

Наркомпрос в качестве учебного пособия для советской школы утвердил работу Торндайка, которая по своему существу является ложной в своих исходных методологических принципах: в ней смазывается специфика общественного человека в отличие от животных. Леонтьев не соглашается с Колбановским, что проблемы: личность, психология, идеология и др. — являются важнейшими проблемами в психологии. Но сам профессор Леонтьев не сумел сказать, какие же теоретические проблемы необходимо разрабатывать в первую очередь для построения марксистской психологии. Он также уклонился от критики конкретных лиц и работ, очень неясно рассказал о своей научно-исследовательской работе. Профессор Леонтьев, являясь одним из представителей культурно-исторической теории, не нашел нужным дать критику своей теоретической концепции, вскрыть конкретные ошибки своих работ. Его выступление является образцом того, как не нужно относиться к важнейшим вопросам психологического фронта.

Проф. Лурия (Медико-генетический институт) не согласен с докладчиком, что состояние науки психологии находится на низком уровне. Он считает, что за последнее 10-летие имеется ряд серьезных исследований, что психология оформила себя как наука. Он считает, что советская психология преодолевает трудности роста в отличие от западноевропейской буржуазной психологии, которая органически не в состоянии выйти из тупика кризиса.

Надо сказать, что проф. Лурия, будучи одним из представителей культурно-исторической теории, также не счел нужным раскритиковать на совещании свою ошибочную теоретическую концепцию. Как в своих работах, так и в своем выступлении на совещании проф. Лурия при рассмотрении проблемы развития и обучения ребенка исходит из того, что знак является определяющим фактором в развитии психической деятельности ребенка.

Далее на совещании отмечалось, что психологи не смогут создать научную основу психологии до тех пор, пока не отбросят идеалистические и механистические теории и твердо станут на почву марксистско-ленинской теории отражения.

Как пример механистического, натуралистического понимания психики человека на совещании был приведен следующий «знаменательный» факт. Аспирант Шерешев по кафедре психологии Педагогического института им. Бубнова в течение пяти лет под руководством проф. Корнилова проводил «исследование» на тему о том, «как внутренняя сторона мышления отражает свою об'ективную внешнюю сторону». Для решения этой задачи Шерешев усаживал испытуемого на резиновую подушку, соединенную с кимографом, регистрирующим все движения испытуемого. В результате полученные кривые движения испытуемого обрабатываются и на этом основании «устанавливается» единство мышления и движения человеческого организма. Поистине, этот «научный» эксперимент есть грубый, вульгарный механицизм экспериментатора не только в постановке самой проблемы, но и в чудовищном ее разрешении.

Этот факт говорит о том, что есть еще психологи, которые совершенно беспечно относятся к овладению марксистской методологией, пользуются антинаучными буржуазными концепциями. Кстати сказать, работу Шерешева проф. Корнилов довольно энергично защищал в своем выступлении на этом совещании. Больше того, проф. Корнилов старался развить и подкрепить эту несуразную работу Шерешева новыми фактами, ссылкой на Дарвина, Рибо и даже... Наполеона. Был приведен такой пример, что Наполеон при решении какой-либо умственной задачи начинал резать ножом стул или стол. Это, по мнению проф. Корнилова, говорит о необходимости и научной ценности работы Шерешева. На вопрос, что дает психологии и вообще науке знание того, сколько изрезано Наполеоном столов и стульев, проф. Корнилов не мог дать сколько-нибудь вразумительного ответа. И это понятно. Стоя на точке зрения механистического представления о психике, проф. Корнилов не мог понять несводимости психических процессов к внешним, об'ективным свойствам организма, не понял относительной самостоятельности развития сознания, его активной роли. Он игнорирует основное положение марксизма-ленинизма, что сознание есть социально-исторический продукт и целиком определяется общественными отношениями людей, борьбой классов (в классовом обществе).

Надо сказать, что попытки Шерешева на кимографе установить структуру, характер и особенности мышления конкретной личности неединичны. Как раз, наоборот, для очень многих психологов это является типичным [1]). Поэтому со всей остротой перед психологами стоит вопрос о решительной и непримиримой борьбе с механицизмом и идеалистическими извращениями, без чего невозможно построение марксистской психологии.

Проф. Теплов (Институт психологии) высказывает мысль, что советская психология не есть продолжение и развитие буржуазной психологии. Она принципиально отлична от нее в своей основе и в своих частях. Он считает, что все те работы, о которых с восхищением говорил проф. Лурия, укладываются в рамки тех исследований, над которыми работают западноевропейские психологи. Теплов заявил, что здесь нет еще марксистской психологии. Центральным моментом своего выступления проф. Теплов считает постановку вопроса о невозможности изучения сложного психического процесса конкретной личности посредством лабораторного эксперимента. При лабораторном методе психологи подходят к человеку абстрактно, схематично, надуманно. Таким методом, по мнению проф. Теплова, нельзя по-

[1]) Критикуя Шерешева, проф. Лурия не упомянул, что созданная им сопряженно-моторная методика исследования эмоций стоит на том же уровне, что и «методика» Шерешева. — *Г. Ф.*

строить марксистскую психологию, а между тем в наших лабораториях этот метод является основным.

Надо сказать, что точка зрения проф. Теплова на лабораторный метод не выдерживает серьезной научной критики. Совершенно правильно, что нельзя сводить изучение живой, конкретной личности к изучению отдельных психических функций, не выражающих существенной особенности конкретного человека. Но отсюда не следует, что лабораторный эксперимент должен быть устранен.

Совершенно ясно, что факты должны быть изучены об'ективными научными методами, в том числе должно быть уделено большое место лабораторному методу.

Мы приводим мысль Ленина, которая является исключительно важной для правильного понимания психики и путей построения марксистской психологии.

«Метафизик-психолог, — говорил Ленин, — рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не об'яснив частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы...» [1]).

Доцент Гальперин констатирует множественность психологических направлений: эмпирическая психология (Блонский), бихевиоризм (Боровский), реактологическое направление (Корнилов), физиологическая психология, культурно-историческая теория (Выготский — Лурия) и др. По мнению Гальперина, причина такой раздробленности сил в области психологии заключается в том, что 1) наша психология в значительной степени является отражением влияния и множественности направлений, которые существуют среди психологов капиталистических стран, 2) то, что наши психологи, желая приблизиться к практике социалистического строительства, идут различными путями.

Если проанализировать указанные психологические направления, то можно видеть, что у каждого из них имеется прежде всего своя ошибочная позиция в понимании человеческой личности. Организация сил психологов возможна только на основе преодоления различных извращений в нашей науке. При этом высказывалась правильная мысль, что нередко некоторые психологи под флагом приближения к практике уходят в разработку узких, специальных, мало актуальных тем. Это ложный практицизм. На данном этапе советской психологии особенно остро стоят вопросы теоретической разработки психологической науки. Без правильной теории нельзя научно помочь практике, педагогике. Кроме того подчеркивалось, что дело не в том, что лабораторный метод сам по себе плох, а в том, что нужно создать новую экспериментальную методику на основе марксистской методологии. Устранение лабораторного метода в исследовании проблем нашей науки приведет ее к умозрительной, традиционной психологии.

Эльконин большую часть своей речи посвятил руководству Наркомпроса психологическими лабораториями и очень неудачно хотел снять ответственность с психологов за состояние психологического фронта и перенести ее целиком на работников аппарата Наркомпроса.

Проф. Блонский заострил внимание на необходимости журнала «Психология», своевременного печатания работ, уже написанных и пред-

[1]) Ленин. Соч. Т. I, стр. 64.

ставляющих несомненную ценность для науки и педагогической практики. Он отметил опасность проникновения идеализма в психологию и шатание некоторых психологов в сторону механицизма. По его мнению, боязнь постановки теоретических проблем влечет за собой ползучий эмпиризм, вредный для науки.

Необходимо отметить, что несмотря на резкую постановку вопроса о педологии на совещании проф. Блонский уклонился от высказывания по этому вопросу.

Тов. Александровский убедительно, на примерах, показал, насколько психологам необходимо пользоваться данными психопатологии и невропатологии. Наряду с этим он отметил два основных извращения в психологии: теория Выготского — Лурия и реактологическое учение Корнилова. Александровский считает, что эти извращения остались до сегодняшнего дня, но в замаскированной форме. Психологии угрожает опасность скатиться в болото формализма, пустых и надуманных абстракций. Вывод — нужно изучать конкретного человека.

Подводя итоги совещанию, тов. Митин заявил, что хотя здесь присутствуют крупные представители нашей психологической науки, однако это совещание не оправдало надежд, возлагавшихся на него редакцией журнала. На совещании не были выявлены ни основные недостатки, ни задачи психологического фронта. Острые и больные вопросы в выступлениях психологов не были поставлены должным образом. Коренной недостаток развития психологической науки, ее отрыв от жизни, от задач социалистического строительства, не был вскрыт на совещании. Тов. Митин, далее, подчеркнул, что до сих пор почти нет серьезных марксистских психологических работ, которые могли бы представлять научную ценность и конкретно помочь советской школе. Выпускаемая психологическая литература нуждается в серьезной научной критике.

Далее тов. Митин говорит, что критика и самокритика на самом совещании носила весьма абстрактный характер.

Большинство выступивших на совещании, как правило, предпочитали умалчивать о конкретных вещах, направлениях, ошибках, книгах. Такая боязнь самокритики не подвинет вперед работы, наоборот, это является величайшим тормозом в работе. В выступлениях многих товарищей чувствовались самоуспокоенность и благодушие в отношении состояния психологической науки, в то время как в действительности даже среди наиболее крупных и руководящих работников психологии нет единства и ясности по основным вопросам своей науки, нет ясной точки зрения по вопросам предмета и метода психологии. Проблематика также не выяснена. Почти никто из выступавших здесь даже не затронул психологические проблемы взрослого человека.

Нам представляется, что такие проблемы, как личность, психология и идеология, методы, психофизическая проблема и др., заслуживают серьезного внимания со стороны психологов как важнейшие теоретические проблемы, имеющие огромное значение для философии. Но эти теоретические проблемы не исключают, а предполагают экспериментальную разработку частных проблем. Недопустимо, чтобы важнейшие вопросы психологической науки подменялись такими, мало существенными темами, как например «зависимость константности воспринимаемой величины об'екта от угла поворота их к линии взора наблюдателя при разных дистанциях наблюдения» («Зрительные ощущения и восприятия»).

Такого рода тема неизбежно должна вести к отрыву науки от практики и едва ли что-нибудь может дать для науки.

Институт психологии должен стать настоящим центром научной работы в области психологии.

В отношении психологического журнала тов. Митин правильно отметил, что отсутствие такого журнала не является причиной слабого состояния психологии, а, наоборот, слабое состояние этой науки является причиной отсутствия журнала.

Однако это отнюдь не значит, что психологическая наука находится в безнадежном состоянии. Некоторые достижения, несомненно, имеются, но нужно осознать, что нет оснований для оптимизма и самоуспокоенности. Необходимо психологам серьезно овладеть марксистским методом и не возлагать надежд, что кто-то извне придет и создаст эту науку.

Редакция «Под знаменем марксизма» подняла эти вопросы, для того чтобы мобилизовать работников психологического фронта на преодоление имеющихся недостатков, для создания работ по психологии в соответствии с требованиями социалистической практики и воспитания нового человека сталинской эпохи.

Редколлегия считает необходимым освещение важнейших вопросов психологии на страницах журнала и надеется, что это совещание послужит толчком для развернутого обсуждения этих проблем в коллективах психологов и в печати.

Таков краткий обзор совещания, которое состоялось при редколлегии журнала. Насколько своевременным был созыв такого совещания, свидетельствует тот факт, что после совещания на педагогическом фронте произошли события исключительного значения. Мы имеем в виду историческое постановление ЦК ВКП(б) от 4 июня сего года о «педологических извращениях в системе Наркомпроса». Это постановление имеет прямое и непосредственное отношение к психологической науке. Центральный комитет партии обязывает «раскритиковать в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги теперешних педологов». Это указание ЦК в значительной степени относится и к работам психологов. Большинство крупных психологов одновременно являются и педологами (Блонский, Выготский, Василевский, Ускадзе и др.); вышедшие психологические работы носят печать педологической лженауки (Блонский «Память и мышление», Выготский «Мышление и речь» и др.).

Есть такие реакционные психологические работы, которые до сих пор не получили соответствующей критики. Так например работы Гурьянова, Соколова, Смирнова, Шеварева «Скала Бинэ-Термена для измерения умственного развития детей» (изд. 1930 г.) были совершенно обойдены критикой, в то время как авторы своей книгой причинили немало вреда нашей советской школе.

Остановимся кратко на отдельных положениях этой работы.

В результате проведенных экспериментальных «исследований» авторы пришли к следующему заключению:

«Приведенная выше средняя высота «ИКУ» (отношение умственного к паспортному возрасту. — *Ф. Г.*) советских школьников дает нам возможность сопоставить их с американскими школьниками, служившими Термену об'ектом исследования. В самом деле, поскольку средний американский ребенок дает, по стенфордовской редакции Бинэ «ИКУ», 100, мы получаем мерило для сравнения советского и американского школьников. Мы видим, что средний советский школьник отстает по умственному развитию от среднего

американского школьника, хотя и в разной степени: дети служащих менее чем дети рабочих, а дети рабочих менее чем дети крестьян» (стр. 85).

Как же, спрашивается, авторы об'ясняют причины «отсталости» в умственном развитии наших советских детей? Ответ следует такой:

«Относительно причин найденной нами разницы в величине «ИКУ» у советских детей и американских школьников можно строить, конечно, различные предположения. Однако несомненно, что в данном случае действует не одна какая-либо причина, а целый сложный комплекс таковых: здесь сказывается и разница культур и ряд причин социального порядка...».

Но нас интересует дальше, а насколько «ниже» стоят в умственном отношении советские дети по сравнению с американскими детьми? Оказывается, что максимум случаев умственной «отсталости» советских детей приходится на «ИКУ» 86, а группа с низкой нормой (80—90) включает в себя детей, которые значительно ниже среднего ребенка и потому «не могут выполнять обычную школьную работу с таким же темпом успешности, с каким ее выполняют нормальные средние дети» (стр. 27).

Реакционность это «работы» совершенно очевидна. Антинаучность этой «работы» заключается в том, что авторы исходят из сведения сложных мыслительных процессов к простой количественной характеристике, а сама способность ими понимается, как изначально данная, неизменная сущность. Авторы исходят из фаталистического представления о решающей роли биологических, наследственных предрасположений, определяющих умственное развитие ребенка, что логически прямым путем ведет к признанию фашистской расистской теории.

И таких психолого-педологических антинаучных работ немало.

Это обязывает психологов развернуть серьезную критику подобных реакционных, антинаучных измышлений, а также развернуть самокритику в своих собственных рядах, без чего невозможна положительная разработка марксистской психологии.

Г. Ф.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О журнале „Социалистическая реконструкция и наука“

Журнал «Социалистическая реконструкция и наука», сокращенно «СОРЕНА», орган НИС и Техпрома НКТП, возник пять лет назад в недрах ВСНХ. За это время лицо журнала вполне определилось. Мы в настоящей рецензии остановимся на теоретической линии этого журнала.

Когда журнал «СОРЕНА» начинал свою деятельность, то он ставил своей задачей выполнение пункта 6-го постановления ЦК ВКП(б) от 25 мая 1931 г. «О постановке производственно-технической пропаганды». В 6-м пункте этого постановления говорилось:

«Немедленно приступить к изданию серьезного научно-технического журнала, в котором должны освещаться все новые достижения техники как в иностранных государствах, так и в СССР, и где должно быть поставлено частью перепечатыванием, частью реферированием освещение новейших достижений техники по заграничным технически литературным источникам».

Конкретизируя эту задачу, редакция журнала «СОРЕНА» наметила в свое время в передовой статье следующую программу своей деятельности: а) осуществление связи всей научной и научно-технической работы с планами социалистической реконструкции и постановлениями ЦК ВКП(б); б) освещение посредством теоретических статей главных проблем научной мысли; в) помещение статей по техническим проблемам; г) освещение вопросов научно-технической политики; д) обсуждение проблем организации научно-исследовательского и технического труда; е) постановка информации и хроники; ж) помещение обзоров достижений и з) освещение литературы в библиографическом отделе.

Однако, кроме этого перечня задач, редакция журнала в своей передовой писала еще о том, что в круг проблематики журнала входят и вопросы «диалектическо-материалистической реконструкции науки и ее методов» (№ 1 за 1931 г., стр. 3).

Как видим, программа очень широкая и по существу сводящаяся к тому, что редакция «СОРЕНА» претендовала на создание руководящего теоретического, научного и технического журнала. На основе каких теоретических позиций пытался журнал «СОРЕНА» осуществлять свое руководство?

Если обратиться к приведенному выше плану работы журнала «СОРЕНА», выдвинутому редакцией в передовой статье, то в этом плане прежде всего обращает на себя внимание формулировка первого, головного пункта задач—установление с в я з и между научной и научно-технической работой и планами социалистической реконструкции.

После речи товарища Сталина на конференции работников социалистической промышленности, после постановлений ЦК ВКП(б) о задачах на теоретическом фронте ставить перед журналом задачу установления л и ш ь с в я з и между технической и научно-технической работой с планами социалистического строительства — это значит не понять существа задач научно-технического фронта.

Ведь в наших условиях самые реакционно настроенные ученые вынуждены были высказываться и высказывались за связь науки с социалистическим строительством. Подчеркивая задачу связи, они противопоставляют ее задаче подчинения научно-технической работы планам социалистической реконструкции и задаче перестройки науки на основе марксизма-ленинизма.

Журнал «СОРЕНА» должен был бороться не просто за «связь» «вообще» науки и социалистического строительства, а за подчинение научно-технической работы задачам этого строительства, за превращение научно-технических работников в передовиков социалистической реконструкции промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Товарищ Сталин еще в 1929 г. на конференции аграрников-марксистов говорил:

> «...Необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

Эти ясные указания товарища Сталина, развитые далее на совещании работников социалистической промышленности, на совещании хозяйственников и в других выступлениях, не были журналом «СОРЕНА» положены в основу его деятельности.

Непартийный, небольшевистский подход к формулировке задач журнала «СОРЕНА» сказался и в том, что в перечне этих задач и, как увидим далее, в самом журнале, выпала борьба за марксизм-ленинизм в науке и технике, борьба за линию партии, борьба за классовые задачи пролетариата.

О марксизме-ленинизме в передовой статье находим лишь одну фразу. В этой фразе говорится, что задачи на фронте науки и техники велики и разнообразны, а именно: «...от работы по ликвидации технической безграмотности вплоть до разработки крупнейших проблем научно-исследовательской мысли... и вплоть до вопросов диалектическо-материалистической реконструкции науки и ее методов» (№ 1 за 1931 г., стр. 3). Здесь марксизм-ленинизм оттесняется на одно из последних мест.

Своеобразный хвостизм в вопросах борьбы за марксизм-ленинизм на фронте науки и техники сказывался ярко и в формулировке редакцией журнала «СОРЕНА» вопроса о том, на кого опирается журнал в своей работе. Перечислив задачи журнала, редакция писала: журнал «ориентируется при этом на квалифицированные, научно-технические и хозяйственные кадры нашей страны...» (там же, стр. 5). Как видим, и здесь была забыта растущая производственно-техническая интеллигенция рабочего класса, большевистские кадры на фронте науки и техники.

Небольшевистский подход в передовой статье к решению проблемы завоевания науки и техники сказался не только в забвении задач создания производственно-технической интеллигенции рабочего класса, но и в общей оценке процессов, происходящих на фронте науки и техники.

В передовой были обойдены шесть условий товарища Сталина. Это сказалось не только в том, что в ней выпал пункт о производственно-технической интеллигенции рабочего класса, но и в том, что в ней извращенно освещался вопрос о «признаках поворота среди старой производственно-технической интеллигенции».

Товарищ Сталин в свое время не только констатировал наличие этого поворота, но и указал политические предпосылки и содержание этого поворота. Этот поворот выявился в полном виде по всему фронту науки и техники, в том числе и в области теории, где мы видим поворот старых специалистов в сто-

рону усвоения диалектического материализма и применения его в решении специальных проблем.

Передовая же «СОРЕНА» так изображает этот процесс. «Опыт показал,— читаем там, — что поворот всей научно-исследовательской и всей технически-научной работы к задачам социалистической реконструкции идет по линии быстрого сближения квалифицированных научных учреждений страны, начиная от Академии наук, с организациями ВСНХ, имеющего в своем непосредственном распоряжении наиболее мощную сеть научно-исследовательских институтов и лабораторий» (стр. 5).

Итак, вся суть поворота, согласно передовице «СОРЕНА», сводилась к повороту в сторону ВСНХ! Вместо политического анализа сути поворота среди специалистов давалась какая-то ведомственная оценка всего того, что имело место на фронте науки и техники.

Таким образом, мы должны констатировать, что журнал строил свою программу аполитично, в отрыве от задач рабочего класса СССР, принизил задачу пропаганды марксистско-ленинской теории, забыл основные лозунги товарища Сталина.

Где корень этой непартийной установки журнала «СОРЕНА»?

Ответ на этот вопрос мы находим с исчерпывающей полнотой как в передовой статье, так и особенно в статье Н. Бухарина «Теория и практика с точки зрения диалектического материализма». В этой последней статье повторены все основные ошибки его «теории исторического материализма» и некоторых его других писаний.

Чтобы закончить наше рассмотрение передовой статьи и перейти к статье тов. Бухарина, мы приведем еще один пример путаницы в определении задач журнала. На стр. 6 мы читаем: «Он (журнал. — А. М.) рассматривает себя, как один из винтиков той поразительной машины, которая перерабатывает безграничную творческую энергию пролетарских масс, в самых глубоких основах переделывает гигантскую страну». Вместо того чтобы ясно и четко сказать о том, какую роль должен играть журнал в разрешении задач социалистического строительства, передовая дает путаные рассуждения о «машине, перерабатывающей творческую энергию масс».

В руководящей теоретической статье Н. Бухарина содержатся грубые извращения марксистско-ленинской теории.

Сопоставляя характерные черты хозяйственных отношений капитализма и социализма, Н. Бухарин пишет: «В х о з я й с т в е н н о й жизни капитализма элементарная общественная необходимость определенных пропорций между отраслями производства устанавливается путем стихийных колебаний цен, в которых проявляется закон ценности, как стихийный регулятор общественно-производственной жизни. В хозяйственной жизни социализма распределение ресурсов (средств производства и рабочих сил) совершается, как конструктивная задача плана. Но план не падает с неба: он является сам выражением «познанной необходимости»... План социалистического строительства не есть только план х о з я й с т в а: процесс р а ц и о н а л и з а ц и и ж и з н и, начинаясь с уничтожения иррациональности в области хозяйства, отбивает у нее одну позицию за другой: плановое начало вторгается в область «духовного производства», в область науки, в область т е о р и и» (стр. 21—22).

Из этой цитаты видно, что тов. Бухарин путано говорит о роли плана: распределение ресурсов социализма он рассматривает лишь как «конструктивную» задачу плана, а не как важнейшее орудие в руках пролетарской диктатуры за уничтожение капиталистических элементов. Бухаринские рассуждения о конструктивной задаче плана смазывают классовое содержание социалистического планирования.

То, что тов. Бухарин односторонне, «конструктивно» подходит к проблеме социалистического строительства, видно и из другого места его статьи, посвященного тому же вопросу о сущности экономики социализма. Он писал:

«...социализм: его хозяйственный принцип — максимум технико-экономической мощи, плановости, развития всех человеческих способностей и потребностей» (стр. 24).

Здесь опять забыт такой основной «принцип» социализма, как обобществление средств производства, что невозможно без установления диктатуры пролетариата. Без этих предпосылок строительства социализма не будут никогда понятны ни возникновение «технико-экономической мощи», ни «плановость», ни возможность «развития человеческих способностей и потребностей».

Все эти «конструктивные» односторонности взглядов тов. Бухарина на суть экономики социализма — далеко не случайные недоговоренности: они вытекают из его взглядов на основные вопросы истмата, развитых им в его статье.

Суть исторического материализма тов. Бухарин излагает в этой статье следующим образом:

«Но подобно тому, как естественно-историческое развитие меняет формы биологических видов, историческое развитие общества, в основе своей имеющее движение производительных сил, меняет общественно-историческую форму труда, «общественные структуры», «способы производства», вместе с которыми меняется и вся идеологическая надстройка, вплоть до «высших» форм теоретического познания и мыслительных иллюзий. Движение производительных сил, противоречие между ними и историческими формами общественного труда, является, следовательно, причиной с м е н ы этих форм, реализуемой через классовую борьбу (поскольку речь идет о классовых обществах) и взрыв устаревшей общественной структуры, превратившейся из «формы развития» в «оковы развития». Таким образом практика м а т е р и а л ь н о г о т р у д а есть основная движущая сила всего процесса в целом, практика к л а с с о в о й б о р ь б ы есть критически-революционная практика общественного преобразования («критика оружием», которая сменяет «оружие критики»), практика н а у ч н о г о п о з н а н и я есть продолженная в особых формах практика материального труда (естествознание), управления и классовой борьбы (общественные науки)» (стр. 16—17).

Эта цитата бросает свет на многие из тех ошибок, которые уже отмечены выше. По Бухарину, выходит, что движущей силой общественного развития является противоречие между производительными силами и формами общественного труда, что основной движущей силой всего процесса в целом является практика материального труда и что таковой практикой материального труда является естествознание (хотя бы и ввиде особой формы продолжения этой практики). Неясность, которая получается в приведенной цитате в отношении того, что считать движущей силой общественного развития: практику ли материального труда или противоречие между производительными силами и формами общественного труда,— раз'ясняется самим Бухариным в другом месте. Так, на стр. 10 он прямо пишет: «...практика материального труда есть постоянная «force motrice» всего общественного развития».

Из изложенного видно, что бухаринский «истмат» имеет мало общего с марксизмом. Общеизвестно, что основоположники марксизма основную движущую силу общественного развития видели в противоречии между развитием производительных сил и производственных отношений, выражающемся в классовом обществе в классовой борьбе. В бухаринском же определении основной движущей силы общественного развития смазывается прежде всего ее классовое содержание. В самом деле, какое содержание вкладывает тов. Бухарин в понятие практики материального труда? Из приведенной выше цитаты видно, что Бухарин практику материального труда берет независимо от ее классового содер-

жания. По Бухарину, выходит, что есть «практика материального труда» и наряду с ней есть другая практика — классовой борьбы.

Чтобы понять, какой смысл заключается в приведенных выше рассуждениях тов. Бухарина о движущих силах общественного развития, нужно сделать маленький экскурс в его «Теорию исторического материализма». В главе 5-й своего «истмата», озаглавленной «Равновесие между обществом и природой», он писал:

«...человек, как животный вид, и человеческое общество сами являются продуктами природы» [1]).

Такое нечеткое определение человеческого общества, содержащее механистическое отождествление животного мира и человеческого общества, смазывает специфичность общественных явлений. Рассматривая, далее, общество как систему в ее взаимоотношении со средой, Бухарин писал: «Когда речь идет о системе, то причины изменений этой системы нужно искать в соотношении ее со средой» [2]).

Итак, основную движущую силу общественного развития тов. Бухарин усматривает во взаимодействии природы и общества.

Известно также, что в ряде своих работ тов. Бухарин сводит производительные силы к технике, отодвигая на последнее место роль рабочей силы, роль человека в производстве. Тов. Бухарин извращает тем самым положение Маркса о том, что важнейшей производительной силой в обществе является сам рабочий класс.

Из сказанного выше становится понятным, что и самую «практику материального труда» Н. Бухарин трактует механистически, повторяя положения, развитые им в свое время в его «Теории исторического материализма».

Партия дала оценку «методологии» бухаринского «истмата», квалифицировав ее как «механистическую ревизию марксизма» (см. постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма»).

Однако могут сказать, что в той статье, которую мы разбираем, содержится несколько иное, более похожее на марксизм изображение движущих сил общественного развития. В ней написано, что причиной смены общественных структур является противоречие между движением производительных сил и формами общественного труда. Но и здесь сходство с марксизмом лишь чисто внешнее, в действительности же тов. Бухарин и в этой формулировке развивает свои прежние взгляды. «Маленькое» отличие бухаринской формулировки от марксистской заключается в том, что Н. Бухарин производственные отношения, которые в классовом обществе являются классовыми отношениями, заменяет формами общественного труда. Тем самым классовый анализ подменяется простой расстановкой людей в процессе труда.

Приведенные выше бухаринские формулировки являются повторением давно раскритикованных ошибочных утверждений его «истмата». Там он пишет:

«Мы, рассматривая производственные отношения, сводим их к размещению людей в пространстве. В чем выражается отношение? В том, что каждый человек имеет, как мы уже писали, свое место точно так же, как винтик в часовом механизме. Именно эта определенность положения в пространстве, «на трудовом поле», и делает из этого «размещения», «распределения» общественно-трудовое отношение. Каждая вещь, понятно, находится в пространстве и движется в нем. Но здесь люди связаны именно определенностью своих, так сказать, трудовых позиций. Это есть материальное отношение такое же, как отношение частиц часового механизма» [3]).

---

[1]) Н. Бухарин «Теория исторического материализма», стр. 112, Гиз. 1921.
[2]) Там же, стр. 116.
[3]) Там же, стр. 164—165.

Как видим, результат у тов. Бухарина и здесь тот же самый, что и в его трактовке «практики материального труда»: отказ от марксизма, выхолащивание классового содержания. Бухарин сводит производственные отношения к размещению людей в пространстве, классовый анализ подменяет вопросом расстановки людей в процессе труда. Эти ошибочные положения Н. Бухарина нашли свое отражение в тех установках, которые были даны журналу «СОРЕНА». Дальнейшее об'яснение этих ошибок и в то же время развитие тех, которые только что были рассмотрены, мы находим в трактовке тов. Бухариным взаимоотношения теории и практики, вопроса, являющегося главной темой его статьи.

Тов. Бухарин так начинает свое рассмотрение взаимоотношения теории и практики:

«Теория и практика суть деятельность общественного человека. Если рассматривать теорию не как застывшие «системы», а практику — не как готовые продукты, т. е. не как «мертвый», застывший в вещах труд, а in actu, то перед нами будут два вида трудовой активности, раздвоение труда на труд умственный и физический, «духовный» и «материальный», теоретическое познание и практическое действие. Теория есть аккумулированная и конденсированная практика, поскольку она обобщает практику материального труда, является качественно особым и специфическим продолжением материального труда; она сама есть качественно особая теоретическая практика, поскольку она деятельна (ср., например, эксперимент), практика, обработанная мышлением. С другой стороны, практическая активность использует теорию, и постольку сама практика — теоретична. Реально мы имеем во всяком классовом обществе разделенный труд, и, следовательно, противоречие между умственным и физическим трудом, т. е. противоречие между теорией и практикой» (стр. 9).

В этой цитате, по существу, содержатся зародыши всех ошибок, которые мы находим в дальнейшем изложении статьи тов. Бухарина. Прежде всего бросается в глаза антиисторизм, метафизичность подхода к разбору проблемы теории и практики, голое «социологизирование», так характерное для бухаринского «истмата». Вместо того чтобы дать сначала исторический анализ конкретных форм взаимоотношения теории и практики тех или иных общественных формаций, нас угощают такими определениями, что теория и практика суть «деятельность», «активность» и т. д., и это на протяжении десятка страниц. Такой абстрактный подход закреплен у тов. Бухарина самой структурой его статьи. Проблему теории и практики он рассматривает сначала как теоретико-познавательную проблему и лишь в следующей главе ставит проблему «исторических форм общества и связи с практикой».

Но и во второй главе, где тов. Бухарин пытается дать исторический анализ взаимоотношения теории и практики, мы ничего исторического, кроме общих фраз, не находим. Весь исторический анализ проблемы у тов. Бухарина сводится к следующему экскурсу. Он пишет:

«Общественно-экономические формации («способы производства», «экономические структуры») отличаются друг от друга и определенным характером соотношения между теорией и практикой. В самом деле. В теократическом государстве Древнего Египта были элементы натурального централизованного планового хозяйства; знание (теория) ближайше было связано с практикой, ибо целесообразно направлялось на практику. Но эта связь была особого типа: знание было недоступно массе работников; их практика для них была слепа, знание — окружено ореолом страшной тайны. В этом смысле наблюдался огромный разрыв между теорией и практикой. Если мы возьмем для сравнения эпоху промышленного капитализма, эпоху расцвета «экономического человека», безбрежного индивидуализма, «laissez faire», то здесь мы видим другую картину: в общественном масштабе никто не ставит организованно ни задач познания, ни

задач приложения полученных знаний; разделение труда образует группу ученых и идеологов, связанных с господствующим классом, в свою очередь разбитым конкуренцией на куски. Связь теории с практикой создается в значительной мере «в частном порядке». Но раздвоение умственного и физического труда не уничтожается; оно получает иное выражение: известная степень «демократизации знания», необходимая с точки зрения техники; образование большого слоя технической и другой интеллигенции; специализация науки; создание высоких теоретических обобщений, совершенно удаленных от с о з н а н и я массы практических работников (наемных рабочих). Это другой тип связи» (стр. 19).

Вот весь исторический материал, которым оперирует тов. Бухарин в своей статье по вопросу теории и практики. Это не больше, как иллюстрация к предшествующим многословным, абстрактным рассуждениям.

В приведенной цитате (а она, как мы сказали, исчерпывает весь конкретный анализ проблемы у тов. Бухарина) нет ничего, кроме общих рассуждений. Подчеркивать «безбрежный индивидуализм», «конкуренцию» в области теории в капиталистическом обществе — еще не значит дать какой-либо анализ проблемы. Маркс по поводу взаимоотношения теории и практики писал:

> «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его отдельной исторической форме» [1]).

И Маркс сам выполнил выставленное им требование, дав в «Капитале» анализ сущности капиталистического производства, на котором базируется вся совокупность буржуазных общественных отношений, в том числе и таких, как отношения между теорией и практикой. В частной собственности на средства производства, в присвоении капиталистом прибавочной стоимости видел Маркс источник всех общественных отношений капитализма, в том числе «индивидуализма», «конкуренции» в области теории.

Видя характерный признак теоретической деятельности в капиталистическом обществе в «индивидуализме», в «конкуренции», тов. Бухарин схватывает лишь внешность явления, пренебрегая в то же время классовым содержанием явления. Отсюда получается, что тов. Бухарин ставит проблему взаимоотношения теории и практики не диалектически, а метафизически, абстрактно.

Ленин отметил этот неверный подход к взаимоотношению теории и практики у тов. Бухарина еще при разборе его «Экономики переходного периода». Возражая попытке Бухарина абстрактно-логически, в отрыве от практики утверждать невозможность восстановления капиталистических производственных отношений, Ленин писал: «Автор не ставит д и а л е к т и ч е с к и отношения теории к практике» [2]).

Результатом метафизичности подхода к разбору проблемы теории и практики является у тов. Бухарина то, что он ее ставит не материалистически, скатываясь в идеализм по основным вопросам гносеологии. Доказательством этого нашего утверждения является прежде всего та часть приведенной нами цитаты, где говорится, что «теория есть вид трудовой активности», «аккумулированная и конденсированная практика» и т. д. Давать такое определение теории — это значит неисторически подходить к вопросу о возникновении теории, не видеть основной черты теории — того, что она является отражением и познанием об'ективно, вне и независимо от нас существующей деятельности. В этом вопросе тов. Бухарин становится не на материалистическую позицию, а на богдановско-идеалистическую.

Отход тов. Бухарина от материалистической точки зрения в сторону идеализма сказывается в его трактовке всех гносеологических проблем. Так, по во-

---

[1]) М а р к с «Теория прибавочной стоимости». Т. I, стр. 246. 1931.
[2]) Ленинский сборник XI, стр. 362.

просу о бытии внешнего мира он пишет: «...вопрос о б ы т и и внешнего мира категорически излишен, ибо ответ уже налицо, ибо внешний мир «дан» так же, как «дана» сама практика» (стр. 11). Утверждать, что мир дан так же, как дана практика,— значит не понимать сути материализма, который говорит, что мир дан ранее всякой человеческой практики. Бухаринская формулировка содержит богдановское извращение материализма. Поэтому доводы тов. Бухарина о неправоте идеализма остаются разговорами, а на деле его рассуждения не только не бьют по идеализму, а служат ему. Утверждение тождества «данности» внешнего мира и человеческой практики — старый мотив богдановского идеализма.

Неправота тов. Бухарина в вопросе теории и практики столь же явно, как по вопросу о «данности» внешнего мира, сказывается и по вопросу о сути практики. Он пишет:

«Практика есть действительный прорыв в действительность, выход за пределы суб'екта, проникновение в об'ект, «очеловечение» природы, ее изменение» (стр. 11).

Как видим, Бухарин дает такое определение практики, которое не бьет, не уничтожает идеалистической аргументации. У тов. Бухарина и здесь, как и в ряде других случаев, получается так, что есть замкнутый в себе суб'ект, рассматриваемый как бы по ту сторону действительности и лишь прорывающийся в эту действительность путем практики. Неправильность идеализма, по Бухарину, заключается в том, что идеалисты не видят этого прорыва от такого изолированного суб'екта к коллективной общественной практике. По поводу таких рассуждений о прорыве от отдельного индивидуума к коллективной практике Ленин писал:

> «Думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества, или опыта одного лица опытом социально-организованным, это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией» [1]).

Скатывание на идеалистические позиции у тов. Бухарина сказывается по всей линии вопросов, которые он рассматривает в статье. Так, на словах воюя с берклианизмом, тов. Бухарин не удерживается на позиции материализма и делает уступки идеализму. Ленин, следуя Марксу и Энгельсу, выдвигал против суб'ективного идеализма на первый план аргумент о том, что человек сам есть лишь часть природы, что мышление есть лишь свойство высокоорганизованной материи, и т. д. Вместо этого тов. Бухарин пишет: «В самом деле, лишь в случае первозданного Адама, только что сфабрикованного из глины и в п е р в ы е увидавшего, опять-таки в п е р в ы е раскрытыми глазами, райский пейзаж со всеми его атрибутами, можно было бы выдвигать данное положение» (положение суб'ективного идеализма. — **А. М.**) (стр. 8).

Согласно этой цитате, выходит, таким образом, что при некоторых абстрактных обстоятельствах можно бы все же выдвигать положения суб'ективного идеализма; возражение против него тов. Бухарин находит не в материалистической аргументации, а в богдановском «познавательном социализме». В результате получается, что тов. Бухарин не столько защитил материализм, сколько услужил идеализму.

Идеалистические извращения тов. Бухарин допускает и по вопросу о том, в чем заключается функция науки.

«Функция науки,— пишет он,— в совокупном процессе воспроизводства общественной жизни есть функция ориентации во внешнем мире и в обществе, функция расширения и углубления практики, повышение ее эффективности, функция с в о е о б р а з н о й борьбы с природой, со стихией общественного разви-

---

[1]) Л е н и н. Соч. Т. XIII, стр. 188.

тия с враждебными данному общественно-историческому порядку «классами» (стр. 14).

Здесь снова имеет место скатывание к идеализму. Вместо того чтобы сказать, что наука есть познание вне нас и независимо от нас существующего мира действительности, вскрывающее закономерности процессов этого мира, что доказывается индустрией и экспериментом, вместо этого нам говорят о функции систематизирования знания, ориентации во внешнем мире и т. п. В формулировке тов. Бухарина выхолащивается материалистическое содержание определения науки и все внимание сосредоточивается на суб'ективном взаимоотношении элементов знания, как то: наука — «систематизированое знание» (стр. 20); наука — функция ориентации во внешнем мире и т. п.

Кроме того необходимо отметить, что идеалистическими по существу являются так же и рассуждения Н. Бухарина о «праксеологии» (стр. 9—11).

Скатывание к идеализму в статье тов. Бухарина происходит неоднократно.

Приведем еще один пример скатывания тов. Бухарина к идеализму. Это — его рассуждение об «экономии мышления». Он пишет:

«Критерий э к о н о м и и м ы ш л е н и я никак не может служить критерием, ибо самая экономия может быть установлена лишь post factum: взятая же в своей изолированности, как голый принцип познания в себе, она означает априорную ликвидацию сложности мышления, т. е. его заведомую неправильность. Таким образом, «экономия» превращается в собственную противоположность» (стр. 12 — 13).

Здесь снова вместо решительной критики махизма с его «критерием экономии мышления» мы имеем рассуждения, которые, по существу, остаются на почве буржуазной философии. По Бухарину, выходит, что неверность рассуждения об «экономии мышления» заключается только в априорности этого критерия; получается, что как апостериорный принцип мышления «экономия мышления» может быть допущена. Такая аргументация не бьет махизм, а лишь облегчает ему защиту своей идеалистической позиции, так как ведь многие махисты против априорности.

После приведенной нами цитаты из статьи тов. Бухарина им дается цитата из Ленина по вопросу об «экономии мышления». Ленин писал:

> «Мышление человека тогда «экономно», когда оно п р а в и л ь н о отражает об'ективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия» [1]).

Бухарин приводит эту цитату из Ленина, но он не понимает того, что подход Ленина к решению проблемы вкорне отличается от его (Бухарина) богдановского подхода. Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме» нанес сокрушительнейший удар махизму и принципу «экономии мышления». Бухарин же в той или иной степени снова возрождает богдановские установки.

Поэтому правильную цитату из Ленина Бухарин эклектически сочетает со своими ошибочными положениями. Его писания представляют смесь из своих, скатывающихся на богдановские позиции рассуждений с цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина. Такая мешанина богдановских взглядов с марксизмом-ленинизмом преподносится тов. Бухариным в его статье неоднократно. Но от этого не уменьшается вредность тех взглядов, которые высказывает тов. Бухарин от своего собственного имени.

Вот та теоретическая позиция, на основе которой редакция «СОРЕНА» и ответственный редактор тов. Бухарин в свое время взялись руководить научно-техническим фронтом. Одна из самых основных проблем, играющих решающую роль в позиции «СОРЕНА»,— проблема теории и практики — решается, как мы ви-

---

[1]) Л е н и н. Соч. Т. XIII, стр. 139.

дели, антимарксистски. Поэтому и общий итог, к которому приходит тов. Бухарин по вопросу о теории и практике, оказывается враждебным марксизму.

«Постепенно уничтожая разделение между умственным и физическим трудом, — пишет он, — распространяя так называемое высшее образование на всю массу работников, социализм сливает теорию и практику в головах миллионов» (стр. 23).

Тов. Бухарин остался, как видим, до конца своей статьи верным «познавательному социализму» Богданова: не в социалистическом строительстве, не в социалистическом труде стахановцев, а в головах миллионов — вот где происходит слияние (синтез) теории и практики по Бухарину.

Подведем вкратце итоги сказанного выше о теоретической позиции журнала «Социалистическая реконструкция и наука». Программа журнала не отражала линии партии за овладение наукой и техникой, забывала о задачах марксизма-ленинизма в области науки и о борьбе за линию партии, за лозунги товарища Сталина, неправильно определяла суть поворота среди старых кадров научно-технических работников, делала уступку самым отсталым настроениям среди них.

Корень неправильной линии журнала заключался в тех теоретических положениях, развиваемых журналом как в передовой статье, так особенно в статье ответственного редактора тов. Бухарина, которые повторяли старые, осужденные партией, богдановские положения его «истмата» и других писаний. По основному вопросу статьи, о взаимоотношении теории и практики, тов. Бухариным дается в основном идеалистическая трактовка, эклектически прикрываемая марксистской фразеологией.

* * *

Развертывая свою деятельность на основе рассмотренной выше программы, журнал «СОРЕНА», естественно, не мог завоевать авторитета и вести за собой передовые кадры производственно-технической интеллигенции из рабочего класса. Наша советская молодая интеллигенция настолько грамотна политически и теоретически, что не может соблазняться на бухаринские повторения задов из его «истмата». Естественно, что эти молодые кадры проявили мало интереса к такого рода «органу».

Но то же самое можно сказать и о старых кадрах специалистов. Всем известен поворот к марксизму-ленинизму среди широких масс старых кадров.

Лишь журнал «СОРЕНА» не отразил на своих страницах этого поворота. Наоборот, он явился органом, в котором нашли место отсталые настроения, настроения, враждебные марксизму-ленинизму.

Так, в выпуске втором, за 1932 г., редакция журнала «СОРЕНА» поместила статью проф. Я. И. Френкеля, в которой говорилось, что «ускорение темпа человеческого прогресса проявляется особенно отчетливым образом в развитии физики» (стр. 35), причем автор, известный поклонник махизма, постарался за прогресс выдать «отказ от старого, детерминистического описания» физических явлений (стр. 36).

В том же номере журнала академик Вернадский при молчаливом согласии редакции утверждал: «Правильно обобщение американского ученого А. Г. Кларка, который указал, что всякий успех культурной работы человечества в нашу эпоху усиливает еще в большей мере значение в природе насекомых чем человечества» (№ 2 за 1932 г., стр. 53).

В № 9 за 1934 г. снова была помещена статья проф. Френкеля «Современное развитие учения об электромагнетизме», содержащая махистские утверждения. Здесь мы находим и «пространство, представляющееся абсолютно пустым» (стр. 15), и введение понятия поля «наряду с понятием «силы», по принципу «удоб-

ства» (стр. 17), и защиту точки зрения «дальнодействия» впротивовес «близкодействию» Фарадея (к слову, вкорне искажаемого Френкелем) (стр. 16, 18, 19).

В унисон с Я. Френкелем на страницах «СОРЕНА» выступает и проф. Я. Шпильрейн. Он также отрицает реальность силовых линий Фарадея и проповедует абсолютную пустоту пространства (№ 9—10 за 1932 г.). Однако «устарелость» и «ненаучность» воззрения Фарадея о материальности электромагнитных процессов в пространстве, окружающем проводник (а в этом философский смысл введения Фарадеем силовых линий), не дают ему покоя. В № 3 за 1936 г. проф. Шпильрейн снова выступает со статьей «Существуют ли электрические силовые линии?» Снова и снова отрицая существование этих силовых линий, проф. Шпильрейн принужден сделать весьма важное признание. Он начинает свою статью следующими словами:

«Сто лет тому назад гениальный Фарадей дал блестящее наглядное об'яснение электрических и магнитных явлений при помощи силовых линий. Это наглядное изображение электромагнитного поля сохранило свое значение и до настоящего времени. И сейчас еще в своих расчетах электротехники с большим успехом пользуются картинами полей электрических и магнитных» (стр. 13).

Таким образом, мы имеем не только идеализм, но отрыв теории от практики, физиков-теоретиков типа Френкеля—Шпильрейна от инженеров и техников.

На махистской же позиции стоит и проф. В. А. Фок, тоже один из авторов журнала «СОРЕНА». Из его писаний здесь нужно в первую очередь отметить рецензию на книги академика В. Ф. Миткевича «Физические основы электротехники» и А. К. Тимирязева «Введение в теоретическую физику», отмечавшуюся уже редакцией журнала «Под знаменем марксизма» в № 1 за 1935 г. в редакционном примечании в связи со смертью проф. Пресса. В этой рецензии В. А. Фок резко обрушивается на издательства за то, что они издали книги Миткевича и Тимирязева. При этом вся аргументация проф. Фока сводится к тому, что он несогласен с оценкой и отношением к современным физическим воззрениям А. К. Тимирязева и В. Ф. Миткевича.

«Нельзя, конечно, требовать, — писал Фок, — от этих сторонников старины, чтобы они не выступали с защитой своих взглядов в печати. Но необходимо ограничить полемику страницами специальных журналов, где защитники устарелых взглядов встретят отпор со стороны лиц, стоящих на уровне современных знаний. Проведение же отживших взглядов и отрицание новых завоеваний науки в книгах, предназначенных для широких кругов малоподготовленных читателей, а тем более в учебниках для вузов является, по нашему мнению, совершенно недопустимым» (№ 3 за 1934 г., стр. 133).

Оба автора, на которых нападает В. А. Фок,— материалисты, правда, механистического толка. Но критика механистического материализма будет лишь тогда плодотворной, когда она будет вестись с правильных позиций. Предоставлять же эту критику в руки сторонников физического идеализма, как это делает руководство журнала «СОРЕНА», вкорне неправильно. Поэтому и здесь руководство журнала «СОРЕНА» оказывается на стороне идеализма, против материализма.

Необходимо здесь же отметить, что вообще отдел критики и библиографии в журнале «СОРЕНА» отличается теми же чертами, что и раздел, посвященный общим вопросам естествознания. И здесь мы имеем налицо примиренчество к идеализму. При рассмотрении иностранной литературы никакой марксистской оценки этой литературы не давалось и не дается. Так, к примеру, по поводу статей в американском журнале «Science» рецензент писал, что они «интересны», но он ни словом не обмолвился о философской и политической ориентации авторов (№ 1 за 1931 г., стр. 172).

К сказанному нужно еще добавить, что авторами «СОРЕНА» были также академик Н. Лузин, физик-идеалист Гамов, небезызвестный поп-мистик Флорен-

ский, по общим вопросам физики писали С. Васильев, разоблаченный теперь как контрреволюционер, и некоторые другие. В то время как число беспартийных ученых, выступавших и выступающих с позиций диалектического материализма, насчитывалось уже десятками, на страницах журнала «СОРЕНА» не было ни одного выступления со стороны этой группы ученых в защиту диалектического материализма. Марксизм в журнале «СОРЕНА» был представлен лишь в искаженной Бухариным форме. Таким образом, журнал был и остается органом, пропагандирующим идеалистическую трактовку философских проблем естествознания. Так обстояло и обстоит дело с философской линией журнала «СОРЕНА».

* * *

Посмотрим теперь, каковы теоретические основы той линии, которую занимал журнал по вопросам технических наук, по вопросам социалистического строительства.

Выше, при изложении программы журнала, уже отмечалось, что руководство журнала «СОРЕНА» понимало единство теории и практики лишь как «связь» науки с планами социалистической реконструкции и постановлениями ЦК партии. Выше мы также отметили неправильность такого понимания.

Стахановское движение особенно ярко вскрыло отставание некоторых участков науки от техники, неумение, а часто и нежелание научных и научно-технических кадров придти на помощь движению за социалистическую производительность труда, за высшую организацию производства. Казалось бы, что журнал «СОРЕНА» должен был бы быть застрельщиком по вскрытию этого отставания и в борьбе за его устранение. От журнала «СОРЕНА» нужно было бы ждать, что он поставит на обсуждение работу того или иного научно-технического института, рассмотрит научно-технические издания с точки зрения их соответствия запросам стахановского движения.

Однако журнал «СОРЕНА» этого не сделал. Единственно, что сделано в этом направлении,— это освещение на страницах журнала «СОРЕНА» итогов работы мартовской сессии Академии наук, посвященной вопросам физики и обсуждавшей работу Физико-технического и Оптического институтов. В связи с итогами этой сессии Академии наук в передовой, помещенной в журнале «СОРЕНА» № 2 за 1936 г., писалось:

«Стахановское движение заставляет суровым критическим взором пройти по всей системе «фундаментальных» научно-технических изданий, впитавших в себя консервативные традиции производства — учебники, справочники, энциклопедии, учебные пособия, с тем, чтобы «привести их в соответствие с новыми техническими нормами оборудования» (стр. 6).

Эти слова передовой журнала «СОРЕНА» остались словами. Журнал до сих пор практически ничего не сделал для выполнения тех задач, о которых писалось в передовой № 2 и в других общих статьях, посвященных стахановскому движению.

В чем причина этого?

Причина такого отставания журнала «СОРЕНА» от жизни лежит как в неправильной общей линии журнала по вопросам мировоззрения, так и в неправильном подходе к решению задач, выдвинутых стахановским движением.

Журнал «СОРЕНА» посвятил стахановскому движению несколько общих статей. Не отрицая полезности общих статей, мы считаем, что основная задача журнала «СОРЕНА» должна была заключаться в конкретной борьбе за стахановское движение по отдельным отраслям науки и техники. Но этого, как уже сказано, не было.

Общие же статьи по вопросам стахановского движения, помещенные в журнале «СОРЕНА»,— это следующие: передовая «За научное обслуживание стаха-

новского труда» в № 9 за 1935 г.; передовая инженера Арманд «Стахановское движение и наши научные институты» в № 10 за 1935 г.; доклад тов. Чубаря «Речь товарища Сталина на 1-м всесоюзном совещании стахановцев и задачи работников науки» в № 1 за 1936 г.; передовая в № 2 за 1936 г. «Нормы стахановского производства»; передовая «Программа стахановского года» в № 3 за 1936 г.; и в № 6 за 1936 г. помещено начало статьи В. П. Красовского «Проблемы технических норм».

Кроме этого были еще напечатаны в № 5 за 1936 г. доклад академика Кржижановского на мартовской сессии Академии наук о плане работ Академии наук на 1936 г., доклад академика Губкина на Всесоюзной отраслевой конференции управляющих, главных инженеров и стахановцев системы ГГУ (тот же № 5 за 1936 г.) и небольшие информационные сообщения о стахановском движении в отдельных институтах, помещенные в №№ 1 и 5 за 1936 год.

Мы не будем останавливаться на статьях тов. Чубаря, академиков Кржижановского и Губкина; помещение этих статей является большим плюсом для журнала «СОРЕНА». Обратимся, однако, к статьям, являющимся продукцией коллектива работников журнала «СОРЕНА». В журнале помещен ряд таких статей, посвященных стахановскому движению.

Наиболее деловой, конкретной и правильной из этих статей является статья инженера Арманд. Остальные статьи изобилуют самыми общими фразами и крайне странны по их теоретической ориентации.

Так, редакционная передовая статья в № 2 за 1936 г., посвященная вопросу о нормах стахановского производства, начинается эпиграфом, который взят не из выступлений вождя и вдохновителя стахановского движения товарища Сталина, не из выступлений других руководителей партии и правительства, не из выступлений самих стахановцев, не из выступлений орденоносцев-ученых, а из «Нового органона» Бэкона. Какие бы интересные высказывания ни встречались в работах Бэкона, все же крайне странно, что журнал «СОРЕНА» связывает с именем Бэкона стахановское движение, развернувшееся в период социализма в СССР! При всех талантах Бэкон был апологетом буржуазных отношений и не мог и не может быть авторитетом по определению норм стахановского производства. Ссылка на Бэкона говорит о том, что руководство журнала «СОРЕНА» подходит к вопросу о нормах стахановского движения более чем академично, книжно. Не удивительно, что в рассматриваемой передовой встречаются такие, например, заумные по стилю формулировки: «Еще недавно «предельчество», как едкая щелочь, пропитывало всю гигантскую сеть технических измерителей, вырастая в новоявленную научно-техническую «схоластику», ставшую тяжелыми путами для дальнейшего технического развития» (стр. 3). Тут и едкая щелочь и схоластика, «ставшая» путами, и т. д.

Такая же история с эпиграфом повторяется в статье В. П. Красовского, посвященной специально «проблеме технических норм». Красовский эпиграфом взял две цитаты: одну — из Гегеля, а другую — из Герцена. И Гегель и Герцен — почтенные мыслители, но с каких пор они стали авторитетами по техническим нормам?!

Неспособность руководства журнала «СОРЕНА» конкретно решать проблемы, выдвинутые стахановским движением, наглядно сказывается, помимо уже указанного, на трактовке проблемы технических норм в только что цитированной статье.

Как всем известно, новые технические нормы вызваны были к жизни стахановским движением. Стахановское движение — новый, высший этап социалистического соревнования, опирающийся на новую технику, производящий революцию в производстве, производительности труда. Стахановское движение является движением социалистическим, движением свободных тружеников, движе-

нием, укрепляющим социализм, создающим условия зажиточной, культурной жизни всех тружеников, движением, которое несет в себе зачатки ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом.

Стахановское движение, стахановские методы труда по своей социальной природе вкорне противоположны формам труда в условиях капиталистического производства, базирующегося на эксплоатации рабочего капиталистом. Нелепо было бы не видеть этой коренной разницы стахановских форм труда при рассмотрении проблемы норм производительности.

Тем не менее В. П. Красовский, автор статьи «Проблема технических норм», помещенной в № 6 журнала «СОРЕНА» за 1936 год, подходит к решению вопроса о технических нормах вне рассмотрения социалистического характера стахановского труда. Автор начинает свою статью так:

«В трех основных формах идет могучий бродильный процесс в современной инженерии. Это, крутая ломка принципиальных методологических установок старой науки — ее «гносеологии» предельчества, технического детерминизма, отрицающего полезность и обязательность творческого вмешательства технических кадров в технологический процесс; ее статистического об'ективизма и бесстрастной созерцательности, облаченной в сложные математические уборы. Это — пересмотр и шлифовка всех частных измерителей и коэфициентов отдельных технических дисциплин — в теории резания, в сопротивлении материалов, в производственной химии, в технологии горного дела, в системе тяговых расчетов на железных дорогах, в научной эксплоатации резервов электростанций, где происходит подлинное омолаживание всей сети норм оборудования, паспортных данных, условий технологических режимов, норм выработки. Это, наконец,— растущая связь технических норм с формами экономического стимулирования, когда происходит тщательное уточнение заработной платы, ее совершенствование и все большее приспособление к охвату наиболее сложных и тонких технологических процессов и работ» (№ 6 за 1936 г., стр. 53—54).

Этим автор и ограничивает рассмотрение «форм бродильного процесса» в области технических норм. Если отвлечься от «шлифовки измерителей и коэфициентов» и от всей словесной трескотни, то перед нами ясно обнаружится игнорирование социалистического существа движения, приведшего к пересмотру технических норм, игнорирование коренного различия условий, в которых изменялись и изменяются нормы в капиталистическом обществе и обществе социалистическом.

Дав определение форм «могучего бродильного процесса», Красовский берется за историческое рассмотрение вопроса. Он анализирует особенности генезиса технических норм. Для этой цели он рассматривает формирование ранних элементов современного нормирования в пору расцвета промышленных мануфактур и возникновение элементов научного нормирования в процессе роста и распространения крупного производства. При этом автор цитирует ряд книг, в которых дается теория «нормировочного предельчества» в современном капиталистическом производстве. Он с претензией на ученость говорит о медленном и постепенном созревании технического нормирования и пр., но совершенно забывает о том, что капиталистическое нормирование выросло в борьбе капиталистов с рабочими, что без рассмотрения конкретных моментов классовой борьбы нельзя понять и тех теорий авторов, которые цитирует Красовский. Поэтому и получается, что работы товарища Сталина Красовским цитируются наряду с писаниями Зомбарта и других апологетов капиталистического производства.

Коротко говоря, В. П. Красовский забыл классовую борьбу, в условиях которой возникали технические нормы в капиталистическом производстве, не понял политического смысла борьбы за стахановские нормы производства в условиях СССР. Поэтому не удивительно, что им взяты в качестве эпиграфа цита-

ты из Гегеля и Герцена. Эти цитаты гласят: «Мир нигде не заколочен досками» (Гегель); «Кто лучше и постояннее исполняет свои законы, как не природа, а между тем она беспрерывно старается перейти, нарушить законы и, где только может, переходит; явись только возможность, природа сейчас освобождается от вековых условий, от status quo. Леверье сказал о природе то, что Прудон сказал об истории,—и оба правы: c'est une revolution en permanence» (Герцен) (№ 6 за 1936 г., стр. 53).

По Красовскому, получается, что смена технических норм есть иллюстрация того общего положения, что природа «беспрерывно старается перейти, нарушить законы». Но это такой рецидив претенциозного упрощенчества, механистического перенесения представлений о природе на общество, с которым нужно решительно бороться.

Таков теоретический подход к решению единственной проблемы, которую журнал «СОРЕНА» попытался конкретно решить на своих страницах в связи со стахановским движением. Этот подход ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом.

Если подвести итоги всего изложенного выше, то мы должны сказать, что у журнала «СОРЕНА» по линии философии, по линии общих вопросов техники и науки большевистская, марксо-ленинская линия была подменена раболепием перед махизмом некоторых физиков-идеалистов, пропагандой бухаринского извращения марксизма и антимарксистским подходом к решению тех задач, которые являются основными для журнала «СОРЕНА».

В результате отсутствия у руководства журнала «СОРЕНА» выдержанной большевистской линии этот журнал не мог должным образом использовать и тех ценных и компетентных авторов, которые выступали на страницах журнала «СОРЕНА». Ни одной проблемы руководство этого журнала, как уже сказано, не поставило на обсуждение. Многочисленные статьи по вопросам техники не отвечали актуальным требованиям социалистического строительства; они помещались в информационном академическом порядке. Поэтому они не мобилизовали массу научно-технических работников. В то же время эти статьи по вопросам техники тонули в большом количестве статей, посвященных общим вопросам теоретического естествознания, вопросам топологии, теории относительности, квантовой механики, космического излучения, вопросам о размерах и возрасте вселенной, о масштабах времени, о физиологическом времени и т. д. и т. п. Руководство журнала «СОРЕНА» придавало одинаковое значение всем этим проблемам наравне с проблемами техническими.

Печатая пестрый калейдоскоп статей на теоретические темы, руководство журнала «СОРЕНА» придерживалось ложной точки зрения, заявляя, что «наука никогда не бывает надземным эфиром» (программная статья в № 1 за 1931 год), что «любая — даже самая абстрактная — дисциплина имеет совершенно определенное жизненное значение в ходе исторического развития» (статья Н. И. Бухарина в том же номере, стр. 14).

Такой подход к теориям естествознания неисторичен. Мы знаем, что, например, в наше время немало биологов укрывается за ширмой теоретических схем генетики, дабы избежать участия в практическом решении вопросов сельского хозяйства. Немало труда пришлось потратить при помощи и под руководством партии академику Лысенко, чтобы разоблачить и вытащить на свет некоторых из этих горе-теоретиков. В руках же фашистов одностороннее и неправильное понимание генетики является орудием расового угнетения.

Так же в известной степени обстоит дело с теорией относительности, и с квантовой механикой, и с другими теориями естествознания. Каждая из этих теорий может служить и служит подчас прикрытием для людей, которые не хотят участвовать в социалистическом строительстве. «Жизненное значение» тео-

рий естествознания определяется конкретными историческими условиями, и нельзя при определении этого значения ограничиваться абстрактной формулой о зависимости всего от практики.

Исходя из такого ложного представления о роли теоретических учений естествознания, руководство журнала «СОРЕНА» давало на страницах своего журнала место для махистских, антимарксистских, враждебных социалистической практике статей Френкеля, Шпильрейна и других.

Печатая статьи реакционеров о науке, журнал «СОРЕНА» был оторван от передовых кадров естествоиспытателей и техников, от руководящих марксистских теоретических кадров. Даже собственные редакционные кадры в части партийной, собственно говоря, были исключены из орбиты влияния на журнал. Редактор журнала не собирал редколлегии, не рассылал для ее членов никаких материалов. Таким образом, члены редколлегии узнавали о содержании журнала наравне со всеми читателями лишь по выходе очередного номера в свет. Тов. Кольман, член редколлегии журнала «СОРЕНА», неоднократно выступал на страницах «Большевика» и «Под знаменем марксизма» против линии журнала «СОРЕНА» и в работе журнала «СОРЕНА» не принимает участия.

Другой член редколлегии «СОРЕНА», М. Рубинштейн, кроме помещения одной небольшой информационной статьи в № 1 за 1931 год, также никакого участия как автор и, надо думать, как член редколлегии не принимал.

Прошедшие пять лет дают возможность проверить, насколько журнал «СОРЕНА» выполнил свою программу и осуществил свою претензию на руководящее значение в отношении общих вопросов науки и техники.

Факты указывают на то, что журнал «СОРЕНА» не только не является руководящим журналом, но и не сохранил тех позиций, которые он занимал несколько лет назад. В чем корень такого явления? Ведь научные и технические кадры за это время выросли, выросла наука теоретическая и техническая. Вырос и спрос на журналы общего характера. Свидетельством этого служит возникновение журнала «Фронт науки и техники», тираж которого в настоящее время равен 22 000, а одно время подымался даже до 50 000. Тираж старого теоретического журнала «Под знаменем марксизма» последние годы держится на уровне 40 000. Тираж же журнала «СОРЕНА» упал с 20 000 до 5000. Как видим, место журнала «СОРЕНА» среди даже только указанных выше журналов очень скромное, далекое от руководящего.

Причину такого положения с журналом «СОРЕНА» мы склонны видеть в том, что линия журнала «СОРЕНА» не соответствует тем сдвигам, которые произошли у научно-технической интеллигенции.

Действительно, после разгрома вредителей и разоблачения контрреволюционной и интервенционистской сущности среди специалистов, как это показал товарищ Сталин, произошел перелом в сторону активного участия в социалистическом строительстве, в сторону приближения к партии, к марксизму-ленинизму. Из старых специалистов выдвинулось много энтузиастов социалистического строительства, немало из них удостоено высших наград правительством СССР. Многие специалисты стали под знамена коммунистической партии. Марксизм-ленинизм стал изучаться массами специалистов; уже издано изрядное количество литературы по вопросам марксизма-ленинизма в применении к вопросам естествознания и техники; среди авторов немалую долю составляют беспартийные специалисты.

Наконец, и это самое важное, выросли кадры интеллигенции из рабочего класса, кадры, играющие в настоящее время уже решающую роль.

И вот из всей деятельности журнала «СОРЕНА» видно, что он не возглавил, не отразил в своей работе этого движения, но плелся в хвосте, ориентируясь на отсталые, а частью просто на реакционные прослойки научной и научно-

технической интеллигенции. Именно в этом корень того, что журнал «СОРЕНА» не только не завоевал никаких новых позиций, но потерял даже старые.

На примере журнала «СОРЕНА» обнаруживается серьезное неблагополучие на некоторых участках теоретической работы. Это неблагополучие должно привлечь тем большее внимание нашей общественности, что оно распространяется и на некоторые другие участки, например на Институт истории науки и техники, где та же теоретическая линия, что и в журнале «СОРЕНА», привела к провалу всей работы (см. «Правду» от 19 сентября 1936 года).

Критические заметки по вопросу о борьбе вокруг философского наследства Франца Меринга

В развитии философских взглядов Меринга можно наметить три основных этапа. Первый этап был периодом мелкобуржуазного радикализма (1868—1889 гг.), характерной особенностью которого является преимущественное влияние на Меринга материализма Фейербаха, диалектико-идеалистического метода Гегеля и теоретических работ Лассаля. После победы прусско-юнкерского пути развития капитализма (1865—1871 гг.), которая лишила германский мелкобуржуазный радикализм устойчивой классовой и теоретической базы, Меринг все более начинает тяготеть к пролетариату, к социал-демократической партии, к марксизму. Эта тяга к марксизму усиливалась у Меринга отчасти и благодаря его научным интересам. Он был выдающимся историком вообще и в частности в области истории философии и литературы; материализм же Фейербаха и лассальянское идеалистическое об'яснение истории, господствовавшие среди буржуазно-демократических радикалов, не удовлетворяли его.

Второй этап развития философских взглядов Меринга — это социал-демократический этап (1889—1913 гг.), характеризующийся принятием и защитой Мерингом исторического материализма Маркса и Энгельса, их диалектического метода в изучении общественных явлений. Однако в общих вопросах философии и естествознания Меринг и в этот период во многом остается на позициях созерцательного материализма Фейербаха. Причем, кроме ошибок механистического характера, он допускает некритическое отношение к идеалистическому методу Гегеля и Лассаля и идеалистические ошибки в борьбе с неокантианством и махизмом.

Так, в рецензии на книгу «Основные вопросы марксизма» Плеханова Меринг заявлял (1910 г.), что он и Плеханов в области философии и естественно-научных взглядов оставались на позициях Фейербаха и механистического материализма. Меринг ошибочно утверждал, будто Маркс и Энгельс тоже оставались на фейербахианских позициях по вопросам философии. Меринг писал:

«Маркс и Энгельс всегда оставались в области философии на точке зрения Фейербаха, поскольку они не углубили и не расширили ее перенесением марксизма в область истории; короче говоря, они в естественно-научной области оставались механистическими материалистами, как в области общественных наук они являются историческими материалистами. Плеханов доказал это гораздо детальнее, чем это сделал я, так что здесь не остается ничего прибавить»[1]).

Фейербахианские ошибки у Ф. Меринга, которые сам Ф. Меринг называл механистическими по ряду вопросов, дали повод многим критикам Ф. Меринга утверждать, что Меринг вообще не является марксистом, хотя бы даже и непоследовательным. Между тем философию Меринга нельзя огульно

[1]) Ф. Меринг «Нейе цейт», стр. 552. 1910.

превращать целиком в механистическую ревизию марксизма. Это идет вразрез с существом дела и с оценками Меринга Энгельсом и Лениным. Известна очень высокая оценка Энгельсом и Лениным работы Меринга «Исторический материализм», данная приложением к «Легенде о Лессинге».

Третий период в жизни Ф. Меринга — это был славный спартаковско-коммунистический период (1914—1919 гг.) его теоретической и политической борьбы за советскую Германию и ленинскую теорию и практику классовой борьбы.

К числу заслуг Меринга в пропаганде марксизма, учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата принадлежат:

а) широкое применение им марксистского метода к истории классовой борьбы, к истории литературы, к истории рабочего движения;

б) его борьба с философским идеализмом вообще и в частности с идеалистическим пониманием истории, с неокантианским этическим социализмом.

Ф. Меринг активно защищал материалистические взгляды естествоиспытателей от нападок со стороны философского идеализма (неокантианцев и махистов в особенности), поповщины и идейно-политической реакции. В то же время Меринг разоблачал антинаучный, вульгарно-материалистический подход к анализу общественных явлений, характерный для общественно-политических взглядов Фогта, Молешотта, Бюхнера.

Меринг вел борьбу с гилозоистическими тенденциями в философии и витали-стическо-идеалистическими устремлениями в области естествознания.

Весь философский путь Меринга-марксиста — это путь борьбы с идеализмом. Меринг боролся и с упадочнической философией вымирающих классовых групп и прослоек, боролся с философией Шопенгауэра — Гартмана, с ницшеанством и неокантианством, с махистской ревизией исторического материализма и с расовыми теориями.

Следует отметить также воинствующий атеизм Ф. Меринга, его беззаветную борьбу с прусским абсолютизмом и немецким шовинизмом.

К заслугам Меринга относится также широкая популяризация им работ Маркса и Энгельса, собирание и пропаганда их среди международного пролетариата наряду с пропагандой лучшего из наследства классической немецкой философии и литературы.

Наконец, у Меринга имеется ряд критических заметок, посвященных начавшей развиваться неогегельянской философии. Очень многое из философского наследства Меринга имеет не только большое историко-философское значение, но и сохраняет свое боевое революционное значение для наших дней, особенно в Германии для борьбы с фашистскими теориями.

Ведя активную борьбу против идеализма, Ф. Меринг все же не стоял на последовательных позициях диалектического материализма.

В философских взглядах Меринга имеется много недостатков. Прежде всего в его философских работах сказывается сильное влияние теоретико-познавательных взглядов Фейербаха, которые Меринг нередко был склонен отождествлять со взглядами Энгельса и Дицгена. В борьбе с идеализмом естествоиспытателей Меринг обнаруживал механистическое понимание природных явлений. Меринг не понимал, что метод Маркса вкорне противоположен гегелевскому. Оставаясь в основном на марксистских позициях, Меринг испытывал сильное влияние антимарксистских теоретико-познавательных установок неокантианцев, механистов, махистов, хотя сам вел борьбу против них.

В понимании исторического материализма у Меринга отсутствовало ясное представление об общественно-экономических формациях, с чем было связано его непонимание особенностей эпохи империализма.

Меринг не только не боролся с антиленинскими установками люксембургианства, но в некоторые моменты (до 1905 г.) сам развивал полуменьшевистские взгляды. Так например в вопросе о главном в марксизме-ленинизме, в вопросе

о пролетарской диктатуре, Меринг допускал до революции 1905 г. возможность и мирного завоевания власти пролетариатом, отдавая этим самым дань парламентским иллюзиям многих деятелей II интернационала. Но уже после революции 1905 г. и особенно после 1917 г. Меринг становится на точку зрения активной революционной борьбы за пролетарскую диктатуру, доказывая ее необходимость и борясь с парламентским кретинизмом.

Теоретическую и философскую деятельность Ф. Меринга нельзя отрывать от его политической эволюции — от левого социал-демократизма к коммунизму.

Необходимо сказать, что из всех левых социал-демократов наиболее последовательную позицию по отношению к центристам, к империалистической войне и к большевизму занимал семидесятилетний Франц Меринг.

Ф. Меринг стал в первую шеренгу революционного пролетариата, шедшего за Лениным. Ф. Меринг уже 3 июля 1917 г. в статье, посвященной Кларе Цеткин, противопоставляет революционность и непримиримость Клары отступничеству, предательству социал-демократических вождей.

Он понимал вред иллюзий буржуазного парламентаризма. В этом отношении Ф. Меринг окончательно разорвал с лассальянскими традициями, по которым «право всегда должно быть выше силы». Меринг после февральской революции активно выступал в защиту пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Меринг заявлял, что февральская революция победила лишь наполовину, ибо «с царизмом не был низвергнут империализм... Кто до известной степени знаком, — писал Ф. Меринг, — с историей революций, тот не будет введен в заблуждение медовым месяцем этой революции. Окончательная победа, однако, остается за пролетарской революцией».

Ф. Меринг глубоко верил в силы революционного пролетариата.

Во всех вопросах, возникших в острой обстановке 1917 г., Ф. Меринг приближался к большевистским взглядам.

Ф. Меринг сумел оценить социалистический характер и всемирноисторическое значение Октябрьской революции и роль Ленина. Когда социал-демократия выдвигала против Октябрьской революции и большевизма меньшевистский довод, что для победы русской революции нет об'ективных предпосылок, что производительные силы России еще не созрели для социалистической революции, Ф. Меринг, отвечая, писал:

«Революцию нельзя рассчитать, как дважды два, осуществление диктатуры пролетариата является первым делом для успеха социализма».

В 1918 г. Ф. Меринг как искренний друг Советской России писал: «Мы видим сквозь ночные грозовые тучи занимающуюся утреннюю зарю нового дня. Если большевики удержатся у власти, их подвиги будут благословляться рабочим классом всего мира, а если об'единенной реакции удастся свалить большевиков, рабочий класс будет отброшен на долгие десятилетия назад» [1]).

Ленин по заслугам ценил эту деятельность Ф. Меринга и его политические позиции. В своей статье «Крах II интернационала», написанной в 1915 г., Ленин писал:

> «Пусть немецкое правление партии... предает проклятию новый журнал Меринга и Розы Люксембург («Интернационал») за правдивую оценку Каутского»... «Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой». «Единственно правильный тон взяли в «Интернационале» Меринг, Роза Люксембург и их сторонники, третируя Каутского и К°, как самых презренных суб'ектов» [2]).

Ф. Меринга, К. Либкнехта, К. Цеткин, Р. Люксембург и их единомышленников Ленин считал надежными друзьями советской республики, а в октябре

---

[1]) Меринг «Милитаризм». 1918.
[2] Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 242, 260, 264.

1916 г. во время империалистической войны Ленин говорил о них, как о неизменно остающихся на своем посту [1]).

На IV конференции профсоюзов 4 июля 1918 г. Ленин с чувством глубочайшего удовлетворения говорил о Ф. Меринге, «который теперь в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно поняли социализм только большевики» [2]).

То же самое говорил Ленин и на V с'езде советов (5 июля 1918 г.) [3]).

Вместе с тем Ленин и Сталин никогда не замалчивали ошибок Р. Люксембург, Ф. Меринга и др. Ошибки Р. Люксембург и других левых социал-демократов, как на это указывали Ленин и Сталин, помогали центристам, оппортунистам, меньшевикам, троцкистам.

Ленинизм ведет непримиримую борьбу с люксембургианством. Ленинизм ведет также борьбу и с ошибками Ф. Меринга в области философии.

Однако, критикуя все ошибки Ф. Меринга, революционный пролетариат всегда будет высоко ценить борьбу Ф. Меринга за революционный марксизм.

Ф. Меринг, указывал Ленин, человек не только желающий, но и умеющий быть марксистом [4]). Также и товарищ Сталин подчеркивает, что у левых социал-демократов имелись не только серьезные ошибки. «Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела» [5]).

Борьба за правильную оценку философских взглядов Меринга имеет поэтому важное значение для борьбы с происками врагов ленинизма.

Меньшевизм в лице Каутского и Рязанова предпринял атаку на Меринга еще в 1913 году. Публикуя статьи ренегата Д. Рязанова в «Нейе цейт», Каутский доказывал, что Ф. Меринг якобы протаскивает под социал-демократическим флагом анархические взгляды.

Рязановская линия в оценке философского наследства Ф. Меринга продолжалась и меньшевиствующими идеалистами, в том числе и Г. Баммелем.

Г. Баммель в своем предисловии к избранным философским работам Франца Меринга («На страже марксизма». Гиз, 1927.) считает оценки Д. Рязанова и А. Деборина критерием для правильной характеристики механицизма Ф. Меринга (предисловие Баммеля, стр. 11—18). С другой же стороны Баммель не прочь согласиться с ошибочными утверждениями Ф. Меринга о том, что «Нейе цейт» никогда не шла по ложному пути» (стр. 7).

Какую общую оценку дает Баммель философии Ф. Меринга?

Он оценивает ее как механистическую ревизию марксизма в области естествознания. «В борьбе с идеализмом Меринг не находил лучшего оружия, как механистический материализм» (стр. 13), — пишет Баммель, не соглашаясь таким образом с ленинской оценкой Ф. Меринга как человека, «умеющего быть марксистом» [6]).

Как же, по мнению Баммеля, необходимо понимать марксизм?

«Маркс и Энгельс,—пишет Баммель,—углубили и расширили точку зрения Фейербаха... материалистически истолкованной гегелевской диалектикой» (стр. 16).

Иными словами, сам Баммель в согласии с Рязановым и Дебориным дает антиленинское понимание марксистской философии (углубленная философия Фейербаха, соединенная с диалектикой Гегеля).

С таких позиций меньшевиствующего идеализма нельзя защищать диалектический материализм и нельзя правильно подойти к критике мерингговских ошибок, хотя бы в этом деле Баммелю и «давал ценные указания, облегчавшие выполнение задачи, Деборин» (стр. 18).

---

[1]) XVII ленинский сборник, стр. 336.
[2]) Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 94.
[3]) Там же, стр. 131.
[4]) Ленин. Соч. Т. XIII, стр. 290.
[5]) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 472. 10-е изд.
[6]) Ленин. Соч. Т. XIII, стр. 290.

Но наряду с этим находятся отдельные «теоретики», которые пытаются оправдать ошибки Ф. Меринга и Р. Люксембург.

Вместо того чтобы раскритиковать антиленинскую методологию Р. Люксембург, ближайшего друга Фр. Меринга, Радек писал в 1924 году, что книга Р. Люксембург «О накоплении капитала» дает глубоко продуманную своеобразную теорию империализма. Значение Люксембург в будущем, когда собрание ее сочинений окажет свое воздействие на широкие круги коммунистов и они усвоят дух этих произведений. Мы не выпустим этих произведений из рук. Роза — самый глубокий теоретический ум коммунизма. Ее произведения — школа коммунизма, не в отдельных частных выводах, а в своем методе.

Занимая враждебные ленинизму позиции, Радек протаскивает свое антибольшевистское положение, — что не благодаря уничтожающей критике со стороны марксизма-ленинизма, а якобы «под ударами Люксембург ревизионизм рассыпался, показал свое истинное лицо безыдейного эклектизма».

Троцкистские контрабандисты вроде Слуцкого, Альтера и др. в борьбе с ленинизмом «и в пропаганде» «центризма» пытались использовать имя великой коммунистки для защиты ее ошибок, для оправдания ряда каутскианско-троцкистских установок. Они поступали в этом случае по примеру ренегата Каутского, Леви и Абрамовича, спекулирующих на ошибках левых в немецкой социал-демократии.

Тот же самый Альтер, который реабилитировал довоенное каутскианство, использовал имя Розы Люксембург для протаскивания троцкизма в СССР.

В своей книге «Роза Люксембург в борьбе с реформизмом» он утверждал, что Роза «первая поставила вопрос о большевизации западной социал-демократии». А в своей ревизионистской статье («ПЗМ» № 4—5 за 1931 г.) Альтер вопреки прямым указаниям Ленина доказывал, что Роза «никогда не отступала от учения Маркса о крушении капитализма» и правильно оценила характер империализма (стр. 216). Люксембургианцев Альтер называет «последовательными интернационалистами» (стр. 217). Получалась такая картина, что между люксембургианством и ленинизмом якобы нет никаких различий.

Извращенное представление о Мерингe пропагандируют зарубежные ренегаты коммунизма вроде, например, Тальгеймера и Брандлера.

Так, Тальгеймер, который (вместе с Брандлером) своей оппортунистической политикой немало способствовал поражению немецкой революции в 1923 г., превратился в ренегата и повел борьбу против Коминтерна и ВКП(б), одновременно продолжает спекулировать именем Ф. Меринга.

Философские взгляды Меринга Тальгеймер об'являет последовательным диалектическим материализмом, ничем не отличающимся от учения Маркса и Энгельса. «Меринг, ортодоксально мыслящая голова, у него все с начала до конца пронизано диалектическими основами»,— писал Тальгеймер в своем введении к историко-философскому тому собр. соч. Меринга [1]). Мы уже указывали на философские ошибки Меринга. Тальгеймер считает все эти серьезнейшие ошибки Меринга лишь «терминологическими», несущественными, а слабость Меринга в общих вопросах диалектического материализма он превратил как раз «в силу Меринга».

Такое превращение философских ошибок Меринга в сильную сторону его философии, превращение Меринга в последовательного, ортодоксального диалектического материалиста понадобилось Тальгеймеру, оказывается, для того, чтобы доказать «равноценность Меринга Розе Люксембург», а затем поставить их обоих в один ряд с Марксом и Энгельсом.

Тальгеймер писал свое предисловие и послесловие к философскому тому полного собрания сочинений Меринга, сознательно борясь против ленинского этапа в развитии философии марксизма.

---

[1]) Берлин, апрель, 1931 г., стр. 6.

Прикрываясь именем Меринга, отстаивая его ошибки, ренегат Тальгеймер ведет борьбу против ленинизма. Когда Тальгеймер говорит о философских взглядах Меринга, он замалчивает роль Ленина в борьбе против ревизионизма и идеализма: Тальгеймер заявляет, что только Ф. Меринг в единственном числе выступал против эмпириокритицизма. При этом Тальгеймер замалчивает идеалистические срывы самого Меринга в борьбе с идеализмом вообще и махизмом в особенности.

Конечный вывод Тальгеймера таков: «...материалистическая диалектика развивалась и популяризировалась Рингом, Лафаргом, Лабриолой, Плехановым и Лениным». Характерно, что Тальгеймер отнес Ленина лишь к «популяризаторам марксизма», да и то на последнее место! На первом месте у Тальгеймера оказался Меринг. Как и полагается ренегатам, Тальгеймер много распространялся на словах о борьбе с каутскианством и неогегельянством, а на деле совершенно игнорировал ленинский этап в развитии философии марксизма.

Само собой разумеется, что большевистская критика философских взглядов Меринга должна вестись в тесной связи с учетом истории внутрипартийной борьбы во II интернационале. Нельзя в критике левых социал-демократов скатываться до отождествления их с каутскианством.

Пример такой левацкой критики взглядов Меринга дал Курт Зауэрлянд [1]). Своим односторонним, антидиалектическим подходом к критике левых социал-демократов Зауэрлянд совершил целый ряд левацких загибов, льющих воду на мельницу фашизма и вызывавших восторги социал-демократических газет, например пражского «Социал-демократа» (30 октября 1932 г.) и др. Курт Зауэрлянд взял взгляды Меринга антиисторически, оторвал их от той классовой и внутрипартийной борьбы, которая все время велась во II интернационале. Зауэрлянд отождествил левых социал-демократов с центристами и обнаружил в особенности у Меринга «бернштейнианский разрыв между теорией и практикой». Зауэрлянд охотно отдает Меринга целиком социал-демократам, а Каутского характеризует как «более марксиста чем Меринга».

Зауэрлянд пишет, что якобы Меринг даже не понимал, что «диалектика является теоретической основой марксизма» [2]). Зауэрлянд все ставит наголову для того, чтобы на следующих страницах «подстричь под одну гребенку» Бернштейна, Каутского и Меринга.

При этом оказывается, что спасти положение может не кто иной, как сам Зауэрлянд, так как он в своей работе «поставил своей задачей восстановление подлинного марксизма и изложение его на высшей ступени» [3]).

Впрочем, хорошо, что это «восстановление» марксизма в положительной форме Зауэрлянд отложил до... следующего тома, но в этом томе он уже свел счеты с «разрушителями» марксизма... вроде Меринга. В зауэрляндовском освещении мы не увидим Меринга в роли воинствующего материалиста, а, наоборот, Меринг беспрерывно впадает в идеализм в области философии и т. д. [4]).

Не было таких идеалистических направлений, в сети которых не попал бы, по Зауэрлянду, Меринг; последний, оказывается, был в партии проводником неокантианства, махизма и т. д. [5]). Даже против лозунга «Назад к Канту» Меринг якобы боролся с идеалистических позиций. В борьбе с неокантианским ревизионизмом и махизмом Меринг, если на слово поверить Зауэрлянду, «колебался туда и сюда». «Его философский материализм был фальшивым и антимарксистским» [6]).

---

[1]) Зауэрлянд «Диалектический материализм». Берлин. 1932.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 3, 5.
[4]) Там же, стр. 156.
[5]) Там же, стр. 156.
[6]) Там же, стр. 162.

Такая вульгарная, отрицательная оценка философских взглядов Меринга вкорне противоречит существу дела, высказываниям Ленина о Меринге и льет воду на мельницу Каутских и К°. Механистические ошибки Меринга в области естествознания Зауэрлянд утрирует до такой степени, что Меринг из марксиста (который, по Ленину, «не только хочет», но и умеет быть марксистом) превращается в «эклектика, механиста и вульгарного материалиста с сильными идеалистическими элементами».

Зауэрлянд по отношению к Рингу уже в 1932 г. повторил почти то же, что сделал по инициативе Каутского Рязанов, который в статьях «Нейе цейт» [1]) превратил Меринга в лассальянца и анархиста.

На этот выпад Каутского и Рязанова Меринг отвечал очень резко. История показала, какова в действительности «ортодоксия» Рязанова и Каутского.

Выступивший с резкой критикой против Зауэрлянда Юлиус Альпари обрушился против односторонней антидиалектической оценки Зауэрляндом Меринга. Однако в полемике с Зауэрляндом Альпари допускает в ряде мест примиренческое отношение к теоретическим ошибкам левых социал-демократов, отказ от исчерпывающей критики их ошибок и недооценку идеологического фронта классовой борьбы, а самое главное — непонимание принципиальных установок Ленина и Сталина по некоторым вопросам. Юлиус Альпари совершенно неверно утверждает, что основная ошибка Розы Люксембург будто бы заключалась лишь в том, что она «ставила вопрос о революции неконкретно», а вот Ленина, мол, выручал, по словам Альпари, его «революционный реализм»!! Альпари об'ясняет это тем, что Роза Люксембург и Ленин действовали в разных условиях. Такое решение вопроса является явно ошибочным.

Роза Люксембург по ряду важнейших вопросов находилась в идейном плену механистической ревизии марксизма и после Октябрьской революции. Борьба Розы с ленинизмом вытекала из ошибочного понимания сущности марксизма-ленинизма. Альпари пытался изобразить люксембургианство и ленинизм как разные ступени в развитии марксизма, смазывая тем самым принципиальную разницу между полуменьшевистской концепцией Р. Люксембург и большевизмом.

Альпари не понял роли большевизма на международной арене. Если поверить Альпари, то получается, что центризм в Германии был «еще до войны разоблачен до конца по почину Розы Люксембург».

По отдельным же вопросам Ю. Альпари справедливо защищает Ф. Меринга от зауэрляндовских голословных обвинений, например от обвинения Меринга в «беспартийности при решении религиозных вопросов и мировоззренческих дел», и доказывает, как активно Меринг боролся с различного рода идеализмом.

Однако Альпари «забывает» при этом непоследовательность и идеалистические срывы самого Меринга, которые нужно не замазывать, а последовательно критиковать с ленинско-сталинских позиций.

Если Зауэрлянд считает Ф. Меринга сплошным ревизионистом, то Альпари не видит ошибок Меринга и превращает последнего в ортодоксального марксиста.

Неисторическая, огульная отрицательная характеристика Ф. Меринга неверна по существу и по форме. Она никак не вяжется с той высокой оценкой, которую дал Энгельс взглядам Меринга на материалистическое понимание истории, проведенное в книге «Легенда о Лессинге». Ленин также рекомендовал читать эту книгу Меринга, относя ее к числу лучшей литературы по историческому материализму.

У Меринга, конечно, имеется ряд механистических и даже идеалистических ошибок и срывов. Но они все же не дают права целиком отказываться от философского и политического наследства Меринга, не дают права утверждать, что якобы «Меринг — механист, агностик, позитивист», как это сделал Б. Чагин в своей

[1]) «Нейе цейт» № 63 за октябрь 1913 г., стр. 250.

работе о Мерингe («Философские и социологические воззрения Франца Меринга». Огиз. 1934).

Б. Чагин так представляет себе различие между К. Каутским и Ф. Мерингом: «...в то время как для Каутского марксизм вполне соединим с философским идеализмом, для него (Ф. Меринга. — **А. Г.**) марксизм обретает свою философскую основу в механистическом материализме» (стр. 249).

Чагин игнорирует то обстоятельство, что Меринг в целом ряде своих работ клал в основу своих философских высказываний классические работы по диалектическому материализму: «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах»—и к ним всегда отсылал своих читателей за разрешением основных вопросов философии марксизма.

А с другой стороны, т. Чагин обвиняет Меринга в лассальянстве (стр. 18); в то же время, по Чагину, Меринг стоял к последовательному марксизму ближе чем Плеханов (стр. 20).

Здесь явно не сведены концы с концами.

Чагин отмежевывается от Зауэрлянда только по той линии, что он не считает Меринга «простым последователем Каутского» (стр. 13), но на самом деле и Зауэрлянд и Чагин дают неправильную оценку философскому наследству Меринга.

Чагин берет за одну скобку философские взгляды всех «левых», в том числе Франца Меринга и Розы Люксембург, и об'единяет их общей философской платформой механицизма. Между тем Ленин и Сталин, критикуя левых социал-демократов за общие ошибки, учили нас в то же время и различать особенности каждого из них.

Нельзя одним росчерком пера и выхватыванием отдельных цитат, по-зауэрляндовски, разделываться с Мерингом, проделавшим такой своеобразный и длинный путь философской эволюции к революционному марксизму.

Меринг, по т. Чагину, «целиком и полностью приемлет механистический материализм, за исключением области общественных явлений» (стр. 62).

Мало того, т. Чагин пишет, будто бы «Меринг без всякого боя сдает все позиции в области естественных наук идеалистическим противникам марксизма, а в области философии усваивает позитивистскую точку зрения» (стр. 67).

Итак, Меринг, по Чагину, — механист, идеалист, позитивист. Между тем Меринг не был механистом в современном смысле этого слова. Меринг — воинствующий марксист несмотря на все его ошибки. Он активно, талантливо и остро боролся с современной ему идеалистической философией, хотя и не разглядел реакционной сущности махистской философии, введенный в заблуждение писаниями махиста Богданова в «Нейе цейт» о положительном отношении русских большевиков к этой философии.

Точно так же нельзя Меринга превращать в агностика и утверждать, подобно Чагину, что «Мерингу чужда марксистская теория отражения. Он стоит на почве агностицизма» (стр. 73), что будто у Меринга мы имеем «неприкрытую защиту Канта от Энгельса, а следовательно — прямую ревизию философии марксизма в вопросах теории познания» (стр. 76).

В свое время Меринг на подобного рода голословные обвинения (со стороны Рязанова) ответил следующее:

«Даже две или три ошибки, которые он (Рязанов.—**А. Г.**) старался выудить у меня, извращая мои слова или чрезмерно раздувая вкравшиеся по недосмотру несущественные погрешности, не имеют ни малейшей связи с тем, что для меня было наиболее важно по существу. Его задачей было выставить меня человеком, у которого нет ни надлежащих познаний, ни способности суждения, ни даже доброй воли к тому, чтобы иметь право высказать по существу свое мнение о Марксе. В его изображении я напоминал те вымазанные киноварью рожи, которые вывеши-

ваются на балаганах, в то время как зазыватель стоит перед ним и кричит: «Посмотрите, что за уродина!» [1]).

«Два сионских стража марксизма» (Каутский и Рязанов) обвинили Меринга во вражде к марксизму, а «теперь мы видим», писал в 1918 г. Меринг, что эти «попы марксистского прихода», по три, по четыре десятка лет высиживающие каждую запятую в сочинениях Маркса, теперь, в тот исторический момент, когда они могли бы и должны были бы действовать, как Маркс, на самом деле лишь вертятся вокруг своей собственной оси подобно скрипучим флюгерам».

Меринг не был таким «скрипучим флюгером». Он обладал боевой натурой марксиста; он в самый трудный для международного пролетариата и пролетарской революции момент пришел к Ленину и стал горячим защитником большевиков, а затем и членом коммунистической партии. Сбылись мечты Меринга:

«Горячее дыхание русской революции растопило многие бронзовые твердыни, мнящие себя незыблемыми. И от великих дел пролетарской революции дипломаты перестали смеяться и у филистеров революции вытянулись лица».

Острое перо Меринга, вскрывшего в свое время идейное и политическое убожество шовинизма и прусской военщины, мужественная защита Мерингом диктатуры пролетариата, советской республики, открытое признание им международного значения большевизма имеют большое историческое значение.

Товарищ Сталин с предельной ясностью дал нам классическую оценку левых в Германии (следовательно, в том числе и Ф. Меринга); эта оценка вносит исчерпывающую ясность в вопрос о том, как мы должны относиться к их философскому наследству.

Товарищ Сталин писал:

«Конечно, у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела... Именно поэтому и считались с ними большевики, как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков» [2]).

А. ГАГАРИН

---

[1]) Меринг «Карл Маркс, его жизнь и деятельность», стр. 448. Москва. 1934.
[2]) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 472. 10-е изд. 1934.

Новая английская книга о диалектическом материализме

Т. А. ДЖЕКСОН. Диалектика, логика марксизма, и ее критики. Опыт исследования. Лондон. Издательство Лоуренс и Вишарт. 1936.

«Dialectics, the logic of marxism, and its critics. An essay in exploration, by T. A. Jackson. Lawrence and Wischart. Ltd. 1936.

Интерес широких рабочих масс капиталистических стран к марксизму, к марксистско-ленинской философии, к диалектико-материалистической логике возрастает с каждым днем. Огромные успехи социалистического строительства в СССР, с одной стороны, и фашистский террор, усиление военной опасности и полная неуверенность трудящихся капиталистических стран в завтрашнем дне, способствуют росту их революционного сознания, подтверждают правильность учения Ленина—Сталина.

Этот интерес к марксистско-ленинской философии начинают разделять и значительные слои интеллигенции и научных работников. Ярким свидетельством этого является выход в свет книг и сборников, посвященных вопросам диалектического материализма.

К сожалению, законное стремление трудящихся масс ближе познакомиться с теорией марксизма вообще и с вопросами диалектического материализма далеко не всегда получает должное удовлетворение. Явно неудовлетворительное положение в этом отношении в Англии и в Америке. Недостаток теоретических кадров, издательские трудности и т. д. — все это затрудняет братским компартиям англо-американских стран работу по выпуску марксистской философской литературы, которая дала бы развернутое и правильное представление о революционной сущности материалистической диалектики. А между тем имеется потребность не только в популярном изложении основ марксистской философии для самых широких масс, но и в более углубленном изложении ее, в острой критико-полемической форме, что особенно важно для теоретически подкованных рабочих-активистов и интеллигентских кругов читателей. К сожалению, ряд основных теоретических работ марксизма-ленинизма до сих пор еще не переведен на английский язык.

Интерес к марксистской философии используют в своих целях буржуазные и мелкобуржуазные «критики» Маркса, готовые «сочетать» отдельные положения марксизма с любой идеалистической философией (например профессор Мак-Мэррей). Мутный поток якобы марксистских писаний фабрикуется также блудливыми меньшевистско-троцкистскими «теоретиками», вроде Коля, Сиднея, Хука, Макса Истмэна и других, которые всячески фальсифицируют и «исправляют» Маркса и Ленина во имя фашистского выродка Троцкого или его лейбористского покровителя сэра Вальтера Ситрина.

Вышедшая в свет новая, оригинальная работа английского коммуниста тов. Джексона «Диалектика, логика марксизма, и ее критики» заслуживает самого серьезного внимания. Тов. Джексон — не профессиональный философ, не

«теоретик» из лондонского академического квартала Блумсберри, этого сосредоточия английской «высоколобой» интеллигенции. Тов. Джексон — партийный работник, пропагандист, всецело ставящий свою теоретическую работу на службу коммунизму, борющийся против современной реакционной буржуазной мысли и ее меньшевистски-троцкистских подголосков. По этой причине книга тов. Джексона приобретает серьезное философское и политическое содержание и значение.

Его об'емистая книга — свыше 600 страниц — сделает, несомненно, полезное и нужное дело.

Большим достоинством книги тов. Джексона является прежде всего стремление его провести от начала и до конца книги линию воинствующей партийности. Основная теоретическая задача, которую ставит перед собой тов. Джексон, — задача философская: выяснить «то, что придает марксизму его живое единство, а именно метод диалектического материализма» (Джексон. Предисловие, стр. 9). Тов. Джексон твердо помнит основное требование марксизма — единство теории и практики. Тов. Джексон ссылается на известное положение товарища Сталина о «двух группах марксистов», он знает, что «марксистское мировоззрение есть прежде всего теория действия», что нельзя ограничиваться словесным признанием марксизма, а необходимо проводить его в жизнь.

Тов. Джексон стремится поэтому показать, что представляет собой диалектический материализм как метод, рассматривая совокупность теоретических и практических выводов, к которым пришли Маркс и Энгельс с помощью этого метода (стр. 9—11). Философию марксизма он хочет представить в ее теснейшей связи с политической практикой.

Наряду с этим тов. Джексон стремится осуществить в своей книге и другое важнейшее требование марксизма: он в своей книге ведет борьбу на два фронта — с идеализмом и с механицизмом. На протяжении всей своей работы тов. Джексон полемизирует с целым рядом современных англо-американских «критиков» марксизма — с профессором Мак-Мэрреем, Миддльтоном Марри, Постгейтом, Колем, М. Истмэном, С. Хуком и т. п., делая их писания об'ектом своей острой и обстоятельной критики. Кроме того он отводит критике их работ большой специальный раздел в конце книги — своего рода «критику наших критиков».

Все эти черты чрезвычайно оживляют работу тов. Джексона, придают ей большую актуальность, делают ее особенно близкой и интересной английскому и американскому читателю.

Тов. Джексон с большой скромностью оценивает свою книгу: он видит в ней лишь предварительный «опыт», «ни в каком случае не завершенный».

Тем не менее было бы неправильно видеть в работе тов. Джексона лишь элементарное изложение и популяризацию основных положений марксистско-ленинской философии. Работа тов. Джексона интересна тем, что он пытается дать в ней углубленное изложение вопросов философии диалектического материализма, приводя серьезные теоретические аргументы. Тов. Джексон цитирует в своей работе целый ряд философов, общественных мыслителей и писателей. В своей теоретической аргументации тов. Джексон нередко дает интересные, углубленные постановки вопросов в освещении отдельных сторон марксистской философии.

Все это придает книге тов. Джексона, несмотря на то что она трактует вопросы, неоднократно уже освещавшиеся в нашей марксистско-ленинской литературе, определенную свежесть, побуждает с интересом прочитывать целый ряд ее страниц.

Наконец — last but not least, — к несомненным достоинствам книги принадлежат стиль и хороший литературный язык. Тов. Джексон преподносит трудные теоретические положения в живой и понятной форме, сопровождая их конкретными примерами, непрестанно обращаясь к практике естествознания,

к истории, к революционной практике. Со своими противниками тов. Джексон расправляется весьма остроумно, давая им меткую характеристику и убийственную критику, которая делает ясными и понятными для английского рабочего читателя классовые позиции «критиков» марксизма и сущность их теоретической измены марксизму. При этом тов. Джексон находит нужные ему комические и сатирические литературные образы и у Гейне, и у Бернарда Шоу, или у Анатолия Франса, и в известной английской детской сказке о девочке Алисе...

При всех этих достоинствах книга тов. Джексона страдает рядом самых серьезных пробелов и недостатков.

Как мы уже указывали, тов. Джексон стремится проводить в своей работе линию выдержанной воинствующей партийности. В известной мере это ему удается, поскольку он отправляется от основных положений Маркса и Энгельса и, таким образом, пробивает себе путь к правильному пониманию. Но в целом книга тов. Джексона не стоит еще на уровне требований, пред'являемых современным этапом развития марксистско-ленинской философии: она не дает представления о существе ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

Как это можно предполагать, этот основной порок книги тов. Джексона об'ясняется его незнакомством или недостаточным знакомством с современным состоянием марксистско-ленинской философии в СССР и, в частности, с теми проблемами, которые встали в процессе борьбы на два фронта в нашей философской дискуссии 1930 года. Известную роль здесь могло сыграть отсутствие переводов на английский язык ряда работ и выступлений Ленина и Сталина. Кроме того здесь, несомненно, сказалось и то, что тов. Джексон не использовал (очевидно, за отсутствием английских переводов) работ нашего философского фронта, направленных против меньшевиствующего идеализма и механицизма.

Основной порок работы тов. Джексона заключается в том, что философия диалектического материализма не рассматривается им как находящаяся в постоянном развитии, имеющая этапы этого развития. Философия и социальная теория марксизма с появлением тезисов Маркса о Фейербахе, — подробным рассмотрением которых занимается тов. Джексон, — представляются ему как бы застывшими, не подлежащими дальнейшему развитию.

Правда, тов. Джексон говорит о внимательном отношении Маркса и Энгельса к практике рабочего движения, к открытиям науки. Но он совершенно недостаточно останавливается в своей книге на вопросе о том значении, которое имели для дальнейшего развития теории Маркса и Энгельса классовые бои французских рабочих и революционный опыт Парижской коммуны, состояние естествознания 60—80-х годов, успехи и открытия в изучении истории первобытного общества (Морганом и другими) и т. д. Правильно, что основные принципы диалектического и исторического материализма получили свою формулировку уже в работах Маркса и Энгельса 40-х годов (в «Немецкой идеологии», «Тезисах о Фейербахе», «Нищете философии» и других). Но дальнейшее развитие этих принципов, их конкретизация имели место и во всей последующей теоретической деятельности основоположников марксизма. Без «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы», без «Капитала» и «Происхождения семьи, частной собственности и государства» нельзя понять во всем об'еме учения Маркса и Энгельса.

Разумеется, тов. Джексон неоднократно ссылается и на позднейшие работы Маркса и Энгельса и подчеркивает их значение. Однако огромное философское содержание «Капитала», «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» в явно недостаточной степени отражено в работе тов. Джексона, равно как недостаточно освещено значение и всей последующей теоретической борьбы Маркса и Энгельса для философского развития марксизма.

Еще более важное значение для развития философии марксизма имел опыт революционной борьбы рабочего класса в современную нам эпоху империализма

и пролетарских революций, изучение экономики и политики империализма, победа пролетарской революции, победа социализма в СССР, современный кризис естествознания и т. д. Ленин и Сталин подняли философию марксизма на новую, более высокую ступень. Борьба Ленина с суб'ективной социологией народников, с неокантианским, буржуазным профессорским «об'ективизмом» Струве, с махизмом, с ошибками Плеханова, с меньшевизмом, троцкизмом, с каутскианством, с ошибками «левых» социал-демократов, обобщение Лениным новых данных естествознания, критическая, материалистическая переработка им диалектики Гегеля, анализ противоречий современного капитализма и теоретическое обобщение опыта революционных битв рабочего класса (1905 г. и 1917—1920 гг.), опыта диктатуры пролетариата — все эти работы Ленина дают богатейшую разработку и дальнейшее развитие марксизма в целом и, в частности, марксистской философии.

Столь же важное значение для дальнейшего развития марксистско-ленинской философии имеют эпоха бурного социалистического строительства и победа социализма в СССР, осуществленные под гениальным руководством товарища Сталина. Борьба товарища Сталина на два фронта — с контрреволюционной, троцкистско-зиновьевской группировкой и с правым оппортунизмом, — вскрытие их философских основ в лице механицизма и меньшевиствующего идеализма, далее, разработка задач и практическое проведение индустриализации и коллективизации СССР, определение величайших задач культурной революции и развития новой, социалистической культуры, создание Конституции социалистического, бесклассового общества, стахановское движение — все это требовало теоретического обоснования, глубокого освещения и дальнейшей конкретизации всех проблем марксистско-ленинской теории, в частности материалистической диалектики, исторического материализма.

Излагать сейчас философию марксизма, материалистическую диалектику без ленинского этапа ее развития, без выявления всего нового, внесенного Лениным и Сталиным в философию марксизма, — значит дать о ней абстрактное, неполное, явно недостаточное, а следовательно, и неправильное представление. Игнорирование ленинского этапа в развитии марксистской философии было характерно для меньшевиствующих идеалистов в СССР; эта идеологическая «практика» в дальнейшем привела многих из них в лагерь контрреволюции.

Тов. Джексон ссылается в своей работе на Ленина и Сталина. В целом ряде мест тов. Джексон в своей книге приводит отрывки из ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», из его знаменитых заметок о диалектике, из работ о Карле Марксе, об империализме, из «Что делать» и других; он ссылается и на «Вопросы ленинизма» товарища Сталина. Тов. Джексон цитирует известное определение товарищем Сталиным ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, а также слова товарища Сталина об интернациональном значении ленинизма. Он считает «глупым» стремление рассматривать марксизм как замкнутую теоретическую систему, исключающую всякую возможность дальнейшего развития (стр. 408). Он говорит об углублении и развитии далее Лениным учения Маркса о капиталистическом производстве (стр. 484).

Но цитаты и отрывки из Ленина и Сталина приводятся тов. Джексоном главным образом для подтверждения или поясненйя правильности основных положений Маркса и Энгельса. Тов. Джексон не обосновывает и не освещает ленинско-сталинский этап в развитии марксистской философии. Тов. Джексон правильно подчеркивает полнейшее тождество принципов учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Но он совершенно недостаточно вскрывает отдельные этапы развития этой теории, не выясняет сущности ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций.

В книге тов. Джексона не следует искать полного и систематического изложения всех вопросов диалектического и исторического материализма: книга

носит скорее характер очерков по отдельным вопросам марксистской философии, причем изложение ряда проблем не всегда имеет должный последовательный характер и страдает некоторой разбросанностью.

Так например проблема классов и государства с большей подробностью излагается в самом конце раздела о «диалектике революции», несмотря на то что эти вопросы затрагиваются и ранее. Отсутствует в книге обстоятельное освещение вопросов материалистической теории отражения, основных законов диалектики, ровно как и других категорий материалистической диалектики; нет учения марксизма о производительных силах, нет подробного, систематического изложения вопросов идеологии, учения о культуре и т. п., хотя имеются отдельные главки и отрывки, в которых эти вопросы в той или иной мере рассматриваются.

В работе тов. Джексона встречаются нечеткие, а порой и прямо ошибочные формулировки; живой и образный язык автора местами перемежается с тяжелыми и чрезмерно растянутыми рассуждениями (о единстве об'екта и суб'екта и др.).

Остановимся подробнее на отдельных разделах книги тов. Джексона, на освещении им основных вопросов материалистической диалектики.

Автор начинает с предварительных замечаний, которые должны подчеркнуть важность материалистической диалектики как л о г и к и марксистского мышления и действия для выяснения конечной цели, которую ставит перед собой марксизм,— создание бесклассового общества через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. Тов. Джексон совершенно правильно указывает, что понимание целей и средств борьбы рабочего класса предполагает «особое мировоззрение, а это мировоззрение в свою очередь предполагает особую теорию познания..., — одним словом, л о г и к у» (стр. 20).

Однако среди предварительных замечаний и определений, которые дает тов. Джексон, имеется ряд формулировок, вызывающих сомнение и, видимо, недостаточно им продуманных. Так, понятие м а т е р и и тов. Джексон здесь определяет следующим образом: «То, что мы воспринимаем с помощью органов наших чувств, — сущность материальных вещей; то, что бы оно ни было, что, будучи расположено в пространстве, оказывает в большей или меньшей степени сопротивление давлению и обнаруживает движение, воспринимаемое чувствами» (стр. 21).

Совершенно очевидно, что тов. Джексон пытается здесь более детализировать известное, данное Лениным определение материи как об'ективной реальности внешнего мира, существующего независимо от нашего сознания и отражающегося в нашем сознании. Но он делает это явно неудачно, отходя от ленинского определения в сторону механистических и метафизических представлений. В самом деле, что значит это неопределенное выражение: «сущность материальных вещей»? Почему нужно называть лишь один из атрибутов материи — пространство, не указывая на другую форму ее существования — на время, не указывая на основной, «внутренне присущий материи атрибут» (Энгельс)—движение. Зачем понадобилось в определение материи, данное здесь тов. Джексоном, включать «сопротивление давлению»? Ведь тут же, рядом, тов. Джексон приводит известные определения Ленина по вопросу о материи, которые не содержат и тени чего-либо похожего на все эти утверждения Джексона.

Точно так же явно неудовлетворительно определяет тов. Джексон сущность м е т а ф и з и к и в противоположность диалектике. Под метафизикой тов. Джексон понимает «всякий способ мышления», который предполагает, что п о з а д и «физических» качеств, которые мы воспринимаем в материальных вещах — включая сюда наше собственное тело, мозг и его работу, — имеется еще «нечто другое, что н е е с т ь «физическое» (т. е. не «телесное», не «материальное»). Греческое слово «мета», поясняет тов. Джексон, значит «по ту сторону» и дает ключ к пониманию «метафизики» (стр. 22).

Здесь тов. Джексон совершает явную ошибку: в своем определении он прежде всего смешивает метафизическое и идеалистическое воззрение. Стремление ставить материальный, физический мир в зависимость от чего-то невещественного, нематериального — это отличительная черта философского идеализма. Идеалист Гегель видел за материальными вещами проявляющийся в них, по его мнению, абсолютный дух; но он был идеалистом-диалектиком, сделал немало для критики метафизики. А метафизические материалисты XVIII века, хотя они и отрицали всякую нематериальную субстанцию, оставались тем не менее метафизиками, поскольку они не видели процессов развития бытия и не понимали противоречивого характера этого развития. Ведь сам тов. Джексон тут же приводит известное противопоставление диалектического и метафизического метода мышления, данное Энгельсом в «Анти-Дюринге».

В этой предварительной главе у тов. Джексона имеются и другие сомнительные положения. Неуместно и неправильно сравнивать «кокетничанье» Маркса в «Капитале» терминологией Гегеля с приемами атеиста, использующего цитаты из «священного» писания. Основания для такого «кокетничанья» диалектическими терминами Гегеля, как указывает в предисловии к «Капиталу» сам Маркс, были гораздо более глубоки. Точно так же нельзя говорить, что в этой терминологии Гегеля Маркс использовал для революционных целей язык «официальной» буржуазной философии Гегеля (стр. 251). В пору писания «Капитала» Гегель, как известно, был для казенной германской науки уже «мертвой собакой».

В основу рассмотрений последующих проблем автор кладет марксовы «Тезисы о Фейербахе». Следует отвергнуть стремление тов. Джексона обязательно представить эти тезисы расположенными по некоторой схеме: подразделяя их на три последовательных группы, автор находит в таком делении «родство с гегелевским логическим развитием тезиса, антитезиса и синтеза» (стр. 34). Такая якобы диалектическая схема носит отпечаток надуманности, а главное, она абсолютно ненужна для правильного понимания совершенно ясных положений Маркса.

Весь большой первый раздел книги тов. Джексона отведен историческому развитию новейшего материализма и идеализма и их борьбе, вскрытию ограниченности старого, метафизического материализма и выявлению тех теоретических задач, которые должны были подготовить возникновение более высокой формы материализма. Тов. Джексон дает интересный очерк развития новейшей философии в XVIII и начале XIX столетия. Правильно подчеркивает тов. Джексон, что философия Юма и Канта — при всей ее явно идеалистической основе — имела для своей эпохи и некоторое положительное значение: «стимулировала величайшее продвижение вперед в истории философии» (стр. 43, 48, 63 и другие). В частности тов. Джексон отмечает, что философские доводы Юма направлялись не только против старого, метафизического материализма, но и против религиозно-идеалистического учения Беркли о «всеобщем мышлении», против его попыток дать философское обоснование существованию бога (стр. 48).

Неправильно сформулировано тов. Джексоном следующее положение: он считает, что поскольку старые философы-материалисты также имели дело с умственными операциями, с деятельностью мышления, «каждая система материализма имела свое идеальное содержание, содержала в себе фактически особый идеализм, несмотря на все стремления материалистов достигнуть последовательно материалистического истолкования своего предмета» (стр. 41). Что метафизический, механистический материализм не был последовательным материализмом и оставался идеализмом «сверху» в области общественной жизни, это совершенно верно. Но формулировка и аргументация тов. Джексона, в которых «идеальное содержание», «умственные операции» смешиваются с философским идеализмом, здесь явно путаные.

Далее, тов. Джексон останавливается на таких важных проблемах философии марксизма, как критерий практики в теоретическом познании и соотношение

абсолютной и относительной истины. Он остроумно полемизирует с идеалистами-прагматистами.

Характеризуя французский материализм XVIII века, автор останавливается, в частности, на взглядах его виднейшего представителя Гельвеция, принимая во внимание влияние последнего на великого английского утописта Роберта Оуэна.

Тов. Джексон правильно указывает, что деление общества старыми материалистами на активное меньшинство («воспитатели») и пассивное большинство приняло в дальнейшем философском развитии явно реакционный характер. С различными вариациями этот взгляд был воспроизведен в учении Карлейля о героях и толпе. Когда эта концепция «вступила в прелюбодейную связь с социализмом, она породила бакунизм, фабианство и троцкизм...» «Вступив в прелюбодейную связь с неодарвинизмом, она породила Ницше и, наконец, фашизм» (стр. 81). Указания автора на родство философских корней фашизма и троцкизма являются как нельзя более своевременными: они лишний раз свидетельствуют о близком родстве троцкизма с фашизмом не только в контрреволюционной практике, но и по своим теоретическим предпосылкам.

Из недостатков, имеющихся в трактовке Джексоном вопроса о французском материализме, отметим следующие: тов. Джексон не приводит и не раз'ясняет известного и чрезвычайно важного положения Энгельса и Ленина о трех ограниченностях старого материализма. Создается также впечатление, что тов. Джексон недооценивает положительные стороны старого материализма, его важное значение в тот период для развития материалистической теории познания. Французский материализм имел огромное значение для очищения спинозизма от теологических привесков и для выработки материалистической теории отражения. Между тем эта последняя, чрезвычайно важная сторона материалистической философии не получила в книге должного развития. А без материалистической теории отражения оказалась невозможной и последовательная критика кантианского агностицизма, теории «символов» и т. д.

По тов. Джексону, получается, что вопросы теории познания до эпохи Маркса и Энгельса развивались главным образом философским идеализмом (см. также стр. 186). Наконец, тов. Джексон допускает ошибку — уже некогда осужденную Лениным в его замечаниях о книге А. Деборина, — когда он, Джексон, смешивает в одну кучу и агностицизм философии Канта и недостатки старого материализма, приписывая последнему неуменье проводить различие между «потусторонностью» и «посюсторонностью» действительности (стр. 68).

Следуя плану марксовых тезисов о Фейербахе, тов. Джексон отводит следующую главу книги критике религии, в том числе и в ее новейших, «гуманистических» проявлениях. Он цитирует ряд положений из «Сущности христианства» Фейербаха, сопоставляя их с деизмом Вольтера, Т. Пэна и других. Приводя известные положения Маркса из его статьи «К критике гегелевской философии права», из «Капитала», отрывки из «Людвига Фейербаха» Энгельса, тов. Джексон выясняет социальные корни религии в современном обществе. К сожалению, тов. Джексон не использовал здесь знаменитой статьи Ленина «Об отношении рабочей партии к религии», которая является краеугольным камнем нашей коммунистической, антирелигиозной пропаганды. Далее, автор останавливается на буржуазных попытках создать новые «гуманитарные» формы религии, начиная от О. Конта и кончая... Рамсеем Макдональдом; он высмеивает уступки религии, которые делают такие «излагатели» диалектического материализма, как Миддльтон Марри или «монист» Кези...

Последние тезисы Маркса о Фейербахе тов. Джексон использует для критики старых атомистических и идеалистических представлений об обществе. Излагая здесь марксистское понимание общественных явлений, автор, в частности, критикует попытку С. Хука «доказать», что учение Моргана о первобытном обществе, которое подтвердило правильность исторической теории Маркса и Энгельса и по-

служило материалом для книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», уже «устарело». Тов. Джексон правильно показывает, что современные нападки буржуазной археологии и антропологии на теорию Моргана идут или со стороны узких эмпириков или же от католических «антропологов», которые защищают «истины» христианского «откровения».

Говоря о задаче «изменения мира», которую Маркс поставил в своих тезисах, Джексон критикует попытки некоторых лжедрузей ленинизма провести известный водораздел между Марксом и Лениным и доказать, что «Маркс развил теорию, а Ленин привел ее к практике», что будто бы Маркс был лишь мирным академическим теоретиком (Постгейт и другие). В связи с этим тов. Джексон подробно излагает генезис учения марксизма, развитие воззрений Маркса и Энгельса в процессе их революционной практики, выработку ими учения о классовой борьбе и пролетарской революции. Останавливаясь на вопросе о сознательности и стихийности в развитии рабочего движения, тов. Джексон приводит известные указания Ленина в его статье «Что делать» и дает здесь (к сожалению, лишь единственный раз во всей книге) критику позиций Плеханова, «который занял точку зрения механистических вульгаризаторов марксизма» (стр. 157), в этом вопросе.

Последующие главы книги отведены тов. Джексоном «Диалектике природы и истории», то есть систематическому освещению основных проблем диалектического и исторического материализма и диалектике пролетарской революции.

Не имея возможности подробно остановиться здесь на содержании этих глав, отметим лишь некоторые вопросы и, в частности, ошибки, допущенные здесь тов Джексоном.

Так, определение диалектики и сопровождающие его комментарии тов. Джексона не могут быть признаны вполне удовлетворительными. Более того, они оставляют впечатление, что в понимании диалектики и ее основного закона единства противоположностей у тов. Джексона остались еще некоторые неясности. Под диалектикой тов. Джексон понимает «концепцию развития, являющегося результатом единства взаимодействующих противоположностей, — процесса, в котором единство постоянно разрешается в противоречие, а противоречие (действие и противодействие) постоянно вновь разрешается в единстве» (стр. 186). В этом определении тов. Джексон явно не подчеркивает значения борьбы противоположностей, абсолютного характера этой борьбы и относительности их единства. А на этом положении, как известно, особенно настаивал Ленин в своих заметках о диалектике. В другом месте тов. Джексон приводит определение Ленина (стр. 212), но не раз'ясняет его и не раскрывает всей глубины его содержания.

Между тем недооценка этого момента может привести к неправильному представлению о единстве противоположностей как о «примирении» этих противоположностей. Что тов. Джексон сам в отдельных случаях нечужд такого ошибочного представления, явствует из его последующих соображений на той же странице. Он говорит, что в диалектическом материализме одновременно якобы уничтожаются и одновременно сохраняются и старый, механистический материализм и диалектический идеализм (разрядка автора): «Один по своей диалектической форме, другой по положительному содержанию». «Истина» старого материализма была-де в его содержании, «истина» диалектического идеализма — в его форме» (стр. 186).

Такое рассуждение тов. Джексона напоминает старую, давно уже осужденную теорию тов. Деборина о «примирении» в диалектическом материализме старого материализма Фейербаха и диалектики Гегеля.

Значительно лучше выглядят главы, в которых тов. Джексон останавливается на сущности и истории механистического детерминизма и подробно раз'ясняет взгляды марксизма на соотношение необходимости и случайности, необхо-

димости и свободы. Тов. Джексон полемизирует здесь против Постгейта, Макса Истмэна и других, обвиняющих марксизм в фатализме; на ряде остроумных примеров Джексон показывает всю несостоятельность подобной «критики марксизма».

Постгейт и Истмэн пытаются столкнуть марксизм к такой альтернативе: либо абсолютно отвергнуть существование исторических случайностей либо отказаться от установления закономерностей истории и от всякого научного прогноза. Тов. Джексон на это резонно отвечает, что исторический прогноз марксизма имеет в виду общее направление развития, а не случайные его частности. «Эти детали, которые не могут быть предсказаны, играют роль в подробном определении хода истории, но они не могут изменить общее его направление, взятое само по себе». Допустим, шутливо спрашивает тов. Джексон, что Истмэн попал под автомобиль и сломал себе ногу, а Постгейт поскользнулся о кусок мыла и повредил себе локоть: разве и тот и другой откажутся от возмещения страховой компанией на том-де основании, что «случайности научно не мыслимы»? С другой стороны, тов. Джексон отмечает, что при известных условиях и «случайное может стать существенным» (стр. 194—197).

Тов. Джексон выясняет здесь роль «Дарвина как революционера»: Дарвин разрушил старые, метафизические представления и показал неразрывную связь, которая существует между необходимостью и случайностью в развитии биологических видов, а также единство в этом развитии между воздействием среды и деятельностью самого организма.

Останавливаясь на определении свободы как познанной необходимости, тов. Джексон указывает, что «при абсолютном незнании (поскольку можно его себе вообразить) нет ни «свободы», ни «необходимости». При абсолютном знании (поскольку его можно условно себе представить) антагонизм между свободой и необходимостью исчезает» (стр. 205).

После освещения вопроса о необходимости и свободе тов. Джексон переходит к вопросам истории. Останавливаясь на развитии материальных производительных сил общества, он выясняет здесь роль деятельности людей.

Тов. Джексон характеризует старые, абстрактные представления о «естественных» законах, которые переносились и на человеческое общество. Попутно Джексон критикует эволюционную теорию Спенсера. К сожалению, он не упоминает об его пресловутой «теории равновесия», которая имела такое значительное распространение и влияние на буржуазную философию и оппортунистические концепции в последующее время. Кстати, укажем здесь, что, критикуя старый, механистический материализм, тов. Джексон не критикует воззрений современных механистов, в частности теории Бухарина, книга которого об историческом материализме переведена на английский язык.

Последняя часть этого раздела книги трактует о новейших открытиях и современном кризисе в физике — о «Ньютоне, Эйнштейне и диалектическом материализме». Здесь тов. Джексон дает подробный очерк развития новейших физических воззрений, показывая, как новейшие данные современной физики только подтверждают истину диалектического материализма. Как указывает Джексон, физики совершают теоретические ошибки, будучи не в состоянии понять диалектическое единство тождества и различия в каждом физическом явлении. Теорию Эйнштейна тов. Джексон очень кратко, но в основном правильно характеризует как выдающееся научное открытие, которое отнюдь не опровергает диалектического материализма, а, наоборот, подкрепляет его положения об относительном характере отдельных движений, о пространстве и времени. С другой стороны, тов. Джексон считает, что формулы Эйнштейна вовсе не следует рассматривать «как «точную фотографию космоса», но лишь как формулы, вызванные к жизни «физической лабораторной практикой» и нужные для измерения движения.

Проблемы «диалектики революции» тов. Джексон стремится представить как практическое применение Марксом и Энгельсом диалектического метода. Тов. Джексон рассматривает сначала с этой точки зрения «Коммунистический манифест» как классическую формулировку диалектики пролетарской революции». Затем, тов. Джексон переходит к «Капиталу» и другим экономическим работам Маркса, к его анализу предпосылок революции, заложенных в противоречиях капиталистического производства: он защищает теорию стоимости Маркса против Коля и других критиков. Переходя к характеристике современного капитализма, то есть империализма, тов. Джексон в основном правильно выясняет его особенности, приводя ряд выдержек из книги Ленина «Империализм как новейший этап развития капитализма».

Остается неясным, однако, почему лишь после выяснения противоречий капитализма следует раздел, посвященный «закону движения в истории», где отправным пунктом тов. Джексон делает предисловие «К критике политической экономии» Маркса. Тов. Джексон правильно выявляет р е в о л ю ц и о н н о е содержание этого предисловия, где в заключении Маркс говорит о переходе от капитализма к бесклассовому обществу. Однако все, что сказано здесь тов. Джексоном о производительных силах и производственных отношениях, о смене общественных формаций, изложено им настолько бегло, буквально на нескольких страницах, что не дает полного представления об исторической теории Маркса. Точно так же не могут удовлетворить и последующие главки, в которых всего на нескольких страничках трактуется «понятие класса в марксизме» и тут же затрагиваются вопросы о классовом характере права и морали! Тов. Джексону, повидимому, неизвестно классическое определение классов Лениным в его «Великом почине». Джексон в этой главке и в последующем изложении не выявляет основных признаков классов — их историческое место в общественной системе производства, их отношение к средствам производства; он не показывает ошибочности и политической вредности различных буржуазных и мелкобуржуазных теорий классов.

Говоря о революции в России и о создании Советского союза, этого воплощения пролетарской диктатуры, тов. Джексон показывает, что разгром троцкизма в СССР был важнейшим условием, обеспечившим успехи индустриализации. Тов. Джексон подробно критикует доводы Каутского, повторяемые и английскими «критиками» — Постгейтом и Миддльтоном Марри — о том, что Россия якобы еще «не созрела» для пролетарской революции. Вскрывая теоретические корни этих рассуждений, тов. Джексон указывает, что эта меньшевистская теория проистекает из метафизических представлений об «автоматическом» развитии общества, из недооценки роли суб'ективного фактора, активности пролетариата и его партии в процессе революционного преобразования мира. Тов. Джексон приводит здесь интересный материал, свидетельствующий о том, что теоретические корни этих ошибок в английской лейбористской и в американской социалистической литературе можно найти еще у известного современника Маркса Гайндмана и у американца де Леона. Именно Гайндман доказывал, что пролетарская революция должна вспыхнуть именно в Англии, при этом в определенном году, потому что здесь «капитализм достиг высшей точки своего развития». Точно так же де Леон доказывал, что по той же причине революция должна вспыхнуть ранее всего в США.

Недостаток критики тов. Джексоном английских каутскианцев заключается, однако, в том, что он не использует указаний товарища Сталина на новые условия, создающиеся в эпоху империализма, когда вследствие превращения мирового хозяйства в единое целое становится возможным прорыв цепи империализма пролетарской революцией там, где звенья этой цепи слабее.

Тов. Джексон подробно останавливается на выяснении понятия диктатуры пролетариата, показывая его значение во всех работах Маркса, а также на со-

отношении диктатуры и демократии, критикуя здесь буржуазную демократию. Высмеивая позиции английских лейбористских и тредюнионистских деятелей типа Вальтера Ситрина, тов. Джексон подкрепляет свои соображения интересными выдержками из сочинений Бернарда Шоу, старого социалиста Вильяма Морриса, из Марата, Бабефа и т. д. Излагая учение о пролетарской революции, тов. Джексон критикует также взгляды Коля, который, по его словам, пытается сидеть между двух стульев, между коммунистом Гарри Поллитом и лейбористом Артуром Гендерсоном. Кроме того тов. Джексон показывает контрреволюционность аргументов троцкиста С. Хука, который пытался атаковать положения Маркса и Ленина.

Следует особо остановиться на освещении тов. Джексоном вопроса о мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия, указывает тов. Джексон, поскольку она занимает промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом и не является самостоятельным классом, никого сама «не может п р е д с т а в л я т ь, но должна сама быть кем-либо представлена». «Поэтому, — иронизирует тов. Джексон, — это тот класс, который исторически служил колесницей для всех приходящих к власти политических спасителей, для каждого «великого» героя — вожака нового времени: Наполеона III, Гладстона, Дизраэли, Бисмарка, Ллойд-Джорджа, Муссолини, Гитлера». Этот класс «поставляет интеллигенцию, которая стремится создать для себя подобного же великого человека из Маркса и Ленина и которая, разочаровавшись в них... круто поворачивает в противоположную сторону» и находит его... в Л. Троцком (стр. 461).

В этих высказываниях тов. Джексона содержатся грубые ошибки. Верно то, что мелкая буржуазия часто поддается демагогии различных политических «вождей» буржуазии. Но тов. Джексон не подчеркивает того обстоятельства, что эти «вожди» представляют интересы не мелкой, но крупной буржуазии. В частности, скатившийся к фашизму Троцкий, как и Гитлер, является выразителем интересов самой оголтелой, самой реакционной империалистической буржуазии. Товарищ Сталин давно указал, что троцкизм превратился в передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Заключительный раздел книги тов. Джексона отведен, как мы уже указывали, «критикам» марксистской диалектики. Автор избирает здесь предметом своей остроумной полемики знакомые английскому читателю фигуры: профессора Дж. Мак-Мэррея, Раймонда Постгейта и Макса Истмэна, «неодицгенианца» Фреда Кези.

О взглядах профессора Мак-Мэррея, который пытается свести марксизм к одной из исторически отживших, «органических» теорий и отождествляет марксизм с фашизмом, кое-что уже писалось в нашей литературе (см. «ПЗМ» № 6 за 1936 год). Профессор Мак-Мэррей выпустил к 50-летию смерти Маркса небольшую книжку «Философия коммунизма». В этой книжке он предлагает новую «диалектическую» ревизию взглядов Маркса: он доказывает, что стоять сейчас на почве учения Маркса — значит отрицать его «революционный элемент» и «расценивать идеи выше вещей». Выступая против Мак-Мэррея, тов. Джексон показывает, что на деле Мак-Мэррей пытается вновь повернуть на голову гегелевскую диалектику, которая была поставлена Марксом и Энгельсом на ноги. Джексон раз'ясняет великое революционное значение учения Ленина—Сталина о возможности построения социализма в одной стране.

Р. Постгейт является типичным представителем английского «академического» меньшевизма. Не даром Д. Рязанов в свое время пригревал его работы в «своем» «Архиве». Макс Истмэн представляет собой троцкистскую разновидность того же контрреволюционного меньшевизма.

В своей книжке «Карл Маркс» Р. Постгейт пытается «доказать», что теория Маркса, которая, по его мнению, была верным отражением «в умах пролетариата» общественных отношений между 1847 и 1867 годами, сейчас якобы

стала неверной в новых условиях. В частности Постгейт лживо утверждает, что марксова диалектика «устарела», а с ней связана, как он выражается, «теория неизбежности победы пролетариата». Разбивая все эти меньшевистские аргументы, тов. Джексон показывает различие, существующее между неизбежностью пролетарской победы в конечном счете и задачами подготовки рабочего класса к ближайшим битвам — подготовки, без которой о никакой неизбежности победы пролетариата говорить нельзя.

С другой стороны, тов. Джексон атакует троцкиста Макса Истмэна, который клеветнически приписал Марксу теорию «автоматического» возникновения революций. Свою клевету на марксизм Истмэн стремится «обосновать», используя американские теории технократии и соединяя их с фашистским, ницшеанским учением о вождях, стоящих над массами.

Обстоятельная критика тов. Джексоном всей клеветы Мак-Мэррея, Постгейтов, Истмэнов и других хорошо показывает все теоретическое убожество и политический вред их писанины. Следует отметить, что критика тов. Джексоном врагов марксизма, данная в этой главе, до некоторой степени возмещает указанные выше недостатки первых частей книги тов. Джексона.

Попутно тов. Джексон останавливается более подробно на вопросах теории познания, на характеристике современного фрейдизма и т. д. Наконец, тов. Джексон очень подробно критикует также весьма распространенный в Англии «монизм» и его верховного жреца Фреда Кези, который стремится возродить философские ошибки дицгенианства, как известно, подвергнутые критике еще Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

В общем книга тов. Джексона представляет собой серьезную и содержательную работу, дающую большой и ценный материал не только по общим вопросам материалистической диалектики и общественно-политической теории марксизма-ленинизма, но и по целому ряду конкретных теоретических проблем, а также освещающую состояние теоретического фронта в Англии. Несмотря на все свои крупные недостатки книга тов. Джексона представляет собой, несомненно, положительное явление на этом теоретическом фронте.

Не даром появление этой работы было с одобрением встречено англо-американской рабочей печатью («Дейли уоркер»).

Книга тов. Джексона — после доработки, после широкого включения в нее ленинского материала, после исправлений указанных выше крупных ее недочетов и при условии известных сокращений — не без пользы могла бы быть переведена и на другие языки, в том числе и на русский, служа великому делу пропаганды философии марксизма и знакомя международный пролетариат с успехами этой пропаганды в среде английского рабочего класса.

И. РАЗУМОВСКИЙ

Натурфилософские взгляды Аристотеля

АРИСТОТЕЛЬ «ФИЗИКА». Перев. В. П. Карпова. Соцэкгиз. 1936. 189 стр. 4 р. 75 к.

Как крупнейший мыслитель и ученый, энциклопедист своего времени Аристотель не имеет себе равного в античном мире. Маркс называет его «Александром Македонским греческой философии». Круг исследованных им вопросов относится ко всем областям знания. Он является основателем целого ряда наук, которые он не только обогащает эмпирическим материалом, но и поднимает часто на высоту гениальных обобщений. Вместе с тем Аристотель выступает как крупнейший диалектик, которого классики марксизма-ленинизма считали «Гегелем древности» и самой всеобъемлющей головой среди греческих философов.

Аристотель резкой критикой обрушивается на учение Платона об идеях, мастерски используя свою диалектику и обнаруживая вместе с тем характерную для него, при общей колеблющейся позиции в разрешении основного вопроса философии, тягу к материализму. С точки зрения Аристотеля, теория Платона об идеях — бесплодное учение, поскольку каждой вещи навязывается отдельно существующая от нее идея и вместо действительного объяснения развития вещей создается лишь искусственное удвоение мира [1]).

Аристотель, однако, колебался между идеализмом и материализмом. Что иное, как не идеализм, его учение о нематериальных формах? В своем учении о сущности он приходит к понятию «бога» как первого двигателя и организующего принципа вещей, т. е. целиком становится на позицию идеализма. Философия Аристотеля пронизана телеологией. Это именно и есть то м е р т в о е, что использует у Аристотеля поповщина и что бичует с таким негодованием Ленин в своих заметках о «Метафизике» Аристотеля.

Все учение Аристотеля наглядно демонстрирует его колебание между материализмом и идеализмом. Отмечая непоследовательность Аристотеля, Ленин [2]) вместе с тем указывает, что в ряде важных вопросов Аристотель вплотную подходит к материализму, особенно в «натурфилософии».

К IV веку до нашей эры греками был накоплен большой научный эмпирический материал, отражавший определенную ступень развития естественных наук ко времени деятельности Аристотеля. Аристотель создавал свою «натурфилософию» не на пустом месте: в его распоряжении находился материал больше чем трехсотлетнего развития философии и естествознания в Греции. С особой тщательностью изучает Аристотель учение о природе милетской школы (Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра), указывая, что в о д а первого, в о з д у х второго и б е с п р е д е л ь н о е третьего суть ступени углубления познания о природе. Аристотель тщательно изучает рукописи физиков V века (Анаксагора и Эмпедокла, Левкиппа и Демокрита), взгляды пифагорейцев, софистов и других. Насколько

---

[1]) А р и с т о т е л ь «Метафизика», 990 *a* 33—990 *b* 28. Перев. А. В. Кубицкого. М. и Л. Соцэкгиз. 1934.

[2]) Л е н и н «Философские тетради», стр. 291.

обширен был материал, находившийся в распоряжении Аристотеля, можно судить также и по следующим фактам. Около 400 г. до нашей эры известным врачом Гиппократом были систематизированы целые области знания, относящиеся к медицине. С другой стороны, уже издавна были известны астрономические наблюдения, например Клеострата Тенедосского (родился около 536 г. до нашей эры). Насколько познание природы ко времени Аристотеля продвинулось вперед, можно судить также и по тому, что в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера упоминаются названия 63 растений, в сочинениях Гиппократа встречаются 236 названий растений, а ученик Аристотеля Теофраст оперирует уже с 455 названиями растений. Далеко продвинулось также изучение животных. Греки довольно тщательно исследовали строение организма домашних животных.

Но Аристотель не был только историком и систематиком греческой науки: он, исходя из общефилософских предпосылок и в значительной мере опираясь на наблюдение, осуществил великую попытку построить единую систему наук.

Большое внимание, уделенное Аристотелем учению о природе, об'ясняется в конечном счете потребностями общества и класса, теоретиком которого являлся стагирский мыслитель. Эта потребность в изучении природы вырастала из бурно развивающегося мореплавания, развития ремесла, медицины, музыки, живописи и т. п.

* * *

Все науки, по Аристотелю, делятся на теоретические, в которых познание ведется только ради него самого, практические, дающие руководящие идеи в области поведения человека, и продуктивные, где познание совершается с целью достижения пользы или осуществления чего-либо прекрасного. Во всяком научном исследовании, независимо от вида научной деятельности, на первом месте должна стоять об'ективная картина самих вещей, самой природы, и никакие суб'ективные цели, желания, взгляды не должны исказить этой «правды вещей». Не разбирая всей классификации наук в целом, укажем лишь, что в области теоретических наук в свою очередь Аристотель намечает «три рода научных исследований: одно — о вещах неподвижных, другое — о движущихся, но не гибнущих, третье — о вещах гибнущих» [1]). Эти «неподвижные», «движущиеся» и «гибнущие» вещи исследуются соответственно: первые — в науке о сущем, в метафизике, вторые — в астрономии, третьи — в физике.

«Теоретические науки» Аристотеля изучают, таким образом, различные стороны и различные состояния мира. Если «первая философия» должна обнаруживать действительные, неизменные «начала» сущего [2]), то физика Аристотеля уже обращается к реальным изменяющимся вещам, к «натуральным телам», обладающим источником всякого движения и покоя. Можно считать поистине гениальным материалистическое в своей основе учение Аристотеля о подразделении наук. И в «Физике» и в «Метафизике» Аристотель, по выражению Ленина, разрешает трудности с классификацией наук «превосходно, отчетливо, ясно, материалистически (математика и другие науки абстрагируют одну из сторон тела, явления, жизни). Но автор не выдерживает последовательно этой точки зрения» [3]).

Физика, по Аристотелю, изучает одну из сторон явлений природы. Ее предмет не может быть сведен ни к деятельности чистых форм или внутренних целей, ни к бесформенной материи. Она должна исследовать живое соединение формы с материей. Аристотель критикует в «Физике» выдвинутые ранее теории, будто бы физика имеет своим предметом только изучение материи. Несостоятельность этого видна, говорит Аристотель, во-первых, из того, что искусство, например, как своеобразная имитация природы требует знания и формы материи; то же следует

[1]) Аристотель «Физика». Кн. II. Гл. 7-я
[2]) Аристотель «Метафизика», 1025 *b* 1—26.
[3]) Ленин «Философские тетради», стр. 336.

сказать про деятельность врача; во-вторых, наука должна знать цель настолько же хорошо, насколько хорошо познано средство. Но исследование природы показывает, что природа как материя всегда выступает средством к цели, природа же как форма является самой целью. Физика, по учению Аристотеля, должна исследовать взаимодействие формы и материи, т. е. «физика имеет дело с известными подвижными об'ектами»[1]. Но на первое место она, безусловно, должна ставить деятельность формы. И, наконец, в-третьих, физика не может ограничиться изучением материи, так как последняя есть нечто относительное. Различные формы требуют для своей реализации «различных материй».

Предмет физики — естественные тела, обладающие самостоятельностью, способные к самостоятельному движению и покою. Под это определение предмета физики полностью подходят как живые существа и «элементы», так и различные соединения последних. Сюда же могут быть отнесены вещи, произведенные (обработанные), так как материя этих вещей, в конечном счете, — движущиеся естественные тела[2]. Следовательно, на первое место в обосновании предмета физики у Аристотеля выдвигаются об'ективность и движение вещей. Лишь те субстанции суть предмет физики, которые существуют в природе, обладая формой и материей. «Физика, — пишет Аристотель, — также занимается некоторою областью сущего (она имеет своим предметом такую сущность, у которой начало и движения и покоя — в ней самой)... это — наука не о деятельности и не о творчестве»[3]. «Физика занимается предметами, существующими самостоятельно, но предметы эти не лишены движения»[4]. Замечательной является также догадка Аристотеля уже при определении задачи физики, что свойства вещей, изучаемые физикой, раскрываются, «поскольку вещи эти находятся в движении»[5].

Указание на движение вещей потребовалось Аристотелю еще и потому, что явления природы, изучаемые им в «Физике», суть чувственно воспринимаемые тела, которые способны воздействовать на наши органы чувств именно потому, что они находятся в движении. Эту сторону предмета «Физики» тем более следует отметить, что Гегель в своих лекциях по истории философии пытался эту материалистическую черту физики Аристотеля смазать, заменив чувственное и единичное разумным и всеобщим[6].

В первой книге «Физики» дается исторический обзор всех учений о началах вещей, разработанных до Аристотеля, и излагаются взгляды самого Аристотеля на этот вопрос; во второй книге, кроме определения природы, излагается учение о четырех причинах вещей; в третьей — определяется движение и выясняется его отношение к пространству и времени; в остальных книгах исследуются различные виды движения: от брошенных тел до неподвижного вечного двигателя (книга VIII).

«Физика» не была единым, осуществленным по строго задуманному плану произведением. Как теперь окончательно установлено, «Физика» — это ряд сочинений Аристотеля о природе, об'единенных позднейшими комментаторами в одно произведение. По свидетельству Симплиция, лишь первые пять книг ученики Аристотеля (Теофраст и Эвдем) относили к общему учению о природе, включая остальные книги в особое произведение о движении тел. Согласно Страбону и Плутарху, сочинения Аристотеля, перейдя от друга и преемника Аристотеля Теофраста к Неллею, ученику последнего, пролежали до I века нашей эры в подземном хранилище, пока не были рассортированы в библиотеке Апелликона Теосского. И только после этого сочинения Аристотеля попали в Рим, где они и были изданы главой тогдашней аристотелевской школы Андроником Родосским.

---

[1]) Аристотель «Метафизика», 1025 *b* 27.
[2]) Аристотель «Физика», стр. 28—29.
[3]) Аристотель «Метафизика», 1025 *a* 1—26.
[4]) Там же, 1025 *a* 27—1026 *a* 32.
[5]) Там же, 1061 *a* 32—1061 *b* 33.
[6]) Гегель. Соч. Т. X, стр. 257.

Несомненно, что Аристотель один не смог бы собрать и систематизировать огромный естественно-научный материал, содержащийся в его произведениях. Над изучением различных областей природы работали целые группы его учеников в Ликее: Теофраст работал главным образом над естественной историей растений и историей физики; Менон специально занимался историей медицины; Эвдем — теорией и историей математики и астрономии; Аристоксен посвятил свою деятельность вопросам музыки и т. д.

Несмотря на стремление собрать богатый эмпирический материал для подтверждения своих выводов Аристотель не сумел правильно решить вопрос об отношении этого эмпирического материала к «первой философии». Он часто стремится отыскать основные принципы наук о природе в философских абстракциях. Классовые корни подчинения эмпирического знания «метафизике» заложены в особенностях рабовладельческого общества, где наблюдается резкий разрыв между умственным и физическим трудом, «трудом» рабовладельцев и трудом рабов. Рабовладельцы презирали все виды деятельности, связанные с физическим трудом, с переработкой продуктов природы, с наблюдениями над ней и экспериментированием. Господствующий класс этого общества, рабовладельцы, не интересовался техникой, практической деятельностью людей и вообще всяким наблюдением, хотя бы отдаленно напоминающим физический труд, работу, этот «удел» рабов.

Эксперимент, наблюдение, опытное исследование в значительной мере связаны с физическим трудом. Но «там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то, бесчестящим свободных людей»[1]. Аристотель в «Политике» неоднократно высказывал мысль, что общение с рабами «деморализует граждан». Он даже ремесленников и торговцев находил нужным лишать гражданского полноправия. Вот почему для Аристотеля представлялось вполне естественным, что науки о природе должны черпать свои высшие принципы из философских теорий, построенных на метафизических абстракциях.

Несомненно, что значительная роль умозрения и частая замена эмпирического материала общими философскими соображениями вытекали также из ограниченного и недостаточного для всесторонних выводов материала, бывшего в распоряжении Аристотеля.

Там, где нет данных наблюдения для выводов, Аристотель смело пользуется аналогией, часто впадая в полное противоречие с действительными процессами, совершающимися в природе. И даже там, где привлекаются данные наблюдения, они опять-таки ставятся в зависимость от философских положений. Поэтому не лишено глубокого содержания соображение Ф. Бэкона по поводу того, что Аристотель «своей Логикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий»[2]. «В физике же Аристотеля, пишет дальше Бэкон, нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов... Пусть не смутит кого-либо то, что в его книгах о животных, в проблемах и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее и он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника»[3]. Отношение Бэкона к Аристотелю здесь чрезмерно отрицательное. Однако упрек в излишней логистике при исследовании природы имеет известное основание.

Но Аристотель, будучи тонким умом, прекрасным наблюдателем, сам не был удовлетворен теориями, совершенно игнорирующими наблюдение и описание фактов. Он часто требует, чтобы обобщению предшествовало тщательное, широко задуманное и свободное от предвзятого мнения наблюдение. В одном месте он

[1]) Энгельс «Диалектика природы». Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 450
[2]) Бэкон «Новый органон», стр. 128. Соцэкгиз. 1935.
[3]) Там же, стр. 129.

с уверенностью заявил, что когда явления будут достаточно полно исследованы, то «наблюдению надо доверять больше, чем умствованию, и последнему лишь постольку, поскольку оно дает результат, согласный с явлениями» [1]).

Подобное же рассуждение Аристотеля приводит Маркс в своей диссертации из другого произведения Аристотеля [2]), где последний прямо заявляет, что причиной малоуспешности установить общие принципы является недостаток опыта. Лишь те способны выдвинуть общие, согласуемые друг с другом начала, которые много «занимались исследованием природы». И, наоборот, не следует принимать всерьез теории тех, кто без научных знаний о природных свойствах, на основании многих рассуждений, «легко высказывают свое мнение». Что это — не случайное высказывание Аристотеля, об этом свидетельствуют десятки подобных же мыслей в «Метафизике».

Бесспорным, следовательно, является большое значение, придаваемое Аристотелем наблюдению, опыту. И чем тщательнее Аристотель исследует факты, чем многочисленнее они, тем все более отступает на задний план в его специальных произведениях умозрение и ведущим становится сам эмпирический материал. Особенно это относится к таким произведениям Аристотеля, как «Механические проблемы», «Метеорология», «О чувствах», «О частях животных», «О цветах» и др. Ленин имел в виду, очевидно, главным образом естественно-научную деятельность Аристотеля, когда в конспекте лекций Гегеля по истории философии заметил: «Аристотель эмпирик, но м ы с л я щ и й» [3]).

Естественно-научные произведения Аристотеля представляли собой в истинном смысле сокровищницу эмпирического материала для древности, и на основе их Аристотель нередко высказывал гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшие научные открытия (проблема рычага, звука, света и др.).

Столь значительная роль опытного материала в мировоззрении Аристотеля уживается с умозрительным характером философии Аристотеля в целом. Кроме всеобщих метафизических «начал» «первой философии», «начал», не могущих быть исследованными при помощи наблюдений и опыта, у Аристотеля имеются особые «начала», не требующие л о г и ч е с к о г о доказательства, являющиеся своеобразным синтезом данных наблюдения и опыта. Эти «начала» являются исходными для о т д е л ь н ы х, специальных наук, в том числе в значительной мере и для «Физики». Этим, собственно, и об'ясняется причудливое соединение в естественно-научных взглядах Аристотеля чистого умозрения с относительно большой ролью опытного материала [4]).

Энгельс правильно указывает, что опыты, наблюдения и вообще эмпирический подход есть лишь «слепое нащупывание древних» [5]).

* * *

Пожалуй, самым замечательным в первых книгах «Физики» является безусловное признание о б ' е к т и в н о с т и природы. Для Аристотеля «пытаться доказывать, что природа существует, смешно, ибо очевидно, что предметов, обладающих такими свойствами, имеется много» (кн. II, гл. 1-я). Рассуждать о том,

---

[1]) Д а н н е м а н «История естествознания». Т. I, стр. 120.
[2]) См. М а р к с и Э н г е л ь с. Соч. Т. I, стр. 88.
[3]) Л е н и н «Философские тетради», стр. 291.
[4]) Гегель, например, возмущался «эмпирической тенденцией» философии Аристотеля, расхваливая его одновременно за «прекрасные априорные» конструкции. Как идеалист, Гегель недоволен тем, что в естественно-научных произведениях мысли Аристотеля носят «все более и более эмпирический характер». И он заканчивает обзор естественно-научных взглядов Аристотеля именно там, где последний ближе всего подошел к материализму, считая, что здесь, мол, уже кончается задача историка философии, «здесь у Аристотеля чувственное явление начинает одерживать верх» (Г е г е л ь. Соч. Т. X, стр. 256, 279).
[5]) Э н г е л ь с «Диалектика природы». Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 511.

существует природа или нет, — значит ставить себя в положение слепого, вопрошающего, существуют ли цвета, ибо он не может воспринять их. О независимом от человека существовании природы незачем спорить, ибо «она есть первая материя, лежащая в основе каждого из тел, имеющих в себе самом начало движения и изменения»[1]). Подробное, всестороннее определение природы мы находим также в IV главе пятой книги «Метафизики». Здесь Аристотель, детализируя понятие «природа», указывает, что она включает в себя: 1) «возникновение рождающихся вещей»; 2) «то основное в составе рождающейся вещи, из чего эта вещь рождается»; 3) «источник, откуда получается первое движение в каждой из природных вещей — в ней самой, как таковой»; 4) «природою называется тот основной материал, из которого или состоит или возникает какая-либо из вещей»; 5) «далее, в другом смысле природою называется сущность существующих от природы вещей»; 6) «природа, это — форма и сущность»[2]). На последнем определении Аристотель настаивает как на главном, ибо именно это (природа как сущность и форма) отличает, по его мнению, его «Физику» от теорий предшественников. Согласно взглядам последних, природа есть или неупорядоченная материя или только форма. В первом случае люди говорят, например, о дереве как о «природе» кровати, т. е. именно неупорядоченный материал называется здесь природой. Но с таким же правом, рассуждает Аристотель, мы можем тогда считать землю «природою» дерева. В этом Аристотель усматривает причину того, что ранее огонь, воздух, вода и земля описывались как «природы» вещей, как вечное вещество, из которого путем превращений образовались остальные тела. Во втором случае исследование чистых форм переставало быть исследованием природы. Если форма иногда и существует как таковая, голая форма, то это уже не форма физических вещей, но бог, бесплотные духи, приводящие в движение различные сферы и человеческий разум до и после соединения с телом.

Если же исследовать физические тела, то, по Аристотелю, материя всегда выступает оформленной, и лишь в мышлении можно разделить эти явления (форму и материю), нераздельные в реальности, в природе. И самая сущность — этот истинный предмет природы — не есть только возможность (материя) или только действительность как осуществленная возможность (форма), но воздействие формы на материю, которое Аристотель понимает как единство формы и материи. Это, несомненно, диалектическое положение Аристотеля обесценивается его взглядом на форму как высшее, активное, творческое по сравнению с пассивной, инертной материей, совпадающей лишь с возможностью. Здесь наметился, а позднее («Физика». Кн. VIII) был проведен тот разрыв формы и содержания, который характерен для идеализма. Черты метафизичности и идеалистичности этого учения Аристотеля состоят прежде всего в том, что форма у него предшествует содержанию, затем в том, что форма единственно активна, а материя пассивна, и, наконец, в том, что форма может вести особое существование без материи ввиде бога, разума, духа. Особенно ярко последнее проведено Аристотелем в его учении о «первом двигателе», где идеализм Аристотеля принял открыто телеологический характер.

Что касается формы как предшествующей материи, то здесь Аристотель приводит пример с планом — формой архитектора, осуществляющего постройку дома, когда форма предшествует, а затем соединяется с материей. Форма здесь выступает как будущее осуществляемой материи, как образ явления, к которому стремится материя и в который должен облечь себя об'ект природы. Налицо явно идеалистическая попытка поставить все богатство материи в зависимость от вечных первоначальных и активных форм. Эту линию продолжает Аристотель и при исследовании активности формы. Здесь форма выступает как внутренняя

---

[1]) Аристотель «Физика». Кн. II. Гл. 1-я.
[2]) Аристотель «Метафизика», 1014 *a* 26—1014 *b* 19; 1014 *b* 19—1015 *a* 19.

цель процесса, направляющая и определяющая его. Собственно, и самое движение, развитие, по Аристотелю, выступает как деятельность формы. От этой деятельности зависит индивидуальность материи, ее определенность. Материя же если и принимает участие в процессе движения, то только как препятствие для осуществления форм и пассивный материал для их воплощения. Чем ниже ступень материи, тем выше ее сопротивление форме, тем, следовательно, активнее, действеннее должна быть эта форма. В результате такого «сопротивления», «препятствия» для осуществления формы в природе могут появляться необычные явления, называемые Аристотелем «исключениями» Таковы, например, уроды да и вообще все «несовершенное» и «случайное». Этим об'ясняется, почему Аристотель при определении природы отдавал предпочтение форме. «Скорее форма является природой, чем материя, — писал он в «Физике», — ведь каждая вещь скорее тогда называется своим именем, когда она есть энтелехиально, чем когда она имеется в потенции» [1]).

Несмотря на все колебания Аристотеля между материализмом и идеализмом в этом вопросе, в «Физике» он все же не считает возможным исследовать чистые формы, взятые сами по себе. Отделенные от предмета формы есть уже не предмет физики, но предмет метафизики, или «первой философии». Физика же должна начинать исследование с материи, хотя в дальнейшем главное содержание этой науки — исследование воздействия форм на материю.

«Материя близка к сущности и в известном отношении есть сущность» [2], — писал Аристотель в «Физике». Даже, если мы отнимем у материи длину, ширину и глубину, остается известное совпадение материи с сущностью, хотя эти явления явно нетождественны друг другу. Сущность (οὐσία) глубже материи и поэтому может являться ее определением. Материя же имеет своим главным признаком об'ективность, ибо ее бытие отлично от бытия категорий.

Уже из этих замечаний ясен вывод, что понятие «материя» (ὕλη), которым оперирует Аристотель в своей «Физике», имеет у него принципиальное значение и входит в круг основных понятий, которыми оперирует Аристотель, и, следовательно, ни в коем случае не может быть сведено к техническому термину, имеющему второстепенное, побочное значение в «Физике» Аристотеля.

Неудовлетворительность решения Аристотелем вопроса о материи и движении, с точки зрения современной нам науки, совершенно не умаляет исторического значения взглядов Аристотеля. Специально после выписки из «Метафизики» места, где Аристотель конкретным называет материю и все материальное (кн. II, гл. 2-я и 3-я), где математику он определяет как науку, оставляющую встороне «чувственные противоречия», теплоту, тяжесть и прочее, Ленин замечает: «Здесь точка зрения диалектического материализма, но случайно, не выдержано, не развито, мимолетно» [3]). И задача состоит не в том, чтобы опускать эти мимолетные высказывания Аристотеля и в силу их неразвитости признавать их несуществующими, но в том, чтобы об'яснить смысл этой неразвитости, специально подчеркнув то положительное, жизненное, что мы встречаем в натурфилософских взглядах Аристотеля. Ленин, указывая на материалистичность определения природы чувственных вещей Аристотелем, имел также в виду и взгляд Аристотеля на неуничтожаемость материи, на то, что она существует от века, не может из ничего возникнуть, не может в ничто превратиться, как не может в целом уменьшиться или увеличиться в своем количестве [4]).

Следует специально отметить мысль Аристотеля, что если бы материя возникала, тогда следовало бы предположить наличие особого субстрата, существовавшего еще до появления материи, из которого последняя возникла. Но это

---

[1]) Аристотель «Физика». Кн. II. Гл. 1-я.
[2]) Там же. Кн. I. Гл. 9-я.
[3]) Ленин «Философские тетради», стр. 334.
[4]) Аристотель «Физика». Кн. VIII. Гл. 1-я, стр. 137—138 и др.; «Метафизика». Кн. XII. Гл. 6-я, стр. 208.

означало бы, что материя должна была бы существовать прежде, чем она возникла, что, с точки зрения Аристотеля, явно нелепо, ибо материя как потенция «не уничтожается в себе, но ей необходимо быть не исчезающей и не возникающей. Ведь если бы она возникла, в основе ее должно лежать что-нибудь первое как субстрат, внутренне присущий ей, откуда бы она возникла, но как раз в этом и заключается ее природа, так что в таком случае она существовала бы прежде возникновения. Я называю материей первый субстрат каждой вещи, из которого возникает какая-нибудь вещь...» [1]).

* * *

Следует особо выделить учение Аристотеля о видах, стадиях чувственной материи, описываемых в «Физике». Наиболее сложным видом физической сущности Аристотель считает живую вещь, так как здесь наблюдается целая комбинация физических свойств, комбинация органов, частей тел, выражением которой является определенная форма. Материю самых частей, или органов, живой вещи можно, по Аристотелю, назвать гомеомериями так же, как ее называл Анаксагор, или определенными тканями различных родов. Определенность простейшей и первичной материи может быть четырех родов, каждый род — особый элемент. Элементы выступают, таким образом, как самые простые проявления чувственной материи и могут быть познаны через противопоставление друг другу. Элементы должны быть действительным началом всякой материи. Они уже не могут быть выведены из другого тела, но, наоборот, все состоит из них. «Начала не должны выводиться ни друг из друга, ни из чего-нибудь другого, а, наоборот, из них все, а это как раз присуще первым противоположностям; они не выводятся из других, так как они первые, и друг из друга—в силу своей противоположности» [2]). В первой книге «Физики» Аристотель исследует «начала», как они понимались различными философскими школами от Фалеса до Демокрита. Его не удовлетворяют постановка и разрешение этого вопроса в VI и V вв., однако удачнее всего он считает попытку Эмпедокла свести все богатство предметов природы к четырем основным сущностям: земле, воде, воздуху и огню. Приняв основную идею Эмпедокла, Аристотель подробно развивает учение о первоначальных противоположностях и основных элементах [3]).

Показав, что предметом физики должны быть чувственно воспринимаемые естественные тела, Аристотель насчитывает четыре главных ощущения: теплоту, холод, влажность, сухость. Ощущения воспринимаются, с точки зрения Аристотеля, по два: теплое с сухим, теплое с сырым, холодное с сырым и холодное с сухим. Остальные две пары ощущений (теплое — холодное и сухое — сырое) не могут существовать как бессмысленные. Соединение этих ощущений и противоположностей приводит к познанию четырех основных элементов: земли (соединение холодного с сухим), воды (холодное и влажное), воздуха (теплое и влажное) и огня (теплое и сухое). Таким образом, тепло и холод, сухость и влажность — это основные качества материи, а образовавшиеся четыре элемента — основные начала. В дальнейшем, при исследовании небесных сфер, Аристотелем был введен еще пятый элемент — эфир, который, однако, у Аристотеля не имел большого значения.

В первой главе второй книги «Физики» Аристотель ставит два вопроса: являются ли указанные четыре реальных элемента неразложимыми, неделимыми, первоначальными сущностями, и имеет ли один из элементов преимущества и особенно первичность перед другими? Ответ Аристотеля в высшей степени любопытен, если его рассматривать с точки зрения развития греческой науки. Особого субстрата — материи, стоящей над конкретной чувственно воспринимае-

[1]) Аристотель «Физика». Кн. I. Гл. 9.
[2]) Там же. Гл. 5-я.
[3]) Там же. Кн. II, III, IV.

мой материей, элементами, по Аристотелю, нет. Материя не может вести особого существования как всеобщая абстракция, но имеет свое бытие лишь в определенном виде. Элементы обнаруживают осязаемые качества вещей. Общее у них лишь то, что все они реальны. Это и является об'ективной основой для превращения элементов друг в друга и для обмена их свойствами друг друга. Так как все тела есть свидетельство взаимодействия и комбинации элементов друг с другом, Аристотель приходит к общему выводу о движении и действии элементов.

«Элементом называется то основное в составе вещи, из чего вещь слагается, причем (само) оно не делится (дальше) по виду, так чтобы образовать другой (низший) вид» [1]). Это указание Аристотеля важно в том отношении, что оно раз'ясняет как причину преобладания в вещи того или иного элемента, так и то, что элемент не встречается в природе в чистом виде, но всегда в сочетании с другими. Аристотель насчитывает несколько видов переходов и изменений элементов, доказывая, что ни один из четырех элементов не может лежать в основе всех других и производить их.

Если бы был лишь один вид материи, один «элемент», рассуждает Аристотель, тогда было бы невозможно движение. Именно потому, что огонь абсолютно легок, он вечно стремится быть выше других элементов, и именно там его «место», поскольку земля абсолютно тяжела, ее «место» ниже всех остальных элементов; воздух же, стремящийся занять «место» между огнем и водой, действует здесь, как и все остальные элементы, «по своей природе». Так что и под'ем вверх огня и оседание земли суть естественные тенденции вещей, которыми последние обладают от природы. Спрашивать, почему земля стремится быть в центре вселенной, а огонь движется вверх, по Аристотелю, так же нелепо, как спрашивать, почему находящийся на излечении больной, подвергаясь воздействию врача, восстанавливает свое здоровье, а, скажем, не свою белизну. Каждое тело природы благодаря своему весу имеет свое «естественное место» и стремится к нему.

Главным отличием своей точки зрения от предшественников по этому вопросу, в частности от Эмпедокла, Аристотель считал признание превращаемости элементов, их трансформации и описание различных форм элементов. Что же касается количества элементов, то Аристотель ограничился в «Физике» указанием, что «бесконечного множества начал быть не может, так как сущее будет непознаваемо... Лучше признавать конечное число начал, как это делает Эмпедокл, чем бесконечное» [2]).

Несмотря на ограниченность и наивность теории, будто бы все богатство мира можно свести только к четырем основным видам материи, для греков эпохи Аристотеля этот взгляд означал дальнейший шаг в углублении знания о природе. Аристотель не ограничивается старыми теориями, но критикует их и существенно дополняет, в частности, теорией движения элементов. Конечно, «элементы» Аристотеля далеки от элементов современной химии и физики. У Аристотеля мы находим еще только гениальную догадку о превращаемости элементов. Он часто умозрительно восполняет недостающий опытный материал и поэтому вводит, например, для об'яснения небесных явлений пятый элемент — эфир — на подобие того, как в свое время пифагорейцы ввели противоземлю для соблюдения гармонии мира.

И все же Аристотель в этом вопросе, несомненно, представлял новый, более высокий этап развития греческой науки даже по сравнению с великим античным материалистом Демокритом. Особенно следует подчеркнуть смелую и плодотворную для развития положительного знания мысль Аристотеля о недопустимости строить научное познание природы на базе теории о неизменной сущности эле-

---

[1]) Аристотель «Метафизика». 1014 *a* 26—1014 *b* 19.
[2]) Аристотель «Физика». Кн. I. Гл. 6-я.

ментов. Признание превращаемости элементов, их перехода друг в друга, описания различных форм проявления одного и того же элемента составляет яркую страницу в развитии диалектической мысли.

* * *

Гораздо менее последовательно разрешен Аристотелем вопрос о причинности движения материи. Об этом свидетельствует уже тот факт, что конечным результатом всего исследования Аристотеля в этой области явилось его учение о первом божественном двигателе вселенной как внешней определяющей цели мира.

Для Аристотеля раскрыть сущность или познать причину вещей часто означает одно и то же.

Наиболее наглядное изложение учения о причинах дано Аристотелем в третьей главе второй книги «Физики»[1]). Здесь Аристотель пишет: «В одном значении причиной называется то, «из чего» как внутренно ему присущего возникает что-нибудь, например: медь — причина этой статуи, или серебро — этой чаши и их родовые понятия, в другом значении «форма» и «образец»; это есть понятие сути бытия и ее родовые понятия, например для октавы отношение двух к единице, вообще число, а также составные части понятия. Далее, причиной называется, «откуда исходит первое начало изменения и покоя»; например советчик есть причина, для ребенка причина — отец, и вообще производящее — причина для производимого и изменяющее — для изменяемого. Кроме того причиной может быть цель; это значит «ради чего», например причина прогулки — здоровье. Зачем он гуляет? Мы скажем: «Ради выздоровления» — и, сказав так, уверены, что указали причину».

Для познания природы требуется полное знание всех причин, однако совершенно необязательно, чтобы все эти причины были в каждом явлении и отношении. Аристотель требует разграничения не только конечных и ближайших причин, но и выявления преобладания различных причин в различных науках. Общим же для всех наук является обязательное раскрытие «первых причин», мы ведь тогда приписываем себе знание каждой вещи, когда, по нашему мнению, мы постигаем первую причину»[2]).

Интересно отметить, что исследование Аристотелем проблемы причинности при изучении движения реальных тел в природе не было сковано в тесные границы лишь четырех возможных родов причин. Такой взгляд был приписан Аристотелю позднейшими комментаторами и особенно средневековыми схоластами. У самого же Аристотеля и здесь заметна живая диалектическая мысль, особенно в его указании о многообразном проявлении одной и той же причины, о различных способах выражения причинной связи, о решающей причинной связи в различных явлениях природы[3]) и др. Диалектическая мысль Аристотеля осталась неразвитой особенно в связи с тем, что решающим при об'яснении всего материального и духовного мира он признал познание особенностей разума человека и раскрытие внутренней цели вещей. Третью главу первой книги «Метафизики» Аристотель закончил словами: «...кто сказал, что разум находится, подобно тому как в живых существах, также и в природе, и что это он — виновник благоустройства мира и всего мирового порядка, этот человек представился словно трезвый по сравнению с пустословием тех, кто выступал раньше»[4]).

Учение Аристотеля о причинах небеспочвенно. Уже одно перечисление

---

[1]) Аристотель «Метафизика». Кн. I. Гл. 3-я; кн. III. Гл. 2-я; кн. V. Гл. 2-я; кн. VIII, гл. 4-я «О возникновении животных». Ч. 1-я; «Вторая аналитика», II.
[2]) Аристотель «Метафизика», 983 *a* 24—983 *b* 30.
[3]) Аристотель «Физика», стр. 20.
[4]) Аристотель «Метафизика», 984 *b* 14—985 *a* 19.

основных видов движения, как оно изложено в «Физике», показывает нам связь их с аристотелевским пониманием причин. Насчитывая пять начал движения (то, что движет, движимое, направление, начало, цель), Аристотель приходит к выводу о четырех основных видах движения. Начиная с самого всеоб'емлющего движения как (1) перемещения в пространстве, исследуя (2) количественное изменение тел, Аристотель изучает, затем (3), смену качеств и, наконец (4), переход возможности в действительность как самый совершенный и высокий вид движения материи. Об'единяя особенности каждого вида движения, ибо все они могут встретиться совместно в одном природном теле, Аристотель определяет движение как осуществление потенциального бытия, и в этом смысле понятие «движение» родственно двум другим понятиям физики: «энтелехии» и «энергии». Всякое тело, имея определенную причину для своего движения, не может находиться в самодвижении, но получает толчок извне, от тела движущего, являясь само телом движимым. Хотя в момент взаимодействия эти тела и представляют как бы одно целое, однако движимое находится лишь в состоянии потенции, в то время как движущее находится в состоянии энергии. Чтобы оттенить достигнутый результат движения как осуществление потенциального, Аристотель вводит новый термин «энтелехия», выражающий уже достигнутую цель движения и, следовательно, окончательное завершение развития как готового результата.

Аристотель создал свое учение о движении, используя весь предшествующий философский и, в большей мере, эмпирический естественно-научный материал. Элеатов он называл «неподвижниками» и «противоестественниками»; теорию Эмпедокла, Анаксагора и атомистов он не мог принять вследствие ее «половинчатости», вследствие отрицания ими качественных изменений, превращений вещества и признания лишь «смешивания и раз'единения». Сам же Аристотель считает свою теорию движения высшей, ибо, кроме перечисления видов движения и введения «цели» как особого движения, он считает возможным движение лишь там, где налицо первоначальные противоположности качеств, воспринимаемые чувствами.

Исключительный интерес представляет попытка Аристотеля об'яснить движение как неот'емлемое от природы явление и поставить познание природы в зависимость от познания движения. В «Физике» Аристотель несколько раз возвращается к этой мысли: «Так как природа есть начало движения и изменения, а предметом нашего исследования является природа, то нельзя оставлять не выясненным, что такое движение: ведь незнание движения необходимо влечет за собой незнание природы» (кн. III, гл. 1-я). В конце «Физики» Аристотель вновь возвращается к этому вопросу: «Природа есть начало как движения, так и покоя... движение есть нечто свойственное природе» (кн. VIII, гл. 3-я). «Движение необходимо существует всегда» (кн. VIII, гл. 5-я)[1]. Это учение о связи движения с реальной, об'ективной природой, учение о познании природы через познание ее движения, несомненно, составляет одну из самых крупных научных заслуг Аристотеля. То, что у него выступило как результат исследования философских понятий и поэтому в несовершенной, ограниченной, непоследовательной форме, то в XIX веке было доказано при помощи огромного эмпирического материала.

Замечательна и самая постановка вопроса о видах, типах движения. Ни у физиков V века, ни у Гераклита, ни у атомистов еще нет такой глубокой постановки вопроса, различающей характер движения. У крупнейшего античного диалектика Гераклита из Эфеса движение выступает как всеобщее изменение, как текучесть, осуществляемая через борьбу и гармонию противоположностей. Демокрит указывал лишь на одну из форм движения — перемещение тел в пространстве. Аристотель поднял учение о движении на новый, более высокий уровень. Правда, он заканчивает свое исследование телеологическим взглядом на

[1]) См. также Аристотель «Метафизика». Кн. XI. Гл. 9-я, 12-я.

природу, отступая этим от греческих материалистов, но это не отнимает у него заслуги создания более глубокого учения — о видах движения материи.

Самым распространенным, так сказать фундаментальным, видом движения, по Аристотелю, следует признать перемену места. «Перемещение есть первое из движений» (кн. VIII, гл. 6-я), оно присуще всем телам природы, но самым важным, придающим особый смысл всему движению, является цель. Мы уже указали на внутреннюю цель, связанную с активностью формы. Кроме нее Аристотель создал еще учение о внешней цели как первом двигателе мира, повлиявшем особым образом на небесные сферы, создав там особого рода более совершенное круговое движение.

Теория Аристотеля, об'ясняющая движение вселенной действием особой божественной силы, покоится на следующей логической конструкции, развитой в восьмой книге «Физики». Указав, что движение вечно, всегда было и всегда будет[1]), Аристотель предполагает, что должно существовать «нечто», что приводит в движение тела[2]). Это «нечто» должно носить столь же вечный, но более совершенный характер, как и не могущее быть уничтоженным вечное движение. Этим «нечто» выступает «первый двигатель». Вследствие своего божественного характера «первый двигатель» не нуждается в существовании других тел и обладает энергией лишь благодаря самому себе[3]). Он не может находиться в движении, ибо тогда следовало бы предположить наличие еще одного двигателя. Обладая энергией, «первый двигатель», однако, не обладает материей, ибо в нем нет ничего несовершенного, косного. Он есть чистая форма — цель. Поэтому Аристотель считал, что мир приводится в движение через сообщение миру стремления к движению, «желания» находиться в движении.

Движение по замкнутому кругу Аристотель считал наиболее совершенным видом движения, свойственным лишь небесным сферам и радикально отличающимся от процессов, происходящих на земле. Если земля находится в абсолютном покое и в центре мира, то все присущее небесам вращается вокруг земли. Вместе с землей вселенная, по Аристотелю, должна иметь «совершенную» форму шара, состоящую из ряда концентрических небесных «сфер», в которых и расположены небесные светила. Наиболее отдаленной от земли сферой является область неподвижных звезд, затем, располагается сфера пяти планет, за ней — область солнца и, наконец,— луна. Все небесные тела состоят из пятого элемента — «эфира», свободного от возникновения и разрушения, от изменения качества и величины. Идя по линии создания особых сфер движения каждого небесного тела, Аристотель вынужден был создать 55 небесных сфер, не считая сфер «идеальных», связанных с движением элементов[4]).

У различных сфер — различные скорости движения по кругу. Так, сфера неподвижных звезд имеет наиболее быстрое вращение вследствие близости к источнику движения, расположенному сразу же за сферой неподвижных звезд. Этим источником движения и является «первый двигатель». Хотя Аристотель и не мог доказать, каким образом вечный неподвижный двигатель может непрерывно влиять на материальный мир, существующий вечно, он, однако, считал это само собой разумеющимся и единственно истинным предположением.

В космогоническом учении Аристотеля ярче всего сказалась непоследовательность его взглядов. Колебание между материализмом и идеализмом переросло в открыто идеалистический взгляд на мир. В этом учении Аристотель стоит много ниже материалистических теорий греков о вселенной. Ленин, конспектируя лекции Гегеля по истории философии, специально обратил внимание на учение о «первом двигателе» как на наиболее слабый пункт аристотелевского

---

[1]) Аристотель «Физика». Кн. VIII. Гл. 1-я, 2-я.
[2]) Там же. Кн. VIII. Гл. 4-я.
[3]) Там же, 256 *a*, стр. 149.
[4]) Аристотель «Метафизика». Кн. XII. Гл. 8-я.

учения. Ленин писал: «Аристотель так жалко выводит бога против материалиста Лейкиппа и идеалиста Платона. У Аристотеля тут эклектизм» [1]).

Однако указанные ограниченности и непоследовательности учения Аристотеля не могут служить основанием для третирования учения Аристотеля в целом как мертвого, сплошь реакционного и вредного. Маркс писал Энгельсу, что лишь тот, кто знаком с Аристотелем понаслышке, вроде Бюхнера, может смотреть «с состраданием сверху вниз на Аристотеля» [2]). За блестящие образцы диалектики, за признание об'ективно движущейся природы в ее различных видах, за тщательную разработку логики Маркс называл Аристотеля человеком, благодаря которому греки в философии вышли из возраста детей [3]), ибо им была создана «положительная философия греков... т. е. энциклопедическая наука» [4]), и греческая наука и философия достигли «при Аристотеле высшей степени процветания» [5]).

Аристотель останется навсегда великим мыслителем древности, подведшим итог всему развитию философской и научной мысли Греции. Именно за то, что у Аристотеля, этого «исполина мысли» античного мира, «масса архиинтересного, живого, наивного (свежего), вводящего в философию» [6]), ценил Аристотеля Ленин. В аристотелевской «Физике» всюду можно найти живую мысль, ярко намечаются запросы и раскрываются трудности научного познания. В этом отношении «Физика» Аристотеля представляет большой интерес и для современного читателя.

* * *

В заключение несколько слов о переводе и издании «Физики».

Известно, что перевод философских произведений Аристотеля представляет особые трудности по сравнению с произведениями других греческих мыслителей. У него встречается впервые подробно разработанная философская терминология, его философия претерпела в истории наибольшее искажение, особенно у средневековых схоластов, через руки которых до нас дошли работы Аристотеля. Еще и сейчас не окончательно установлен текст и смысл ряда существеннейших мест главных произведений Аристотеля. Тем большая ответственность ложится на переводчика. И нужно прямо сказать, что перевод «Физики», осуществленный Карповым, значительно уступает переводу «Метафизики», выполненному А. В. Кубицким. Бросается в глаза неровность перевода. Чем ближе к VIII главе, тем более трудным становится чтение перевода. Не всегда по важнейшим философским терминам приводится греческий текст.

Слабыми являются и примечания переводчика: они редко вводят в существо вопроса, почти не устанавливают связи «Физики» Аристотеля с его предшественниками и последователями, не сравнивают принятое в тексте толкование спорных мест аристотелевой «Физики» с коментариями Росса, Иегера и др.

Не отличается достоинствами и самое издание «Физики». В нем нет ни вступительной статьи, ни указателей. Соцэкгиз, издавая «Физику», проявил в этом вопросе недооценку значения перевода классической философской литературы на русский язык. Ленин в своей статье «О значении воинствующего материализма» требует издания классических философских произведений с критическими комментариями, с марксистскими об'яснительными статьями и пр. Необходимость выполнения этого ленинского требования, видимо, до сих пор еще не вполне осознали работники Соцэкгиза.

Г. АЛЕКСАНДРОВ

---

[1]) Ленин «Философские тетради», стр. 289.
[2]) Маркс и Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 130.
[3]) Маркс и Энгельс «Немецкая идеология». Соч. Т. IV, стр. 121.
[4]) Там же, стр. 117.
[5]) Маркс «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура вообще». Соч. Т. I, стр. 29.
[6]) Ленин. Сборник XII, стр. 328.

Обзор учебников по общей химии

Н. Л. ГЛИНКА. Неорганическая химия. А. РЕФОРМАТСКИЙ. Неорганическая химия. Б. Н. МЕНШУТКИН. Курс общей химии (неорганической). А. В. РАКОВСКИЙ, Э. Ф. КРАУЗЕ, А. Е. БОГОМОЛОВ. Курс общей неорганической химии. Б. В. НЕКРАСОВ. Курс общей химии.

За последние годы химия в средней школе как учебный предмет, имеющий громадное общеобразовательное и воспитательное значение (навыки в наблюдении, уменье производить эксперимент, обобщение результатов наблюдения), заняла одно из основных мест. Особенно сильно сказалось на качестве подготовки учащихся по химии введение испытаний по этому предмету при поступлении в вуз.

Учащиеся средней школы имеют не только общее представление о химических процессах, но и знание основ химической науки, что раньше обычно давалось лишь на первых курсах вуза.

Естественно, что в связи с этим пред'являются иные требования к вузовским программам, к технике и процессу преподавания и в первую очередь к учебнику.

Если соответственно этим новым задачам вузы начинают перестраивать свою работу и большинство из них уже значительно ее перестроило, то этого в полной мере нельзя сказать об учебниках: еще живы старые традиции — начинать химию с «азов», излагая предмет с установкой на то, что студенты совершенно не знают химии. Наиболее типичным примером такого типа учебника является учебник проф. Глинки, начинающийся с техники обращения с простейшими приборами и где химический язык вводится со стр. 64, атомно-молекулярная теория — со стр. 70, а о строении материи сказано только в конце книги.

Такой же примерно характер носят учебники общей неорганической химии и Реформатского, и Раковского, и других

Некоторым исключением является учебник Меншуткина «Курс общей химии (неорганической)».

Правда, авторы каждого из названных учебников пытаются приспособиться к новым задачам, поставленным перед вузовским курсом химии. К сожалению, решение этой задачи сводится или к увеличению об'ема учебника за счет введения в учебник нового материала (учебник Глинки) или к иному расположению теоретического и фактического материала, как это делает проф. Меншуткин в «Курсе общей химии (неорганической)».

Создать учебник с учетом того, что уже дала учащемуся средняя школа, дать его на уровне развития современной химии — это значит полностью пересмотреть установившиеся традиции во взглядах на учебник химии для вуза.

Вторая задача, которая ставится перед вузовским учебником, — дать наряду с так называемой классической химией современные представления в области химической науки, т. е. дать теоретические основы общей химии и, наконец, широко отразить задачи советской химии в социалистическом хозяйстве нашей страны.

Указание XVII партийной конференции для химической промышленности и химии «полностью ликвидировать отставания от темпов развития народного хозяйства в целом», а также решения XVII партийного с'езда «добиться решаю-

щих сдвигов в развитии химической промышленности, обеспечивающих широкую химизацию всех отраслей народного хозяйства, и укрепления обороноспособности страны» должны быть в широкой мере отражены в советском химическом учебнике.

И, наконец, третьим затруднением при создании учебника общей химии являются те новые задачи, которые пред'являются к нему со стороны педвуза, медвуза, втуза металлургического и машиностроительного и т. д. Дело в том, что сейчас уже трудно удовлетвориться одним общим учебником для перечисленных типов учебных заведений, что было вполне возможно еще несколько лет назад.

Мы еще не указали на одно требование, которое, безусловно, надо пред'явить советскому учебнику общей химии,—это последовательное материалистическое изложение химической науки.

Только что вышедший учебник проф. Некрасова «Курс общей химии» (томы I и II) является серьезной попыткой, вопреки всем традициям, совершенно по-новому построить учебник химии.

Он не только по своему построению, но и по содержанию коренным образом отличается от всех, до сих пор существовавших учебников общей химии для вузов.

Это далеко еще не значит, что «Курс общей химии» проф. Некрасова уже целиком решает поставленные перед учебником химии задачи, не значит и то, что существующие учебники должны быть выброшены за борт высшей школы.

Ценность учебника проф. Некрасова заключается в том, что автор исходит из принципиально правильных установок — дать курс химии на базе средней школы, исходя из общих теоретических основ современной химической науки, а именно: строения материи и периодического закона. Несмотря на все достоинства этого учебника он еще далек от идеала и требует большой работы для того, чтобы в полной мере соответствовать своим задачам.

Чтобы иметь более полное суждение о существующих учебниках, мы остановимся подробнее на разборе каждого из них в отдельности.

* * *

По форме своего изложения, ясности языка, точности формулировок и отсутствию грубых ошибок учебник проф. Н. Л. Глинки «Неорганическая химия» [1]) (с 230 рисунками) из всех упомянутых является наиболее удачным.

В сравнении с 3-м изданием 4-е издание подвергалось изменениям, главным образом за счет глав об «Электролитической диссоциации» и «Теории строения атома».

Эти изменения значительно увеличили об'ем учебника, но, к сожалению, не повысили его общего теоретического уровня.

Учебник в его настоящем виде вырос из довольно хорошего когда-то учебника для сельскохозяйственных техникумов. Автор дополнил его только новыми главами и частично изменил существующий материал. На этом этапе учебник проф. Глинки в силу ясности и четкости излагаемого материала сыграл значительную роль и был в числе лучших учебников, но сейчас, когда к учебнику вуза пред'являются иные требования, книга проф. Глинки далеко не удовлетворяет в настоящем виде. В ней имеется ряд серьезных недочетов:

1. На протяжении почти половины всего курса процессы окисления и восстановления рассматриваются как реакция отнятия или присоединения кислорода или водорода. Только в § 124 (стр. 246) автор подходит к вопросу окисления и восстановления с точки зрения электронной теории.

---

[1]) 4-е изд., перераб. М. и Л. ОНТИ. Госхимиздат. 1933. 412 стр. 30 000 экз.

2. Слабо в учебнике разработана глава, посвященная металлам, которым вообще отведено очень мало места (4 печатных листа из 33).

3. Неудачно изложены и растворы, которые автор излагает в 4 приема. Здесь, как всюду, сказалось постепенное «наращивание» учебника.

В данное время, пока еще в достаточной мере на вузовском курсе общей химии не сказались результаты той большой работы по химии, которую проделала средняя школа, учебник пригоден для нехимических вузов и втузов.

Для того чтобы он сделался полноценным советским учебником, необходимо не дальнейшее его «наращивание» (надстройка), а коренная переработка на основе тех общих требований, которые пред'являются высшей школой.

* * *

Одним из основных курсов для нехимических вузов является учебник проф. А. Реформатского «Неорганическая химия»[1]). Начиная с 1906 г. он выдержал около 20 изданий. В данном издании учебник переделан почти заново.

Несмотря на то что в книге сравнительно рано вводятся учение о строении атома (глава VI, стр. 78) и периодический закон, этот учебник страдает теми же недостатками, что и другие учебники. Наряду с теоретическим материалом он содержит описание практических занятий, которые можно было бы с успехом совсем исключить из книги или издать отдельным к ней приложением. Последнее, впрочем, вряд ли целесообразно, так как имеющиеся практикумы разработаны более тщательно и содержат большое количество лабораторных опытов.

Учебник снабжен довольно большим количеством неплохо выполненных рисунков, чертежей и схем (95 рисунков). Внешнее оформление в общем довольно удовлетворительно для массового издания.

В настоящем виде учебник пригоден для нехимических втузов и вузов.

* * *

Большую историю имеет учебник Б. Н. Меншуткина «Курс общей химии (неорганической)»[2]). Он неоднократно подвергался значительным изменениям, переработке и изданию в различных вариантах. Мы рассмотрим наиболее полное издание этого учебника.

В первых главах излагается история возникновения и развития основных представлений химии, затем идет изложение современных учений о строении атома.

Вторая часть содержит систематическое описание химических элементов по группам периодической системы.

Учебник заканчивается главой «Радиоактивные элементы», в которой с достаточной подробностью излагается история открытия радиоактивных элементов, их свойства и конечные результаты распада радиоактивных элементов. Глава XXVII, «Химический элемент», является естественным продолжением последней главы — «Радиоактивность». Здесь автор вновь возвращается к вопросу строения атома.

Придавая большое теоретическое и методическое значение периодическому закону и излагая его в начале курса, автор дает его совершенно отдельно от вопросов строения материи, хотя ему прекрасно должно быть известно, что во всей полноте этот закон получил свое подтверждение только в свете современной теории атома. В свою очередь, современные взгляды на строение атома, как в своем историческом развитии, так и в дальнейшей разработке, тесно связаны с периодическим законом.

---

[1]) Госхимиздат. 1933. 400 стр. Допущен в качестве учебника КВТО.

[2]) 4-е изд., совершенно перераб. Л. и М. ОНТИ. Госхимтехиздат. 1933. 738 стр. 20 000 экз.

В отличие от ряда других учебников автор начинает изложение своего курса со строения атома, исходя из того, что «для химика раскрытие строения атома имеет первостепенное значение, так как это дает ключ к познанию сущности химического сродства, валентности, механизма образования ионов, основных процессов химических соединений и т. д.» (стр. 67).

При этом первая часть строения материи, на «фундаменте чего строятся все основные понятия и закономерности химии», излагается в общих чертах, тогда как вторая часть, где сообщаются «некоторые подробности» учения о строении атома, возникла из изучения явлений радиоактивности. Естественно, что разрыв между радиоактивностью и учением о строении материи, как это получилось у автора, не только не соответствует историческому ходу развития науки, но также ничем не оправдывается с точки зрения методической и педагогической.

Материал по группам дан с достаточной полнотой и последовательностью. Автор обычно сообщает об элементе историю его открытия, распространение в природе и его техническое значение.

Вопросам истории в учебнике отводится очень значительное место. Автор не только дает иногда очень ценные и редкие справки из истории отдельных элементов, но и затрагивает ход исторического развития тех или иных учений в химии (теория горения, история развития периодического закона и др.).

Наряду с этим автор проделал большую и вообще необходимую работу по разработке кратких биографических очерков не только наиболее выдающихся химиков, но и тех, с именем которых связано то или иное частное открытие в химии. Обычно биографии даны почти вне всякой связи с текстом всего излагаемого материала. Все биографические очерки снабжены соответствующими портретами, причем последние, как общее правило, из-за скверной бумаги выполнены очень неудовлетворительно.

К вопросам истории химии автор подходит как к простой регистрации фактов и не видит в них логики развития закономерностей науки, хотя он и претендует на «диалектическое изложение» химической науки.

Получается так, что исторические факты — сами по себе, а обобщения и выводы из отдельных и разрозненных фактов — тоже сами по себе. Автор даже не пытается поставить вопрос о единстве исторического и логического, поэтому он так легко разрывает изложение таких вопросов, как строение материи и радиоактивность, строение материи и периодическая система.

Автор, как мы уже упоминали, претендует на диалектическое изложение своего курса, но самое построение курса, изложение исторических фактов, почти полное игнорирование вопросов строительства социализма показывают, что он недостаточно понимает поставленную задачу. Порядок изложения курса химии с целью придать связанность и диалектичность изложения совсем не заключается только в отдельных ссылках на диалектику, что мы как раз встречаем у автора.

К учебнику приложен краткий словарь наиболее часто встречающихся химических выражений и терминов. В тексте имеется около 200 рисунков, схем и чертежей, сравнительно удовлетворительно выполненных.

Издан и оформлен учебник очень скверно, несмотря на его высокую цену (14 рублей): плохая бумага, неряшливый переплет, громоздкость размеров, скверные фотографии — все это делает учебник с внешней стороны непривлекательным.

Учебник проф. Меншуткина так же, как и другие, не является полноценным учебником для вузов, но нельзя не отметить его положительных сторон: полноту изложения, громаднейшее количество исторических справок, тщательную их обработку и наряду с этим простоту и доступность изложения.

* * *

Из других учебников можно указать на учебник бригады А. В. Раковского, Э. Ф. Краузе, А. Е. Богомолова «Курс общей неорганической химии» [1]), который является неудачной переработкой потерявшего уже свою педагогическую ценность известного учебника Смита «Введение в неорганическую химию».

Как известно, учебник Смита, прекрасно разработанный с методической стороны, по своим ярко выраженным философским установкам был махистским. Авторы задались благой целью — переделать махистский учебник и не просто выбросить махизм, а диалектически переработать все содержание учебника, использовав методические приемы и фактический материал перерабатываемого учебника. Но авторы не выбросили в полной мере махизма и не использовали в полной мере все то ценное, что имелось в учебнике Смита.

В результате мы имеем очень слабый учебник. Авторы, учтя свои промахи и дальнейшую бесполезность работы, отказались от переработки II тома, поэтому мы не будем подробно останавливаться на разборе этого учебника.

* * *

Естественно, более подробной оценки по мотивам, изложенным в начале статьи, заслуживает учебник проф. Б. В. Некрасова «Курс общей химии» [2]).

Учебник разделяется на 2 тома (всего 16 глав), причем II том служит непосредственным продолжением I тома.

Первые 2 главы I тома являются кратким обобщением уже известного из курса средней школы материала: учение о молекулярно-атомистической теории, понятие об атомных молекулярных весах, химических формулах и составе воздуха. Это «повторение» далеко не является повторением, дублирующим материал средней школы, а, скорее, обобщением и дополнением уже известного материала и также необходимой основой для перехода к изложению учения о строении атома и молекулы, чему посвящена вся III глава.

Учение о строении атома тесно увязано с периодическим законом. Эта глава написана живо и оригинально.

В IV главе даются на основе предыдущего материала водород и учение о химическом равновесии.

Главы V и VI—«Вода и растворы», «Электролитическая диссоциация».

В последующих главах на основе известного теоретического материала автор разбирает химические элементы и их соединения по группам периодической системы, начиная с седьмой группы.

II том более загроможден фактическим материалом и значительно слабее разработан с методической стороны.

Во II томе 7 глав (X—XVI). Том начинается с главы X, которая содержит изложение четвертой группы периодической системы. Из теоретического материала сюда включено учение о коллоидах в связи с разбором соединений кремния.

Глава XI (третья группа) включает раздел, посвященный физико-химическому анализу, правильнее, термическому анализу, так как здесь разбираются преимущественно диаграммы плавкости.

Следующая глава, XII (вторая группа — щелочно-земельные металлы) содержит параграф «Химический состав и свойства кристаллов» В этом параграфе дается представление о получении рентгенограмм (работы Лауэ, Брегга, Дебая — Шеререра) о структурах кристаллов, о типах связи в кристаллах, расчеты кристал-

---

[1]) Т. I. М. и Л. ОНТИ. 1933. 420 стр. 20 000 экз.

[2]) Доп. КВТО при ЦИК СССР к изд. в 1935 г. в качестве учебника для втузов. М. ОНТИ. Гл. ред. химич. литературы. Т. I. (со 171 рис.). 388 стр.; т. II (с 358 рис.). 508 стр. 10 000 экз.

лической решотки, причем этот материал никак не связан с общим содержанием главы.

Глава XIII, посвященная первой группе периодической системы, связана с изложением современных взглядов о поляризации молекул и ионов, о чем хотя и говорится на протяжении 40 страниц, но не всегда достаточно ясно.

В главе XIV, где дается восьмая группа периодической системы, идет изложение комплексных образований.

XV глава, «Периодический закон как основа химической систематики», включающая разделы: водородные соединения, галоидные соединения, окислы и их гидраты, соли кислородных кислот, — могла бы быть без всякого ущерба из'ята из курса, что значительно бы разгрузило и без того громоздкий учебник. Материал, излагаемый в этой главе, не имеет принципиального характера и может быть опущен.

Последняя, XVI глава, «Развитие периодического закона», написана живо и интересно. Из изложенного выше видно, что автор при построении учебника исходит из тех знаний у студентов вузов, которые дает средняя школа. Здесь уже нет обычного для вузовского курса дублирования материала средней школы.

Следовательно, материал курса не является простым перечислением и нагромождением фактов, их внешним описанием. Автор исходит из общих теоретических основ современной химической науки, а именно: строения материи и периодического закона.

«Именно в этом, первом по времени прохождения курсе мышление студента должно быть сразу правильно поставлено на вполне современные рельсы» (стр. 3). Это заявление автора в предисловии к своему учебнику совершенно правильно.

Автор начинает свой курс сразу же с учения о строении материи, тесно увязывая его с современными представлениями о периодическом законе.

Исходя из этого материала в вполне доступной форме дается современное учение о химической связи и раскрывается сущность валентности.

По мнению автора, курс должен «строиться в соответствии с научной методологией диалектического материализма», что означает: рассматривать все процессы в их «взаимной связи,' в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и уничтожении» (Энгельс).

Ставя эту задачу, автор задался целью, которую он сам формулирует следующим образом:

«Если в первой четверти текущего века теоретическая химия занималась почти исключительно изучением равновесий, то теперь центр тяжести переместился на выяснение характера протекания элементарных процессов. Если раньше теоретические построения базировались на жесткости молекулярных форм, то теперь в основу кладется напротив их изменчивость» (стр. 4)

Указывая совершенно правильно на то, что новые данные в учении о строении материи, в частности о строении атомного ядра, дают возможность не только описательно подойти к ряду элементарных, обычных химических процессов, но и вскрыть их внутренний механизм, вскрыть общие закономерности, присущие этим процессам, автор на протяжении всего курса серьезно пытается справиться с поставленной задачей и в основном делает это вполне успешно.

Далее, автор, полемизируя со старым типом учебника, утверждает, что в учебник должны быть внесены не только твердо установленные и бесспорные факты, но и такие научные представления, которые являются пока гипотетическими и необщепризнанными (стр. 5), т. е., проще говоря, еще не достаточно проверенными и спорными. Здесь, по нашему мнению, должна быть внесена полная ясность. Задача учебника — дать основы систематического знания науки, эти знания не должны быть бесформенным конгломератом отдельных фактов, а исходить из теоретических представлений, из общих взглядов современной науки. Общая химия на данном уровне своего развития, бесспорно, имеет эти теоретические основы ввиде периодического закона и учения о строении материи.

Здесь возникает вопрос: нужно ли голову студента (даже химика) «забивать» непроверенными, спорными фактами, отвлекающими его от понимания и усвоения основного материала? Мы считаем это излишним. Больше того: весь материал, выходящий за пределы программы, должен быть решительно из'ят из учебника. Не надо забывать, что учебник — не справочник.

Однако несмотря на заявление автора о том, что он считает необходимым вводить в учебник гипотетический и необщепризнанный материал, в тексте учебника такого материала сравнительно мало.

С методической стороны учебник в своих отдельных частях написан продуманно и со знанием педагогического процесса.

Каждый раздел учебника сопровождается сравнительно богатой иллюстрацией и описанием соответствующих практических работ.

Все описанные опыты умело подобраны, и многие из них являются оригинальными. Здесь автором была проделана громадная работа, которую нельзя недооценить.

Однако, наряду с большими достоинствами учебника в целом, возникает ряд серьезных возражений и прежде всего с методической стороны.

Так, автор, оправдывая свое построение учебника, заявляет:

«Само собой разумеется, однако, что все сообщаемые в курсе сведения не могут быть равноценны по своему значению для о б щ е й химической подготовки того или иного специалиста. Отсюда возникает целесообразность введения в книгу д в у х ш р и ф т о в» (стр. 7). Одним словом, автор стремится разрешить неразрешимую задачу—дать учебник «вообще»: и для химического втуза и для нехимического, и для специалиста-химика и для неспециалиста. Но вряд ли можно «об'ять необ'ятное». Введение мелкого шрифта не только не разрешает поставленной задачи, но сильно снижает качество учебника, сбивает с толка работающего по нему. Всего в учебнике 82 печатных листа. Из них мелким шрифтом — примерно около половины, особенно во II томе (так например X глава, «Четвертая группа периодической системы», всего содержит 112 стр. (389—502), из них, по приблизительному подсчету, 52 стр. мелкого шрифта, т. е. текста мелким шрифтом много больше чем шрифтом крупным).

Несмотря на указания автора, что можно работать при надобности только по одному крупному шрифту, это не всегда удается, так как зачастую при изложении крупным шрифтом идут ссылки на то, что изложено мелким. Чаще всего мелкий шрифт является дополнительным иллюстрирующим материалом к крупному. Далее, благодаря тому, что изложенное одним шрифтом очень часто прерывается другим, у читателя возникает вполне естественное раздражение и неудовлетворенность. Отрицательные стороны злоупотребления мелким шрифтом усиливаются тем, что «кусочки», вернее «лоскутья», крупного шрифта не всегда являются непосредственным продолжением один другого.

Автор поставил в самом начале неправильную задачу — дать учебник «для всех вузов», учебник вообще, а не для конкретного типа вузов. Отсюда, из решения неправильно поставленной задачи, и вытекают все недочеты, портящие в общем оригинально задуманный и оригинально написанный учебник. Вряд ли нужно доказывать, что учебники и для химического втуза и для нехимического не могут быть механически вложены один в другой. Но допустим ли вообще мелкий шрифт в учебнике? По нашему мнению, для учебника, перед которым ставятся определенные программные и методические требования, двойной шрифт, как правило, недопустим. А как удовлетворить запросы наиболее любознательной части студенчества и дать дополнительный справочный материал педагогу? Для этой цели существует учебная и справочная литература, которую надо умело использовать.

Учебник должен содержать все необходимое и ничего лишнего, ненужного, затрудняющего общее усвоение курса, его основную идею, нарушающего его стиль.

Как мы уже говорили выше, учебник содержит вполне исчерпывающее описание всех практических работ по курсу общей химии. Иначе говоря, проф. Некрасов в своем учебнике одновременно решает задачу и практикума. Итак, получается, что в одной книге мы имеем и учебник, и учебно-справочную книгу, и практикум

Несмотря на интересный и продуманно подобранный материал практикума его помещение в учебник ничем не оправдывается: прежде всего сравнительно дорогостоящий учебник в качестве настольного руководства во время практических работ в химической лаборатории через несколько занятий будет испорчен; во-вторых, весь этот материал сильно загромождает и без того громоздкий учебник, и, наконец, часть опытов, описанных в рубрике практикума, могла бы быть перенесена в основной текст, что значительно обогатило бы его содержание.

Наряду с вышеизложенными методическими замечаниями возникает ряд замечаний и по содержанию курса. На разборе некоторых мы и остановимся.

Логическое изложение науки, на что законно претендует проф. Некрасов, требует и исторического подхода к науке.

В учебнике имеется много умело изложенного исторического материала («Пути развития химии», исторический подход к периодическому закону), однако же в целом исторический материал носит характер хронологического справочника.

Размер учебника и об'ем излагаемого материала вполне позволяли автору показать пути развития борьбы человека за овладение закономерностями химических процессов, показать, что «логика, наука, современные достижения ее являются итогом, выводом, резюме развития техники истории науки» (Ленин). Между тем, решая, например, такую проблему, как проблема валентности, автор определяет валентность чрезвычайно просто, как частное от деления атомного веса на эквивалент. К вопросу валентности в последующем изложении автор возвращается неоднократно, рассматривая его в дальнейшем в связи с учением о строении атома, и, наконец, автор вновь возвращается к нему в главе XV, посвященной периодическому закону как основе систематики. В III главе автор посвящает валентности целый параграф — «Химическая связь» (стр. 79), где, исходя из природы химического сродства, подходит к об'яснению валентности на основе теории Косселя и Люиса. Однако все же остается неясным, что такое валентность. Так, в главе XV мы читаем:

«Значение валентности для химических свойств элементов чрезвычайно велико особенно потому, что с изменением ее меняются и остальные характеристики (радиус, структура внешней электрической оболочки)» (стр. 798). Значит, здесь автор утверждает, что валентность есть одно из таких свойств элемента, которые определяют остальные его характеристические свойства.

Однако как же это увязывается с более ранним утверждением автора (на стр. 30), когда он пишет, что «число, показывающее, сколько эквивалентных весов заключается в атомном, т. е. частное от деления атомного веса на эквивалентный, называется валентностью рассматриваемого элемента»? Следовательно, здесь валентность рассматривается как число.

Почему такое противоречие? Это противоречие является следствием того, что у самого автора нет ясности в понимании валентности. Свойство или число? Вряд ли в такой постановке разрешим этот вопрос.

В понимании валентности надо исходить из химической связи «специфического химического сродства», обусловливаемого природой строения атома, что и делает автор в § 4 главы III («Химическая связь»). Следовательно, валентность выступает здесь как мера этого сродства, характеризующая каждый атом в данных конкретных условиях. Только так, по нашему мнению, можно правильно решить этот вопрос, избегнув тех противоречий, в которые впадает автор.

У автора имеется целый ряд мелких неточностей и неправильностей.

На стр. 100 автор указывает, что числовое значение постоянной Планка равно $6{,}54 \cdot 10^{-17}$; здесь вкралась досадная опечатка, которая повторяется, к сожалению, и дальше: действительное значение постоянной — $6{,}57 \cdot 10^{-27}$.

Стр. 112. Совершенно непонятно, почему перекись водорода попадает в раздел «Химическое равновесие», тогда как вода следует за перекисью водорода?

В главе «Вода и растворы» дается экскурс в физическую химию (правило фаз). Вряд ли для химического вуза есть необходимость давать в курсе общей химии отдельную главу из физической химии, которой в учебной программе отведено значительное место.

Стр. 12. Об'ясняя мотивы поисков философского камня, автор пишет: «Целиком идеалистическая система алхимиков позволяла рассчитывать на получение любого вещества путем простого комбинирования основных «принципов» в надлежащих пропорциях».

Здесь дело обстоит не совсем так. Признание materia prima (первоначальная материя) — вот что было научной основой поисков «чудесного камня философов».

Стр. 20. Для понимания исторического подхода к современным химическим обоснованиям и формулам и их значения неплохо было бы дать символы-рисунки Дальтона, служащие обозначением атомов. Эти рисунки из записной книжки Дальтона обычно приводятся в стабильном учебнике Верховской, но только в вузовском учебнике можно на этом примере во всей полноте показать исторический путь развития человеческого мышления.

Стр. 525. В главе XI (третья группа периодической системы) довольно большой параграф (12 стр.) посвящен физико-химическому анализу, хотя по содержанию его нужно было бы назвать «термическим анализом». Весь параграф посвящен описанию кривых охлаждения, диаграмм плавкости и летучести.

Возникает ряд вопросов: во-первых, почему это «пришито» к третьей группе периодической системы, во-вторых, в какой степени это необходимо для курса общей химии? Для студентов-нехимиков этого не нужно, а в химических вузах за общей химией следует физическая, где все это проходится уже на более высокой основе и тесно связано со всем содержанием курса физической химии.

Стр. 556. Автор сообщает: «...бериллий не находит пока сколько-нибудь значительного практического применения...» Это неверно. Сплавы бериллия, как обладающие высокой электропроводностью, эластичностью и прочностью при незначительном весе, привлекают к себе пристальное внимание металлургов и машиностроителей.

Стр. 751—782. Комплексные соединения и образования изложены туманно. Большой физический материал покрывает ясность выводов. Нет достаточно полного разбора классической теории Вернера, и остаются также недостаточно ясными современные представления о комплексных образованиях, хотя об этом и говорится очень много. Не обращено внимания на разграничение комплексных и двойных солей.

По прочтении параграфа остается все же неясной сущность комплексообразования.

Все указанные частные замечания могут и должны быть устранены в последующих изданиях.

Издан учебник сравнительно хорошо: коленкоровый переплет, относительно хорошая бумага, прекрасный, четкий шрифт (имеем в виду крупный шрифт); учебник снабжен большим количеством схем, чертежей и рисунков, довольно хорошо выполненных и отчетливо напечатанных.

Резюмируем недочеты учебника:

1. Первым существенным недостатком учебника является превращение его в универсальный учебник (учебник, учебное пособие и практикум), вследствие чего он загроможден фактическим материалом.

2. Не всегда ровный стиль учебника, что затрудняет усвоение материала.

3. В учебнике недостаточно полно вскрываются роль химии в социалистическом государстве и пути ее дальнейшего развития.

4. Необходимо при следующем издании наиболее полно развернуть исторический подход к развитию основных проблем химии, как например: атомно-молекулярной теории; строения материи; периодической системы; открытия важнейших элементов и т. д.

Однако несмотря на целый ряд указанных как общих, так и частных замечаний учебник проф. Некрасова является, бесспорно, ценным вкладом в учебные пособия советской высшей школы.

Необходимо только пожелать, чтобы общественность химиков, научных работников и химиков-педагогов своими замечаниями помогла автору учебника выправить все недостатки, имеющиеся в настоящем издании учебника.

С. БАЛЕЗИН

Редакционная коллегия журнала „ПЗМ“ { **В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев, М. Н. Корнеев.**

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комн. 723, тел. Д 3-34-07.

Уполн. Главлита № Б—28684. Сдано в набор 17/IX 1936 г. Подп. к печ. 8/X 1936 г. Об'ем 11 п. л. 66 000 знаков в 1 печ. листе. Издат. № 965. Заказ № 1949 Тираж 25 000.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

НЕ ЗАБУДЬТЕ СВОЕВРЕМЕННО ПОДПИСАТЬСЯ

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-оппортунизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ рассчитан на активных работников партии, научных работников общественно-экономических и естественных дисциплин, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

Подписная цена:

на 3 мес.—9 руб., на 1 мес.—3 руб.

Подписка принимается: почтой, „Союзпечатью“, письмоносцами и уполномоченными по партпечати на предприятиях и учреждениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Цена 3 руб.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА РУКОВОДЯЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОРГАН ИККИ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

18-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫХОДИТ РАЗ В МЕСЯЦ В УВЕЛИЧЕННОМ ОБ'ЕМЕ

Журнал реорганизован. Кроме существующих постоянных отделов („Люди Коминтерна", „Политические заметки") введены новые постоянные рубрики: „Международное рабочее движение", „В секциях Коминтерна", „В Исполкоме Коминтерна".

Каждый партиец, комсомолец и беспартийный активист, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна, должен выписать журнал

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ"

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

„Союзпечатью", почтой, письмоносцами, уполномоченными по партпечати в партгруппах и издательствами политотдельских газет на транспорте.

В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ журнал имеется во всех киосках „Союзпечати".

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА **1936** ГОД:

на 1 мес.— 1 р.
на 3 мес.— 3 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"